

Министерство обороны Российской Федерации
Российская академия ракетных и артиллерийских наук
Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи
Международный культурный центр
«Клуб друзей Военно-исторического музея»

**Военное прошлое государства
Российского:
утраченное и сохраненное**

**Материалы Всероссийской научно-практической
конференции, посвященной 250-летию
Достопамятного зала**

13–17 сентября 2006 года

**Секция
«Военная история России: опыт современного изучения»**

Санкт-Петербург
2006

На обложке:

Указ от 28 июня 1756 г. Канцелярии главной артиллерии и фортификации о сборе «инвенторских орудий и курioзных и достопамятных вещей» в С.-Петербургском арсенале

Ф. 2. Оп. Сб. Д. 3090. Л. 1

Печатается по решению Редакционно-издательского совета ВИМАИВиВС

Ответственный редактор – *С.В. Ефимов*

Организационный комитет конференции «Военное прошлое государства Российского: утраченное и сохраненное»: *В.М. Крылов* (председатель), *Л.В. Глазунова*, *С.В. Ефимов*, *В.И. Кобякова*, *Д.В. Литвиненко*, *Л.К. Маковская*, *С.С. Рымша*, *С.В. Успенская*, *Ю.В. Утянский*

**Военное прошлое
государства Российского:
утраченное и сохраненное**

**Материалы Всероссийской научно-практической
конференции**

Часть 3

Редакторы: *Е.М. Пожидаева*, *Е.А. Савельева*

Художник: *Н.Я. Якубовская*

Технический редактор: *В.И. Хоронко*

Верстка: *Т.И. Таранова*

Компьютерный набор: *Я.В. Камашина*

Лицензия ПД № 2-69-528

Подписано в печать 28.08.06. Формат 60x90/8

Бумага офсетная. Гарнитура PetersburgС.

Тираж 200 экз. Заказ № 32.

Отпечатано в ЦОП ГУ ВИМАИВиВС
Санкт-Петербург, Александровский парк, 7
Тел./факс: (812) 238 07 04

© ВИМАИВиВС, 2006.

© Коллектив авторов, 2006.

Социальная направленность деятельности Военного и Морского министерств в середине XIX века (К 150-летию завершения Крымской кампании)

Под социальной направленностью деятельности Военного и Морского министерств имеется в виду исходящий от них круг инициатив, которые обеспечивали социальную поддержку лиц, служащих в русской армии и на флоте. Рост различных видов и направлений социальной помощи наиболее ярко просматривается в острые периоды российской истории. В центре внимания этих министерств находились вопросы, связанные с социальной защитой военных, повышением социального статуса служивших в армии и на флоте, формированием веротерпимости, укреплением стабильности в обществе, что в целом способствовало единению сил, защищающих интересы Отечества. Тем самым поднимался авторитет армии и флота в глазах российского народа и на международной арене.

Оценивая ретроспективно комплекс социальных мер, можно отметить, что они формировали модель деятельности Военного и Морского ведомств как социального института, обогащая его культурными, образовательными, научными, религиозными, материально-техническими и другими связями. В целом, через многообразные взаимоотношения министерств с обществом просматривалась социальная политика, направленная на укрепление государства, духовно-нравственное развитие подданных Российской империи и возвышение ее статуса в европейском сообществе.

Деятельность Военного и Морского министерств в этом плане особенно показательна в период Крымской кампании. В своей аргументации мы будем опираться на материалы архива Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС) и публикации «Морского сборника» за 1855–56 гг.

Стратегия ведения Крымской войны предполагала опережающую подготовку не только в военном, но и в социально-медицинском плане.

Анализ фондов архива ВИМАИВиВС позволяет остановиться на ряде фактов и явлений, свидетельствующих о целенаправленной социальной ориентированности деятельности названных выше министерств.

Так, например, в сборнике рапортов, отношений и предписаний Южной армии за май и октябрь 1854 г. находим указание о подготовке к предстоящим боям медикаментов и перевязочного материала (май, лагерь под Силестрию, октябрь – Измаил (Ф. 15. Оп. 108. Д. 52).

Несмотря на сложность военной обстановки, большое внимание уделяется профессиональному росту кадров, начиная с нижних чинов. Отдаются приказы о прикомандировании к учебной артиллерийской бригаде для приготовления к экзаменам с целью продвижения по службе.

Материалы архива свидетельствуют о создании условий для профессионального роста младших офицеров. В апреле 1856 г. подпоручик Мягков просит ходатайства о прикомандировании его к 1-й резервной гвардейской артиллерийской бригаде для предварительных испытаний. Сотник Донской конно-батарейной № 3 батареи Краснов отправляется в штаб армейского корпуса для предварительного приготовления к поступлению в Николаевскую академию Генерального штаба (Ф. 15. Оп. 108. Д. 163). И таких примеров немало.

Социально-профессиональная и воспитательная направленность деятельности проявляется в конкретных делах и, в частности, в усилении внимания к изучению деловых и профессионально-значимых качеств младших офицеров. Начальникам вменено в обязанность представить списки офицеров 7-й артиллерийской бригады из солдатских детей и кантонистов о подчиненных по вопросу «качества и способности» (Ф. 15. Оп. 108. Д. 161), где требуется указать: характер, особые наклонности, умственные достоинства, военные достоинства, проявления по строевой части, по хозяйственной части, по домашнему хозяйству, по отношению к начальникам, в отношении к офицерам (имеются в виду коллеги), в обращении с низшими чинами, усердие в службе, особенности, отличительные качества).

Отметим кратко некоторые оценки старших офицеров о своих подчиненных: трудолюбив, честен, религиозен, настойчив, обдуманно расторопен, предусмотрителен, ответственен, остроумен, находчив. В отношении с подчиненными – взыскателен, приучает к справедливости и порядку. Одного из офицеров характеризуют, что он отличается похвальной точностью и аккуратностью в выполнении всех заданий.

Исторически небольшой отрезок русской жизни, связанной с Крымской войной, нашел отражение во множестве публикаций разных общественных сил.

Одним из наиболее ярких источников информации, выступивших по горячим следам событий, был журнал «Морской сборник», издаваемый Ученым комитетом под руководством вице-адмирала барона Врангеля и вице-адмирала Рейнеке. Обращение к публикациям этого журнала за 1855 г. № 7–12, наиболее острый период войны, и за 1856 г. № 1–12, позволяет увидеть яркую картину социальной жизни русского общества в один из драматических периодов его существования.

Заслуживает особого внимания оперативная сторона информации о событиях в самый напряженный момент Севастопольской битвы. В июльском номере «Морского сборника» публикуется письмо императора Александра II, выразившего глубокое соболезнование по поводу гибели адмирала Павла Степановича Нахимова его брату, отставному капитан-лейтенанту Николаю Степановичу, и родственникам героя, погибшего 30 июня 1856 г. («Морской сборник» № 7. Ч. 2. С. LXXXV). Также оперативно представлена информация о большой группе раненых и эвакуированных морем в конце мая в г. Николаев севастопольцев 9-го экипажа.

Картина жестокой войны отражена в «Морском сборнике» объемно и убедительно, с цифрами и конкретными фактами, которые позволяют судить о масштабах явления и отношении к ним со стороны командования и гражданских лиц. В сборниках № 7, 8, 9 дается список раненных и убитых за последний период времени от высших до низших чинов, солдат и матросов, с указанием фамилии, имени, принадлежности к воинскому званию, места рождения, сословия, характера ранения и места отправления на излечение. При этом следует отметить, что среди солдат и матросов достаточно большой процент составляют крепостные крестьяне разных губерний России. И при таком неоднородном сословном составе раненных из 3909 человек, отправленных в госпиталь в г. Николаеве в конце мая, побег совершили по дороге всего 5 военнослужащих.

Сборники отражают систему оперативного оказания конкретной социальной помощи, выдачи пособий раненным низшим чинам, родителям, родственникам, сиротам, вдовам убитых, раненных, умерших от заразных болезней, а также пенсии экстраординарного характера. При этом указываются конкретные цифры. Так, например: в течение одного месяца оказано пособие 747 семействам низших чинов и 31 семейству благополучного класса («Морской сборник» за 1855 г. № 10. С. 498–499). В том же выпуске на страницах 264, LXXXIV помещен приказ об определении дочерей погибших офицеров в женские учебные заведения Морского ведомства.

Различные виды оказания социальной поддержки участникам Крымской кампании и их семьям находят отражение в каждом из номеров сборника.

В самые тяжелые моменты обороны Севастополя государство и общество не забывают об образовательной политике. Уже в июльском сборнике издается приказ за № 1423, который свидетельствует о сборе денег для содержания в Морском корпусе пансионеров в память адмирала Нахимова, фамилии жертвователей представлены на страницах 251–268.

Не стояли в стороне от общего порыва по оказанию социальной помощи члены царской семьи. Императрица Александра Федоровна на собственные деньги считает необходимым «старшую дочь (15 лет) поручика Алексева поместить в назначение для приготовления домашних учительниц Киевское училище графини Левашовой собственного Ее величества пансионеркой, не в пример другим» («Морской сборник» 1855 г. № 11. С. LXXVVI).

Когда трагические события подходят к концу, «Морской сборник» № 10 за 1856 г. печатает список лиц, которым назначено ежегодное пособие на воспитание детей и получения ими образования за счет средств Морского ведомства. На детей школьного возраста выделяются несколько повышенные суммы. В этот список входят дети контр-адмиралов, подполковников, капитан-лейтенантов, поручиков и подпоручиков. Так, например, контр-адмиралу Нордману на пятерых детей школьного возраста назначается 750 рублей (с. XXV), подпоручику Мусе Абрахимову на детей пяти лет и пяти месяцев – 200 руб. (с. XXX). Вдове поручика Иванова, не прослужившего в Морском ведомстве 20 лет, но уволенного в связи с потерей зрения и ослаблением памяти, на 3-х детей выделяется ежегодно 400 рублей (с. XXXIII). При этом назначенный на должность начальник штаба артиллерии генерал-майор в начале 1855 г. получал «предписанных ему этой должностью по штату управления Действующей Армии по 980 руб. 70 коп. серебром в год» (ГУ ВИМАИВиВС. Ф. 15. Оп. 108/1. Д. 91).

В тяжелые дни Севастопольской трагедии проявляют заботу о детях тех офицеров, которые служили в Морском ведомстве, но в связи с участием в Севастопольской обороне были переведены в Военное ведомство. В приказе отмечается, что перевод обучающихся и кандидатов на обучение в другие учреждения соответствующего ведомства, должен быть осуществлен в сроки, которые не смогли бы нанести урон их учебным занятиям.

Специальной похвалой командованием отмечен 10-летний воин, принявший на себя обязанности вышедшего из строя отца («Морской Сборник» 1855 г. № 9. С. 122). Особое внимание на страницах сборников привлекает отклик многомиллионной России на событие в Крыму. Каждый номер издания публикует ведомости, в которых содержится перечень фамилий жертвователей денег на нужды раненных и на оказание помощи семьям погибших. Некоторые жертвователи сообщают только свою фамилию и сумму денег, другие указывают на профессиональную или сословную принадлежность. Жертвователями выступают семьи, группы лиц, организации, учебные заведения, населенные пункты. В каждом номере сборника от 30 до 60-ти страниц выделяются для перечисления фамилий этих жертвователей. Представлены все социальные группы и слои сопереживающей и сочувствующей общему горю многонациональной и многоконфессиональной России. Назовем некоторых из них: солдатка Василия Васильева – 2 руб., дворовый человек госпожи Пестель – 50 руб., бывший настоятель Ошевенского монастыря, проживающий в Александро-Свирской общине, архимандрит Анастасий – 10 руб., крестьянка Прасковья Мартынова – 5 руб., неизвестный – 7 руб., сторожа: Андреев – 1 руб., Тишаков – 25 коп., Макаров – 15 коп.; чиновники, преподаватели и учащиеся Псковского уездного и приходского училища – 18 руб.; граф С.П. Толстой – 164 руб.; учащиеся Еврейского училища – 6 руб.; доктор, Действительный статский советник Эвениус – 50 руб.; Мулла Мустафа Юлгушев – 20 руб., смотритель почтовых экипажей Семенов – 1 руб., военные и гражданские чины Лесного департамента и Лесного учебного лесничества и состоящий при этом заведении священник – 241 руб. и т. д.

Сам «Государь Император соизволил пожаловать женскому Благотворительному обществу города Николаева тысячу рублей серебром» («Морской сборник» 1855 г. Т. 12. С. XLVII). В сентябре 1855 г. Александр II посещает раненных в госпиталях г. Николаева, а затем встречается с участниками обороны в городе Севастополе.

Активную позицию заняло духовенство в период трагических событий в Крыму. Среди офицеров, солдат, матросов были представители разных национальностей и религий. Доминировали лица православного вероисповедания, но значительное число составляли уроженцы Западных губерний, относящихся к евангелическо-лютеранской, римско-католической и протестантской церквям, в гораздо меньшей степени были военнослужащие иудейского и магометанского вероисповедания. Лица духовного звания разных верований самоотверженно и ответственно несли свою тяжелую службу.

Не умаляя значимости представителей других религиозных конфессий и отдавая дань их подвигу социального служения, многие страницы «Морского сборника» посвящаются делам и помыслам сестер Крестовоздви-

женской общины по попечению о раненных. В сборнике 1855 г. № 7 даются выписки начальницы этой общины госпожи Стахович: «Все сестры трудятся с удивительным усердием. Раненных приносили на Павловский мысок и тамошние сестры целые сутки их перевязывали». «Нашла еще много раненных и пленораненных (т.е. пленных), которые лежали в крови, я им послала белья, папирос». («Морской сборник» № 7. С. 192–193). Далее отмечается, что раненные поступали в таком количестве, что сестрам даже негде было переночевать, и некоторые из них спали в тарантасах. Дается список этих сестер-подвижниц, среди них: вдова коллежского секретаря, дочь титулярного советника, вдова поручика, дочь Надворного советника, мещанка, жена цехового портного, дочь священника и др. О силе их нравственного духа, о конкретных видах социального служения оставлена память на сотнях страниц «Морского сборника».

В Морской сборник № 11 за 1856 г. помещен приказ № 176, в котором отмечается, что по приказу «Государь Императора Высочайше... детям обоего пола нижних чинов Морского ведомства, отданных за преступления в арестантские роты, производить довольствие наравне с сиротами нижних чинов» (с. LXXXIX).

Для предоставления женам, вдовам и дочерям морских военных офицеров средств к излечению болезней в случаях, требующих немедленной медицинской помощи, «Государь-Император» высочайше повелеть изволил: принимать таковых больных жен, вдов и дочерей морских военных офицеров бесплатно в женских отделениях морских военных госпиталей («Морской сборник» 1856 г. № 11. С. LXXXIX).

Трагедия Севастополя пробудила лучшие чувства у многих людей Российской империи, позволила некоторым из них преодолеть сословные ограничения и подтвердить свои чувства сопереживания конкретными принципиально значимыми делами. В «Морском сборнике» за 1855 г. № 12 публикуется выражение благодарности со стороны императора Александра II восемнадцати помещикам, безвозмездно освободившим от крепостной зависимости раненных воинов и членов семей, погибших в Крымской войне («Морской сборник» № 12. С. 199–201).

Публикации журнала «Морской сборник» за 1855 г. № 7–12 и за 1856 г. № 1–10 отразили яркую панорамную историю подвига русского воина, несмотря на трагический ход и итоги Крымской войны. Оценивая через сто пятьдесят лет значимость содержания «Морского сборника», последовательную позицию издателей, можно с уверенностью сказать, что журнал в свое время значительно повысил степень социального влияния на широкие круги населения, способствовал формированию адекватных драматическим событиям коллективных переживаний и коллективного отклика на них, свидетельствовавшего о высоком духовно-нравственном потенциале народа многомиллионной России.

Обращение к документам о событиях Крымской кампании может способствовать качественно новому уровню осознания исторической эпохи, стимулировать повышение социальной ответственности, открывать дорогу новым исследовательским направлениям в области социальной защиты граждан нашего Отечества.

Служение отечеству на военном и гражданском поприще (Из истории жизни и деятельности генералов-артиллеристов XIX века А.П. Безака и Н.А. Крыжановского)

Изменения в общественной и культурной жизни России конца XX в. открыли широкие горизонты для адекватного анализа социально-образовательной политики предшествующего столетия. Появилась возможность приблизиться к дореволюционным источникам, почувствовать дух исторического времени и попытаться понять смысл дел и позиций тех, кто во второй половине XIX в. был подлинным приверженцем идеи «общественного блага».

Как известно, поражение в Крымской кампании заставило широкие слои русской общественности задуматься об исторической судьбе России. Последовавшие реформы пробудили энергию социальной созидательной деятельности всех слоев общества, выдвинули на авансцену бывших поручиков, полковников, генералов недавно закончившейся войны и поручили им командовать не ротами, батальонами и полками, а губерниями и краями многонациональной, многоконфессиональной отсталой России.

Однако если военные заслуги новых руководителей государственной жизни в стране были безоговорочно приняты и выражались в продвижении по служебной лестнице, соответствующих наградах, нашедших отражение в приказах, содержащих императорское благоволение, то реальная их деятельность осталась за границами исследователей и общественной оценки. В настоящее время о ней можно судить по статистическим сборникам, ученым запискам местного значения и отражению в печати, изданиях «Морской сборник», «Русский вестник», «Русская старина», а также по материалам архивов. В некоторых случаях еще в 60–80-е гг. из статистических материалов вырывались факты или события, как правило, отрицательного характера, чтобы быть использованными в теориях и концепциях, далеких от анализа реального положения дел, но клеймивших «ретроградов» за неизбежные промахи, ошибки, неудачи, без которых невозможно ни одно эволюционное движение.

Созидательная деятельность Александра II – царя-освободителя – дошла до многих поколений русских людей в противоречивом неоднозначном освещении. Из нее выпали целые слои русской жизни, связанные с социальным служением, благотворительностью попечительством, с широкой социальной деятельностью государства по защите граждан средствами образования, культуры, организации бытовой жизни. За пределами общественного анализа осталась деятельность министерств и ведомств по социальной поддержке вверенных им служащих и их семей, а также руководителей губерний по сохранению и преумножению народонаселения, организации быта, просвещения, медицинской и социальной помощи.

Эпоха Александра II начинается с кардинального пересмотра всей государственной политики, всестороннего реформирования государственной машины. Первостепенная значимость предается профессионализму руководителей губерний, их деловым и человеческим качествам, поэтому на должность первых лиц, в основном, выдвигаются люди, которых император назначал лично и отличал за их заслуги в служении Отечеству, ум, образованность, порядочность и организационную настойчивость. Особую заботу проявляет император в управлении пограничными территориями на востоке, в которые входил Оренбургский край, по своим размерам превосходящий многие европейские государства. Первые лица этого края наряду с множеством административных и военных проблем принялись ответственно и последовательно осуществлять социальную и образовательную деятельность на территории отличающейся многонациональным составом и в конце 50-х–начале 60-х гг. – нестабильной военной обстановкой.

Многие страницы материалов фондов архива ВИМАИВиВС оставили свидетельства о деятельности артиллеристов, занимавших ответственные посты в самые напряженные периоды русской истории. Таким испытанием явилась Крымская война. Не умаляя значимости подвигов тысяч наших отечественных героев того времени, мы хотим остановиться на двух из них. Положительно зарекомендовав себя на высших военных должностях, неоднократно отмеченные за заслуги перед отечеством самим императором, они не только внесли серьезный вклад в развитие военной науки и практики, проявили исключительное мужество и организаторский талант в периоды сражений, но и способствовали развитию государственности, занимая должности генералов-губернаторов.

Социально-образовательную политику в Оренбургском крае во многом определял губернатор генерал от артиллерии Александр Павлович Безак, по своим взглядам убежденный государственный и просвещенец. Внук Христиана Христиановича Безака, многолетнего инспектора сухопутного кадетского шляхетского корпуса, профессора философских, политических и исторических наук, автора ряда философских произведений, человека уважаемого императрицей Екатериной II, сын Павла Христиановича, секретаря правительственного Сената, дружившего и работавшего со Сперанским и разделявшего его взгляды¹. А.П. Безак закончил с серебряной медалью Царскосельский Лицей одновременно с А.С. Пушкиным и на протяжении всей своей жизни поддерживал теснейшие дружеские связи с товарищами-лицеистами. Его жизненный выбор был связан с военной службой, где, начиная с прапорщика гвардейской артиллерийской бригады, он прошел путь до генерала от артиллерии. К числу главных заслуг Безака относится учреждение запасных батарей артиллерийских депо, преобразование арсеналов, разработка руководства для артиллерийской службы, служившего много лет настольной книгой для артиллери-ста и др.

На должности губернатора А.П. Безак придавал большое значение образованию и, в частности, профессиональному. Особого внимания требовала подготовка специалистов в области фельдшерского искусства, так как Оренбургская область подвергалась набегам кочевников, регулярно страдала от вспышек холеры. Поэтому, начи-

ная с 30-х гг., губернаторами края предпринимались усилия для подготовки фельдшеров не только из состава детей местного, в основном русского населения, но и киргизов, оседло живших в Оренбургском крае. Статистические данные свидетельствуют о том, что примерно из пяти принятых на обучение киргизов двое умирали, несмотря на крепкое здоровье, которое констатировала врачебная комиссия при их поступлении. К 1857 г. из обучающихся киргизов остался только один будущий фельдшер. Однако, несмотря на такие неутешительные результаты, губернатор Безак, приступив к управлению края, настойчиво требует открытия фельдшерской школы для киргизов. Как свидетельствуют документы, ее закончило в дальнейшем лишь четыре человека. Непривычные для кочевников условия жизни, новое окружение, слабое знание русского языка – все эти препятствия, как пишет П.Н. Столпянский, оказываются для многих инородцев непреодолимыми².

Руководство края вместе с городским самоуправлением поддерживает образовательные инициативы женщин. Ярким примером служит жизнь и профессиональные достижения Варвары Александровны Кашеваровой-Рудневой. В 1861 г. она уехала на акушерские курсы в Петербург как стипендиатка от иррегулярных войск Оренбургского края. Необходимость получения медицинского образования была вызвана потребностью лечить женщин-башкирок от сифилиса, который получил в это время широкое распространение среди кочевых народов. Религиозные законы не разрешали магометанкам пользоваться услугами врачей-мужчин, и смертность среди женского и детского населения была чрезвычайно высока.

Закончив курс акушерства в Петербурге, Кашеварова-Руднева вернулась в родной город и обратилась к губернатору А.П. Безану, объяснив, что только соответствующее высшее образование позволит ей лечить женщин-башкирок и серьезно решать медицинские проблемы. Благодаря ходатайству губернатора военный министр Д.А. Милютин разрешил Кашеваровой-Рудневой получать образование в Медико-хирургической академии в Петербурге в течение пяти лет и пройти полный медицинский курс. Для того, чтобы сдать экзамен после завершения обучения потребовалось специальное ходатайство уже другого губернатора – Н.А. Крыжановского, с которым тот снова обращался к военному министру. Кашеварова-Руднева блестяще выдержала экзамен, удостоилась диплома на вторую золотую медаль и признана была доктором медицины.

В числе правительственных распоряжений и мероприятий оренбургской администрации следует отметить открытие русских школ для киргизов в городе Троицке (15 сентября 1861 г.) и на базе Уральского и Оренбургского укреплений в 1864 г.

В центре внимания руководителей края находились все стороны социальной жизни и особенно сохранение народонаселения, так как стихийные бедствия – болезни, а среди них первое место занимала холера, уносили сотни жизней. Усилиями А.П. Безака и местного самоуправления в Оренбурге проведен водопровод, в Российской империи это был второй город после Санкт-Петербурга, имеющий такое несомненное преимущество. В период губернаторства Безака заработали общественные бани, обслуживая разные слои населения.

Назначенный в 1865 г. генерал-губернатором Киевского округа А.П. Безак многое сделал на новом месте для осуществления земельной реформы в интересах крестьян, он специально вызывал опытных землемеров для отвода крестьянам наделов, принял энергичные меры к составлению выкупных актов. Также испросил через комитет министров последовавшее 15 февраля 1866 г. Высочайшее соизволение на ассигнование ежегодной суммы с процентного сбора с помещичьих имений для пособия православным священникам и способствовал получению ими регулярного жалования³.

Заложенные предшественниками традиции социального благоустройства края продолжил известный севастопольец, военный генерал-губернатор Николай Андреевич Крыжановский. Сын действительного статского советника, возглавлявшего в одном из четырех министерств, созданных в начале царствования Александра I, управление медицинской частью по армии и флоту. Крыжановский по линии своей матери был внучатым племянником писателя Николая Ивановича Греча и правнуком известного французского скульптора-классициста Жана Доминика Рашетта, приехавшего в Россию в эпоху Екатерины II.

Крыжановский, закончив с отличием Михайловское артиллерийское училище, в составе войск Черноморской береговой линии участвовал во многих сражениях, имел богатый военный опыт. В период Крымской кампании он в чине генерала-майора был назначен начальником штаба артиллерии. В этот период он сближается с Л.Н. Толстым, дружеские отношения с которым Крыжановского будут связывать многие годы.

Во время войны Крыжановский был тяжело ранен и контужен, но в скором времени вернулся в строй. После окончания Крымской кампании Крыжановский назначается начальником Михайловского артиллерийского училища, а затем академии, где проявляет себя как серьезный военный специалист и педагог. Еще в 1853–1856 гг., в период войны Крыжановский приобрел репутацию «одного из выдающихся военных деятелей» – отмечает Г.Д. Градский⁴. Хорошо знакомый с европейской системой образования, начальник училища привлекает к педагогической работе лучших ученых и специалистов того времени: М.В. Остроградского, И.А. Вышнеградского и др. Усиливая техническую направленность обучения, приглашает А.В. Гадолина, преподавателей артиллерии В.К. фон Беренса, Н.А. Демененкова, А.А. Вельяминова-Зернова. В 1857 г. при училище открывается специальная лаборатория.

Сам, не лишенный филологических способностей, начальник училища привлекает для преподавания русского языка известных специалистов И.Г. Минина и Н.Д. Старова, а для преподавания Закона Божьего – И.М. Гиляровского.

В период исполнения должности начальника Михайловского училища, а затем Михайловской академии Крыжановский зарекомендовал себя не только как умелый руководитель, но и военный педагог.

В своих педагогических требованиях Крыжановский придерживался принципа связи теоретических и практических знаний, для этого он внедрил проведение специальных лабораторных занятий с целью формирования умений, необходимых для практической работы артиллеристов. Крыжановский отмечает отрицательное влияние военных интернатов на воспитательные результаты юнкеров. В данном случае он разделял точку зрения

Александра I, который указывал на необходимость «поощрения домашнего воспитания и оставления молодых людей сколь возможно долее в ближайшем надзоре их семейств». Н.А. Крыжановский активно поддерживая систему экстернатов для людей «служившими низшими чинами», что позволяло им посещать классы военно-учебных заведений, если по своей научной подготовке они в состоянии были проходить курс этих классов. Таким экстернам в случае недостаточности их средств давался ежедневно обед, некоторым даже одежда, а иногда и полное содержание. Для тех, кто испытывал затруднения в усвоении учебного материала были заведены повторительные лекции, производившиеся репетиторами. Крыжановский настойчиво говорит о важности внушать молодым людям о свободном труде, вооружать их знаниями, необходимыми впоследствии, побуждает заниматься спортом, особенно верховой ездой.

Заботясь о будущем русской армии, начальник училища расширяет возможности получать образование действительно способным, целеустремленным и трудолюбивым людям вне зависимости от сословной принадлежности и имущественного положения.

В этот период в «Артиллерийском журнале» Крыжановский помещает ряд своих трудов по совершенствованию работы в войсках и по вопросам подготовки военных – артиллеристов⁵.

Приступив к исполнению должности военного генерала – губернатора Оренбургского края в 1865 г., Н.А. Крыжановский, наряду с решением серьезных военных проблем, активно приступает к социально-образовательной деятельности, носящей широкий разноплановый новаторский характер. При этом им учитываются интересы местного самоуправления, уральского и оренбургского казачьих округов.

Стараниями губернатора были открыты учебный округ (1875), мужская гимназия (1868) в Уральске и Троицке, женская гимназия в Оренбурге и Уральске, учительский институт, юнкерское училище, военная прогимназия и ремесленное училище в Оренбурге и много учебных заведений в других местах этого края, уделялось внимание созданию библиотек в полках и батальонах, на что отпускались специальные средства.

Социальная направленность деятельности руководителей края как представителей власти являлась примером для почетных граждан, дворян, купцов и мещан, которые на общем собрании 29 августа 1868 г. просили городского голову войти с надлежащим ходатайством об учреждении в Оренбурге бесплатного ремесленного училища с механическим при нем отделением «для детей недостаточных родителей всех сословий».

Статья о Н.А. Крыжановском в «Биографическом словаре» за 1900 г., т. IX, отмечает, «что он старался вызвать в крае умственные и научные интересы: в 1866 году он открыл в Оренбургском крае действия статистического комитета. 30 мая 1867 года Оренбургский отдел Императорского русского географического общества, учредил губернскую типографию и основал «Губернские ведомости». ...По представленным Крыжановским проектам было введено земство, сначала в Оренбургской, а в 1874 году и в Уфимской губерниях и введены в крае новые судебные учреждения».

Высоко оцениваются современниками гуманные и взвешенные позиции генерал-губернатора в проведении национальной политики в крае. Крыжановским был принят ряд мер по устройству быта инородцев. Так, окончательно было введено положение о башкирах; народ этот вошел в общую массу населения с определением его прав на собственность и рациональным административным устройством его быта. Все управление киргизской степью, разделенного Крыжановским на Тургайскую и Уральскую, получило коренную реформу и было преобразовано в духе общих государственных губернских учреждений с некоторыми изменениями, вызванными местными условиями.

Как отмечает современник губернатора А.И. Добромыслов⁶, в первые годы управления Н.А. Крыжановского им были сделаны следующие распоряжения, касающиеся киргиз: разрешено принимать киргиз для лечения в полугоспитали и лазареты в степных укреплениях, а равно на оренбургской и уральской линиях, на покрытие этих издержек и прочие надобности по устройству врачебной части в распоряжение областного правления в добавок, к 600 рублям отпускавшимся на это, велено было ассигновать по 11428 руб. в год с тем, чтобы эти суммы употреблялись: а) на уплату военному ведомству за содержание и пользование больных киргиз в лечебных заведениях; б) на покупку и заготовление лекарств для раздачи нуждающимся в них киргизам: больным бесплатно, а достаточным по действительной стоимости медикаментов; в) на командирование врачей для прекращения болезней в случае появления их между киргизами, кочующими в глубине степи (Высочайше утвержденное мнение государственного совета 28 июня 1865 г.).

В 1873 г. Крыжановским была выдвинута инициатива о строительстве кафедрального собора, в честь Оренбургского губернатора Ивана Ивановича Неплюева (1693–1773), для чего он сам пожертвовал 500 рублей, открыв для этого подписку о сборе средств⁷.

Многонациональный край включал в себя представителей разных религиозных верований, однако все же преобладало православное население. Начиная с 1865 г., генерал-губернатор выступает с официальными обращениями к обер-прокурору святого Синода с заявлением, что «в виду затруднений, встречающихся при замещении приходских должностей для Оренбургской епархии необходима своя семинария» и в течении многих лет добивается ее открытия, которое состоялось 26 апреля 1884 г., когда Крыжановский уже находился в отставке.

Обширная и многополезная деятельность Николая Андреевича в деле насаждения образования среди населения Оренбургского края составляет лучшую страницу в его жизни и деятельности. Экзерцизь-гауз в Оренбурге при Николае Андреевиче передан в городской театр. Наконец, одной из крупных заслуг Крыжановского его успешное ходатайство о проведении железной дороги от Самары до Оренбурга.

Благодарный Оренбург избрал его своим почетным гражданином и учредил стипендии его имени. Киргизское население Тургайской области пожертвовало значительные суммы для учреждения стипендий его имени.

Заботы и усилия губернаторов в области развития социальной и образовательной деятельности поддерживались инициативами и участием супругов первых лиц края.

Супруга губернатора Безака Любовь Ивановна организовала по своей инициативе общество вспомоществования бедным. В центре внимания были женские школы и оказание содействия бедным жителям г. Оренбурга выдачей денежных пособий на содержание, лечение и другие уважительные нужды.

«На пособие бедным израсходуется ежегодно до 1200 руб. серебром и 200 рублей серебром отчисляется на медикаменты для них в распоряжение старшего врача городской больницы; бедные получают из аптек лекарство по уменьшенной цене и даже бесплатно. Четыре участковые женские школы комитета для обучения бедных девочек грамоте и рукоделию продолжают с успехом свои занятия». Далее отмечается, что число учениц возрастает ежегодно и достигло 228. В качестве основных предметов учения выступают следующие: Закон Божий, русское и славянское чтение с грамматическим разбором, арифметика в задачах устных, письменных и на счетах, «беседы по отечеству и мировоззрению и нравственным вопросам». «Часы учебных занятий в школах при содействии учебного начальства ведомства Народного Просвещения распределены в последовательном и определенном виде для всех школ программе». Отмечается, что школы снабжены современными пособиями: глобусами, географическими картами, картинками для наглядного обучения из священной естественной и русской истории⁸. В период губернаторства Н.А. Крыжановского его супругой Олимпиадой Кирилловной был устроен приют, куда поступало на воспитание большинство малолетних детей бедных городских жителей. При приюте было открыто ночлежное отделение для круглых сирот с годовой платой 50 руб. «за счет благотворителей».

В приюте содержались дети обоего пола от трех до десяти лет, мальчики воспитывались до 13-летнего возраста, а девочки – до 15-летнего. Мальчики обучались ремеслу, девочки – занятиям по хозяйству, в кухне и прачечной. В приюте существовало несколько стипендий, открытых как городским обществом, по случаю юбилеев, так и частными лицами.

Оренбургское купечество пожертвовало 1050 руб. серебром на нужды школ. Кроме того, по духовному завещанию унтер-офицера Залусковского, служившего в одном из оренбургских линейных батальонов, было получено крупное пожертвование на 2868 рублей. В планы Благотворительного комитета входило устройство швейной мастерской для девочек, оканчивающих обучение в школах. Оренбургская общественность добилась, что в городе начали работать двухгодичные акушерские курсы.

Необходимость получения образования молодым поколением стало предметом серьезной заботы городского самоуправления и всего Оренбургского казачьего войска, как отмечали современники, происходило соединение филантропических целей с чисто образовательными и социальными.

В настоящее время, восстанавливая не только историческую память, но и историческую справедливость, целесообразно как можно чаще обращаться к реальным делам конкретных реальных лиц нашего прошлого. История российской культуры не может быть адекватно осмыслена и развиваться дальше без убедительных страниц о социальной, образовательной, культурной деятельности лучших представителей нашего Отечества, их примера социального служения своему народу на пути достижения общественного блага.

¹ Русский биографический словарь. Т. 2. СПб., 1900. С. 630–633.

² Столянский П.Н. Город Оренбург. Материалы по истории и топографии города. Оренбург, 1900. С. 175–176.

³ Русский биографический словарь. Т. 2. СПб., 1900. С. 630–631.

⁴ Градский Г.Д. Михайловское артиллерийское училище и академия в XIX столетии. Ч. I. СПб., 1905. С. 125.

⁵ Русский биографический словарь. Т. 9. СПб., 1900. С. 468–469.

⁶ Добромислов А.И. Турганская область // Известия оренбургского отдела императорского русского географического общества. Тверь, 1902. С. 420–421.

⁷ Семенов В.Г., Семенова В.П. Губернаторы Оренбургского края. Оренбург, 1999. С. 260.

⁸ Лобyseвич Ф.П. Историко-статистический очерк. СПб., 1878. С. 36–37.

«Большой голландский наряд» во второй половине XVII века: опыт организации артиллерии по иностранному образцу

К большому сожалению, в отечественной историографии проблема изучения «большого голландского наряда» еще ни разу серьезно не была затронута историками¹. Между тем, он составлял значительную часть главной царской артиллерии – «Большого государева наряда» – и являлся первым в России опытом организации крупнокалиберной артиллерии по иностранному образцу задолго до преобразований Петра Великого.

К XVII в. голландская артиллерия, реорганизованная в свое время Морицем Оранским, считалась одной из лучших в Европе. Голландские литейщики часто работали на экспорт, выполняя заказы иностранных государств, в том числе и России. Появление на Руси в XVII в. артиллерийских батарей, состоящих из голландских крупнокалиберных орудий, было обусловлено пристальным вниманием русского правительства к развитию передовой европейской артиллерии.

Первые орудия из Голландии появились в России накануне подготовки к войне за Смоленск в 1632–1634 гг. В росписи, составленной в Пушкарском приказе (август 1632 г.), приводится смета готовых к походу под Смоленск 23 пищалей, закупленных к тому времени в Голландии, калибром в 26, 20, 13, 8, 6, 4 фунтов. Отметим, что собранные в поход голландские орудия не были выделены в особую часть, а включены в общий состав осадного наряда².

К несчастью, весь подготовленный к 1632 г. «голландский наряд» был захвачен поляками под Смоленском. Взошедшему на трон царю Алексею Михайловичу пришлось заново создавать потерянную тяжелую артиллерию. Царствование этого «Тишайшего» царя характеризуется впечатляющим масштабом колоссальных реформ, которые затронули все стороны военного дела, в том числе и артиллерию. Во многих случаях царь Алексей нередко и сам являлся инициатором и вдохновителем нововведений, так как он неплохо разбирался в «ратном искусстве». С раннего детства Алексей Михайлович увлекался военными вопросами, и артиллерия в сфере его интересов занимала одно из главных мест. В архиве личной канцелярии царя – приказе Тайных дел – хранились «Тетради, в которых писаны главы гранатным составам, тетради ж о наряде и огненной хитрости, как стрелять и бросать на городские приступы...», «чертеж гранате, чертеж бомбе, гранатам...чертежи в столбцах пушкам со станкам», наглядно показывающие особую сферу интересов государя³.

Особая часть царского огнестрельного наряда – «Большой голландский наряд» – была образована, очевидно, по специальному указу царя.

Основной «ударной силой» иностранного наряда к началу Русско-польской войны 1654–1667 гг. были 4 «голландки» калибром в 55 фунтов и 4 «голанки» в 48 фунтов «с станки и колесы» под командованием «пушкарского головы». Новейшие орудия стреляли большими разрывными гранатами, которые специально готовил иноземный мастер Петр Зелекост⁴. В дальнейшем число орудий «большого голландского наряда» увеличилось с 8-ми до 25-ти.

Разрушительные действия орудий Алексея Михайловича поражали воображение современников. Например, в «Песне о взятии Смоленска», родившейся почти сразу после занятия этого древнего города войсками Алексея Михайловича в 1654 г., так описывается бомбардировка осадных пушек во главе с пищалью «Троил» и голландского наряда: «Рывкнул на Смоленск «Троило», // Бакштам (башням. – *А.Л.*), стенам не мило! // С ним голанки равно ставят, // Государю Смоленск славят. // Грянет куля огнем сила – // Так Смоленск растратила»⁵. Данный эпизод Песни относится к событиям августа 1654 г., когда после неудачного штурма Смоленска царь усилил осадную артиллерию, приказав подтянуть из базы в Вязьме главную часть «Большого голландского наряда» – «четыре пищали голанские большие, по пуду по пятнадцати гривенок ядро, да четыре станы, да четыре волока»⁶. Длющаяся почти два месяца артиллерийская дуэль царских и смоленских орудий закончилась не в пользу последних – тяжелый наряд царя Алексея Михайловича с успехом подавил огневые точки и сделал в стене большой пролом, вынудив гарнизон коменданта Обуховича и полковника Корфа капитулировать. Сразу после взятия Смоленска в помощь осаждавшим Дубровну войскам вместе с русскими пищальями «Соловей (25 фунтов) и «Левик» (15 фунтов) «рекой Днепром в судах и на плотках» были направлены две «пищали голанские по 1 пуду по 15 гривенок ядро»⁷, после чего замок пал.

Смоленск стал главной базой артиллерии на время войны, куда постоянно подвозили орудия для ведения дальнейших боевых действий. Согласно приходно-расходной книге 1655 г., перевозили наряд в Смоленск подьячие Пушкарского приказа С. Шишкин, И. Ратнев, Т. Митков, Г. Богданов, Б. Наквасин и др.⁸ Надо отметить, что «Большой голландский наряд» активно использовался и в русско-шведской войне, например, при осаде Риги в 1656 г.

К большому сожалению, рассмотреть материально-техническую часть «Большого голландского наряда» в 1655–1667 гг. не представляется возможным, так как множество ценных документов о комплектовании иностранной артиллерии погибло. Значительный пробел о численности тяжелой артиллерии в этот период могла бы заполнить упоминаемая в описях Пушкарского приказа «роспись, что в котором году, и в которой полк, и поход, и с кем имяны, и по скольку пушек в полк и к иным ядер и зелья с Москвы отпущено». Но, к сожалению, в архивах она не обнаружена, возможно, эта роспись и не сохранилась – в 1676 г. она уже была не в полном виде по свидетельству дяков, «а у той росписи начала нет»⁹. Также не уцелели «росписи Смоленскому и Голанскому наряду пушечному

наряду... за рукою дьяка Михаила Воинова»¹⁰. Несколько больше документов об нидерландских пушках сохранилось за 1670–1680-е гг.

Известно, что часть голландских пищалей отливалась «в Острадаме» (Амстердаме) по заказу русского правительства. К примеру, в 1660 г. гость М. Микляев заказал в Любеке по чертежам, присланным с Москвы, 300 (!) медных пушек¹¹. К сожалению, узнать, сколько орудий было отлито и прислано в Москву, по документам пока не представляется возможным.

Другая часть закупалась через посредников – «торговых людей». К сожалению, ни одной «уговорной записи» в делах Пушкарского приказа не сохранилось, хотя в «росписи, что отобрано ис Приказу Тайных дел Пушкарского приказа дел» присутствуют упоминания о таких документах: «Уговорная запись в тетратех гостя Петра Микляева города Любека з гостем Яганом фон Горном, что ему, Ягану, поставить у Архангельского города 18 пушек по обрасцам...»¹². Следует отметить, что к военному импорту всегда предъявляли жесткие требования. Так, в 1668 г. много пушек из привезенного фон Горном огнестрельного наряда были отправлены обратно из-за низкого качества¹³.

К 1672 г. серьезно обострились отношения с Оттоманской Портой. К этому времени турецкая армия нанесла поражение Польше и захватила Подолию, а после перехода гетмана П.Д. Дорошенко в подданство Турции, последняя заявила свои притязания на всю Украину¹⁴. После неудачи посольства В.А. Даудова в Константинополь в начале 1673 г. стало очевидным, что в скором времени могут открыться широкие боевые действия¹⁵.

Для будущих военных действий в марте 1673 г. из Москвы в Калугу с окольным и воеводой И.П. Бярятинским был отправлен «великого государя полк Большого наряда» – «галанский большой наряд». К нидерландской артиллерии специально на Гранатном дворе отлили огромные разрывные гранаты, а сами орудия перед отправкой были испытаны на полигоне. Сохранились описания испытаний 1673 г., во время которых «голанки» прекрасно себя зарекомендовали. Датский резидент Магнус Ге, присутствующий на полигоне, говорил, «что пушек и меньших гранатов видал многожды, а таких больших гранатов не видал» и «если б де из тех гранат была стрельба ночью, далече б лучи показались». Было также отмечено: «...прежде сего делали такие гранаты немцы, а к нынешней стрельбе гранаты делали русские люди, и служат те гранаты лучше у русских людей, нежели иноземцев». Приглашенные на испытания донские казаки с атаманом Ф. Минаевым, «смотрев галанок и меньших пушек, что на станках, хвалили их и говорили, что хорошаго мастерства, и на голанках прочитали подписи, сколько подписи и ядра к ним весу»¹⁶. Огромные разрывные ядра голландских пищалей заключали в себе большую разрушительную силу, недаром казаки просили прислать такие орудия со снарядами на Дон, «для разбития азовских стен».

Дело из Российского государственного архива древних актов о доставке «большого галанского наряда» из Москвы в Путивль, состоящее из указов, «памятей», челобитных и записей Разрядного приказа, несмотря на то, что оно сохранилось в очень плохом виде (часть документов сгнило), позволяет в некоторой степени проследить организацию артиллерии «иностранным образом» в России.

Испытанные и снаряженные орудия, с комплектами пороха и гранат были отправлены на подводах в Калугу, где указано изготовить и держать «наготове струги и завозки» (небольшие лодки) под «наряд и под пороховую казну, и под всякие пушечные запасы и ... под ратных людей». Из Калуги по царскому указу велено «в судех по полой воде», а затем и волоком, переправить пушки в Путивль¹⁷.

Тяжелый «наряд» состоял 25 орудий «в станках, на вертлюгах и в дышлах и в дровнях» общим весом 4200 пудов. Каждое орудие сопровождал в походе московский пушкарь. В помощь московским пушкарям по государеву указу было велено из Лихвина, Белева, Болхова, Корочи и Севска прислать с каждого города по «десяти человек добрых, которым пушечная стрельба была за обычай»¹⁸. Прибранные в «Большой голландский наряд» пятьдесят пушкарей выделялись из массы других служилых людей: они были одеты в однообразные голубые кафтаны с красным кушаком, голову защищал металлический шишак, а грудь и спину – зерцало-алам. Всего для городских пушкарей был послан комплект из пятидесяти «пар зеркал позолоченных и посеребренных, жестяных, прорезных и писаных» и 22 пальников, в том числе «четыре пальника позолоченных и посеребренных, да шесть палников писаных»¹⁹. Батарей из 4–5 орудий возглавляли поручики, а всем «голландским нарядом» руководил капитан, специально откомандированный из Иноземного приказа²⁰.

Роспись большого голландского наряда в 1673 г.

Количество стволов: 24 голландских орудий калибром 30–55 фунтов.

1 русское орудие «Перо» (калибр неизвестен).

Большое государево знамя.

Общее командование: окольный воевода князь Иван Петрович Бярятинский.

Канцелярия наряда: дьяк Семен Румянцев.

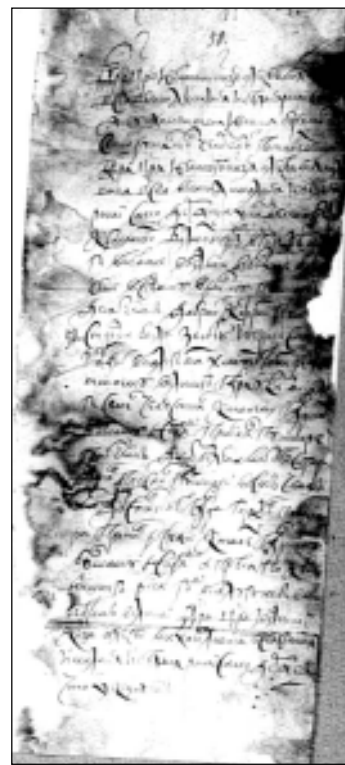
Младший командный состав: 1 капитан, 7 поручиков («иноземцы»).

Рядовой состав: 25 московских пушкарей, 50 городских пушкарей.

Обслуживание артиллерии: около 500 «посошных людей».

Охрана наряда: на подводах до Калуги отряд стрельцов (сотники Матвей Угрюмов, Иван Обухов) из стрелецкого приказа Ивана Волжинского, в Калуге у голландского наряда оставлено 30 стрельцов под командованием полуголовы Василия Волжинского и сотника Андрея Парферьева.

Транспорт: до Калуги – на подводах, с Калуги – на 22-х «средних» и 3-х «больших» стругах, 12 завозок.

Фрагмент дела о пересылке из Москвы в Путивль «большого голландского наряда» (Л. 50)

Таким образом, была предпринята крупная военная демонстрация к южным рубежам Российского государства с целью показать, что Россия не боится обострения отношений с Оттоманской Портой.

Поход на турок в 1674 г. так и не осуществился и «наряд» был оставлен в Путивле. В это время в Москве формировалась к походу еще одна часть «голландского наряда». К ноябрю 1676 г. «большой государев и голландский наряд» в составе 83 пищалей был поставлен на один из складов в «Китае городе, что позади иконного ряда в пушечном болшом анбаре». Пушкарскому голове Петру Строеву предписывалось «тот государев полковой болшой и галанский наряд с московскими пушкари, которые у того наряду приписаны, осматривать в неделю по дважды, чтоб тот наряд был весь чист и станки б и колеса и дышла все было чисто ж и в целости, и у которой пищали что будет спорчено, и ему, Петру, на Пушечном дворе зделать и переписать²¹ и караулчиков московских пушкарей тот час²² пересматривать почасту, чтоб у оною наряду караулички стояли по десять человек все без отлучки²³ неотлошно²⁴, а что по переписке у которой пищали объявица испорчено и хто у тех пищалей приписаны будут московские пушкари, и тому роспись за рукою подать в Пушкарском приказе...»²⁵. Указ был дан для того, чтобы по первому требованию можно было бы выставить в поход готовый и снаряженный «большой и голландский наряд».

В последующей Русско-турецкой войне 1676–1681 гг подразделения тяжелой голландской артиллерии были включены в состав «Большого государева наряда», состоящего из 69 тяжелых и 124 средних орудия²⁶.

Таким образом, несмотря на ветхость и плохую сохранность документов, мы можем, в некоторой степени, проследить организационную структуру совершенно нового в России соединения, созданного по иностранному образцу.

Надо сказать, что к концу 1670-х гг. преобразования в организационной сфере вылились не только в создании «Большого голландского наряда», но и в комплектовании совершенно новой, уникальной артиллерийской части, также созданной «по иноземному образцу» – в 1677 г. в России был сформирован «Пушкарский полк» под командованием полковника артиллерии Иоганна Гаста с 39 офицерами и насчитывающий 1261 человек пушкарского чина²⁷. Состав первого в России Пушкарского полка набирался из лучших городских пушкарей с 59 городов. Первоначально возглавляли полк иностранные офицеры, специально откомандированные из Иноземного приказа. К большому сожалению, выявить подробную роспись орудий и подсчитать, какой процент среди них составляли «голландские пищали», не представляется возможным, ибо неизвестно, сохранилась ли до наших дней сама роспись. С 1687 г. Пушкарский полк, насчитывающий до 200 тяжелых и средних орудий, в документах стал именоваться как «полк государева Большого полкового наряда», его возглавил стольник М. Беклемишев и 4 пушкарских головы; тогда же для участия в походе на Крымское ханство артиллерийскому полку было вручено «пушкарское большое знамя»²⁸.

Орудия «Большого голландского наряда» часто использовали во время военных смотров, при встречах иностранных посольств, и даже в христианские праздники. Так, в Крестный ход 6 (16) января 1680 г. на площадях «что от Посольского приказа к Мстиславскому двору... поставлены были большие галанские и полковые пищали; а около тех пищалей поставлены были решотки резные и точеные, и писаны разными красками, а у пищалей стояли пушкарские головы с пушкарским чином, с знаменами, в цветном платье...»²⁹.

По планам русского командования в 1670–1680-х гг., кроме Москвы и южного направления, «голландский наряд» сосредотачивался на северо-западном направлении во Пскове (16 «голанок») и западном направлении в Смоленске (7 «голанок»). Подробные описания этих орудий сохранились в «Описи Смоленску приему пушкарского головы Прохора Шубина» 1671 г.³⁰ и в «Сметной книги города Пскова» 1696 г.³¹ соответственно:

Таблица 1

Роспись больших голландских пищалей в Смоленске и Пскове

№ п/п	Калибр	Длина ствола	Вес	Дополнительные сведения ³²
1	30	4 аршина 1,5 вершка	161 пуд 20 гривенок	«На ней вылит человек на коне с копьём, колет змия, посередь ее уши с личинами». (Смоленск)
2	47	4,5 аршина 1,5 вершка	194 пуда 10 фунтов	Лита в 1636 г. «На ней вылит человек на коне с копьём, под конем змей; на ней же уши с личинами, у ушей и у дула и за казною травы». (Смоленск)
3	50	4,5 аршина 1,5 вершка	198 пуд	Лита в 1635 г. «На ней вылит человек на коне с копьём, колет змия; да уши с личинами, подле ушей и у дула травы». (Смоленск)
4	47	4,5 аршина 1 вершок	203 пуда	Лита в 1634 г. «На ней вылит человек на коне с копьём, колет змия; да уши с личинами, подле ушей и у дула травы». (Смоленск)
5	47	4,5 аршина 1,5 вершка	194 пуда 10 фунтов	Лита в 1636 г. «На ней человек на коне с копьём, колет змия; да уши с личинами, подле ушей и у дула и назади за казною травы». (Смоленск)
6	47	4,5 аршина 1 вершок	195 пуд	? (Смоленск)
7	47	4,5 аршина	206 пудов 20 фунтов	? (Смоленск)
8	58	4 аршина 7 вершков	232 пуда	Лита в 1636 г. (Псков)
9	55	4 аршина 6,5 вершков	207 пудов	Лита в 1635 г. (Псков)
10	50	3 аршина 8,5 вершков	204 пуда 5 фунтов	Лита в 1634 г. (Псков)

№ п/п	Калибр	Длина ствола	Вес	Дополнительные сведения
11	50	4 аршина 8,5 вершков	215 пудов 20 фунтов	Лита в 1634 г. (Псков)
12	50?	4 аршина 8,5 вершка	202 пуда 20 фунтов	Лита в 1635 г. (Псков)
13	55	4 аршина 6,5 вершка	220 пудов	Лита в 1635 г. (Псков)
14	?	4 аршина 2 вершка	?	Лита в 1633 г. (Псков)
15	58	4 аршина 7 вершков	232 пуда	Лита в 1636 г. (Псков)
16	50	4 аршина 9 вершков	214 пудов	Лита в 1634 г. (Псков)
17	47	5 аршинов	214 пуд 10 фунтов	Лита в 1636 г. (Псков)
18	50	4 аршина 8,5 вершка	209 пуд 20 фунтов	Лита в 1634 г. (Псков)
19	50	4 аршина 8,5 вершка	203 пуда 30 фунтов	Лита в 1634 г. (Псков)
20	?	4 аршина 7 вершков	217 пудов 20 фунтов	Лита в 1635 г. (Псков)
21	47	4 аршина 8,5 вершков	196 пудов 30 фунтов	Лита в 1635 г. (Псков)
22	55	4 аршина 8,5 вершков	198 пудов	Лита в 1636 г. (Псков)
23	50	4 аршина 8, 5 вершков	208 пуд 25 фунтов	Лита в 1634 г. (Псков)

Как видно из таблицы, практически все голландские орудия были отлиты в 1633–1636 гг., весом 162–232 пудов и калибром в 30, 48 (по русским кружалам – 47), 50, 55 и 58 фунтов.

Если до 1670-х гг. голанки закупались в Нидерландах и завозились в Россию морем через Архангельск, то с 1670-х гг. одна из линий производства Пушечного двора была перенацелена на отливку орудий по голландским чертежам.

В 70-х гг. XVII в. русские мастера отливали «пищали по галанскому чертежу». К началу царствования Петра Алексеевича литье крупных пищалей по иностранным моделям было уже широко распространено: в 1689 г., согласно «записной тетради Пушкарского приказа», русские мастера «взлили по галанскому образцу пищал Лев», а в 1695 г. отлиты пищали «Орел» и «Лебедь»³³. Литье по иностранным моделям было продолжено в царствование Петра Алексеевича. При описании пожара в 1699 г. думный дьяк И.А. Власов в отчете начальнику Пушкарского приказа А.С. Шеину писал, что «в пушечные образцы галанских пищалей, один ядром пуд 15 фунтов, другой 20 фунтов, что заводил Логинко Жихарев в 201 году, в них веретена выгорели... и к литью не годятца»³⁴.

Таким образом, исследование сохранившихся приказных документов позволяет по-иному взглянуть на боевые качества русской артиллерии. Факт существования в рядах осадного парка XVII в. «большого голландского наряда» и отливки орудий по «иноземным образцам» практически не был замечен отечественными историками. Изучение преобразований в артиллерии в широком контексте военно-политической ситуации позволило впервые показать некоторые аспекты организации и боевого использования артиллерийской части, созданной по иностранному образцу. В связи с вышеизложенным, имеет перспективу дальнейший поиск документов в архивах Пушкарского и Разрядного приказов, существенно проясняющих ряд вопросов, связанных с организацией, комплектованием, снабжением и численностью «большого голландского наряда государева полка».

¹ В известных нам работах А.К. Левыкина только упоминается о существовании некоего «Большого голландского наряда». См.: Левыкин А.К. 1) Русские городские пушкарни во второй половине XVII в. // Вопросы истории. 1985. № 3. С.176–180; 2) Пушечный наряд и пушкарни во 2-й половине XVII в. в России (по материалам южно-русских городов). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1985.

² Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки. Эрмитажное собр. № 461. Л. 70 об.

³ Русская историческая библиотека. СПб., 1907. Т. 21. Кн. 1. Стб. 174; Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. СПб, 1861. Т. 2. Ст. 27–28

⁴ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 1 (Пушкарский приказ). Кн. № 4. Л. 130.

⁵ Орловский И.И. Смоленск и его стены. Смоленск. 1902. С. 45–46.

⁶ Мальцев А.Н. Россия и Белоруссия в середине XVII в. М., 1974. С. 78.

⁷ Ткачев М. Замкі і людзі. Мн.: Навука і тэхніка, 1991. С. 92–93.

⁸ Дополнение к Актам историческим (ДАИ). СПб., 1859. Т. V. С. 306.

⁹ Русская историческая библиотека (РИБ). СПб., 1907. Т. 21. Кн. 1. Стб. 679.

¹⁰ Там же.

¹¹ Бакланова Н.А. Привозные товары в Московском государстве во вт. пол.XVII в. // Труды ГИМ. М., 1928. Вып. IV. С. 30.

¹² РИБ. СПб., 1907. Т. 21. Кн. 1. Стб. 675.

¹³ ДАИ. СПб., 1853. Т. V. С. 379.

¹⁴ Смирнов Н.А. Россия и Турция в XVI–XVII вв. // Ученые записки МГУ. Вып. 94. М., 1946. С. 112–113.

¹⁵ Там же. С. 122–124.

- ¹⁶ ДАИ. СПб., 1853. Т. VI. С. 254.
- ¹⁷ РГАДА. Ф. 210. Ст. Белгородского стола. Ст. № 741. Л. 4, 30.
- ¹⁸ Там же. Л. 50.
- ¹⁹ Там же. Л. 207–208.
- ²⁰ Там же. Л. 57, 231; ср: Левыкин А.К. Русские городовые пушкири во второй половине XVII в. // Вопросы истории. 1985. № 3. С. 176–180.
- ²¹ «Зделать» и «переписать» зачеркнуто.
- ²² «Тот час» надписано над строкой
- ²³ «Без отлучки» написано над строкой.
- ²⁴ С этого места и далее текст зачеркнут.
- ²⁵ ОР РНБ. Ф. 532 (Основное собрание актов и грамот). Ч. III. № 2232. Черновик, 1 ст.
- ²⁶ Левыкин А.К. Указ. соч.; Он же. Пушечный наряд и пушкири во 2-й половине XVII в. в России (по материалам южно-русских городов). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1985. С. 121–122.
- ²⁷ Vrix, von. Geschichte der alten Russischen Heeres-Einrichtungen... Berlin, 1867. S. 605–607. Beilage № 9.
- ²⁸ Книги разрядные, по официальным оным спискам, изданные II Отделением собственной е.и.в. канцелярии. СПб, 1853. Т. II. С. 1303–1304.
- ²⁹ Забелин И. История города Москвы. М., 1905. Ч. 1. С. 311.
- ³⁰ Опись Смоленску приему пушкарского головы Прохора Шубина 1671 г. // ДАИ. СПб, 1853. Т. V. С. 296. № 51.
- ³¹ Сметная книга Пскова 1696 г. // РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Книги Новгородского стола. Кн. 66. Л. 99.
- ³² В этой графе в скобках обозначено место нахождения орудия, год отливки в Голландии и характерные признаки.
- ³³ Архив СПбИИ РАН. Ф. 175. (И.Х. Гамеля). Оп. 1. № 329. Л. 10.
- ³⁴ РГА ВМФ. Ф. 177 (Приказ Военного морского флота). Оп. 1. Кн. 5. Л. 269–278, см.: Лебедевская А.П. Пушкарский приказ. Рукопись канд. дис. М., 1950. Прил. 31.

Из истории создания шумозащитного шлема для орудийных расчетов

Вред, причиняемый пушечными выстрелами, известен еще со времен Амбруаза Паре (Ambroise Pare, 1509–1590), знаменитого французского хирурга эпохи Возрождения.

Fosbroce I в 1830 г. сообщил о случаях развития тугоухости среди комендоров корабельных орудий после проведенных стрельб¹.

Н.Ф. Деев (1936) связывает неимоверный скачок травматических повреждений органа слуха, отмечавшийся в период Первой мировой войны 1914–1918 гг., с появлением не только новых видов боеприпасов, но и артиллерийских орудий не существовавших до того калибров².

И. Кальмансон (1930), проводя обследования орудийных расчетов зенитной артиллерии, зарегистрировал 24 случая заболеваний ушей, связанных со стрельбой, что составляло 20% от общей численности военнослужащих в подразделении. При этом в большей степени страдали наводчики, панорамные и прицельные, то есть лица, которые находились ближе к дульной части орудия³.

А.И. Титов (1933) приводит данные о 27 случаях травм органов слуха, связанных со стрельбой из зенитных орудий⁴.

Многочисленные наблюдения и случаи острой акустической травмы при стрельбе из артиллерийских орудий, результаты научных исследований, а также доклады по этому вопросу военных гигиенистов привели в конечном итоге к необходимости разработки шумозащитного шлема для орудийных расчетов. В литературе он получил название «артиллерийский шлем».

Появлению противошумов в военном деле предшествовало использование старых и, можно сказать, интуитивно выработанных приемов защиты ушей от звука артиллерийских выстрелов: закрытие ладонью всей ушной раковины, затыкание слухового прохода пальцем, прижатие козелка ушной раковины, открывание рта и т.п. Следует отметить, что в напряженные моменты интенсивной стрельбы эти приемы защиты ушей недостаточно эффективны из-за элементарной невозможности уловить момент выстрела и необходимости использования рук для других действий. Последний же из указанных выше приемов вообще не имеет убедительного анатомо-физиологического объяснения, так как даже при широком раскрытии рта просвет евстахиевой трубы может оставаться закрытым, а глотательные движения, которые способствовали бы открытию ее просвета и противодействию на барабанную перепонку при раскрывании рта, просто затруднены.

Одной из дополнительных, серьезных, а может быть, и определяющих предпосылок принятия решения о разработке шлема, послужило следующее.

После Великой Отечественной войны, в условиях развернувшейся научно-технической революции в военном деле, перед Главным артиллерийским управлением* (ГАУ) ставилась задача по обеспечению разработки новых видов вооружения, превосходящих по своим тактико-техническим данным соответствующие образцы вооружения зарубежных армий⁵.

В то же время перспективные артиллерийские орудия невозможно было создать без введения в их конструкцию достаточно эффективных дульных тормозов. Современные исследования показали, что такие изменения конструкции вызывают перераспределение направления истечения пороховых газов через дульный срез ствола. При этом часть находящихся под большим давлением пороховых газов направляется под некоторым углом назад, что в конечном итоге приводит к увеличению давления дульной ударной волны (ДУВ) на рабочих местах номеров расчета буксируемых артиллерийских орудий.

Одним словом, принятие на вооружение новых образцов артиллерийских орудий стало просто невозможным без решения давно назревшего вопроса разработки защитного шлема для орудийных расчетов. В противном случае следовало ожидать существенного увеличения травматизма при проведении учебных и боевых стрельб.

В 1949 г. Артиллерийский комитет ГАУ поручил Главному научно-исследовательскому артиллерийскому полигону (ГНИАП) отработку индивидуальных средств защиты (от действия дульной волны) для орудийных расчетов.

Выбор научно-исследовательского полигона в качестве разработчика не был случайным. Дело в том, что в его штате уже более десяти лет существовала физиологическая лаборатория, созданная согласно директиве ГШ РККА № 4/7 от 1 июля 1938 г. В ее задачу входила выработка нормативов и проведение работ в области физиологии и организации военного труда.

Вероятно, на тот момент коллектив лаборатории, возглавляемый Л.Н. Александровым, был одним из наиболее подготовленных для решения поставленной задачи. К тому же на полигоне представлялась возможность проверки противошумов в реальных условиях эксплуатации.

Исходными данными для создания шлема послужили исследования, проведенные В.Ф. Ундрицем, Д.А. Пигулевским и Л.Н. Александровым в 1945–48 гг. Указанные исследования показали, что критической величиной давления ДУВ для органа слуха является $0,1-0,2 \text{ кг/см}^{2**}$, а при более высоких давлениях необходима защита тем или иным способом. Полученные данные убедительно доказали, что так называемое «привыкание» к выстрелам,

* Ныне Главное ракетно-артиллерийское управление МО РФ.

** Судя по имеющимся в то время измерительным средствам, это давление в отраженной волне, и $0,2 \text{ кг/см}^2$ примерно соответствует $0,1 \text{ кг/см}^2$ (174 дБ) в проходящей волне.

на которое ссылаются некоторые артиллеристы, ослабляет лишь субъективное восприятие дульной волны, но не предотвращает ее вредное действие на орган слуха.

Разработка шлема для орудийных расчетов представляла собой достаточно сложную задачу, так как с одной стороны требовалось обеспечение надежной защиты органа слуха, с другой – удовлетворительная разборчивость команд при проведении стрельб, в том числе передаваемых по телефону. Таким образом, необходимо было найти некоторый вариант конструкции противошума, в котором оптимальным образом сочетались требуемые защитные и эксплуатационные свойства.

Работа по созданию шлема, вполне естественно, была начата с изучения и оценки возможности применения существующих конструкций противошумов.

При этом прежде всего были рассмотрены известные противошумы с внутренней фиксацией: ватные тампоны, ватные тампоны, пропитанные парафином или воском, втулки П.Е. Калмыкова, шарики из бузины, втулки В.И. Воячека, втулки типа V51R английского производства, а также другие средства индивидуальной защиты слуха в виде наушников и шлемов.

Общим недостатком противошумов внутреннего типа являлось то, что они плохо держатся в ушах, смещаются, а подчас и выпадают во время стрельбы, вызывают раздражение кожи наружного слухового прохода и неприятные ощущения при эксплуатации. Указанные недостатки являются по сути дела общими для противошумов такого типа, что делает их малопригодными для широкого практического использования в артиллерии.

К недостаткам противошумов с внутренней фиксацией было отнесено также то обстоятельство, что они закрывают только наружный слуховой проход и не защищают от удара дульной волны височную область и другие части головы.

После длительного изучения и апробации существующих противошумов специалисты ГНИАП пришли к заключению, что они не в полной мере соответствуют по своим защитным и эксплуатационным характеристикам особенностям боевой работы орудийных расчетов. Для этой категории военных специалистов необходим был специализированный шлем.

Однако положительные стороны существующих противошумов разработчики постарались учесть. Так, при разработке шлема для артиллеристов за основу были взяты авиационный шлем, подшлемник конструкции Куликовского и танковый шлемофон.

В качестве материала для изготовления шумозащитных элементов был выбран полихлорвиниловый пористый материал «ПХВ-Э», который наряду с хорошими звукоизолирующими свойствами обладал многими другими положительными качествами: не впитывал влагу, не набухал, не гнил и не разлагался, а также не менял свои физические свойства при длительной эксплуатации, был стоек к маслам, щелочам и минеральным кислотам, легко очищался при загрязнении.

Всего было изготовлено восемь отличающихся по конструкции опытных образцов шлемов.

Из них наиболее приемлемым оказался шлем (на базе танкового), который был изготовлен из плащ-палаточного полотна, на байковой подкладке со специальными шумозащитными элементами из «ПХВ-Э», а также защитными прокладками для височной, лобной и затылочной областей головы.

Указанный шлем имел массу 600–700 г и, по оценкам специалистов, обеспечивал надежную защиту органа слуха и головы от действия дульной волны орудийных выстрелов, а также был достаточно удобным при ношении. Слышимость команд на огневой позиции была удовлетворительная: разговорная речь была слышна на расстоянии 15 метров, а громкие команды безошибочно воспринимались на расстоянии до 50 метров.

Однако для условий летней эксплуатации шлем оказался достаточно жарким, поэтому в последующем предполагалось изготовить два варианта шлема: летнего (без теплой подкладки) с вентиляционными отверстиями и утепленного (зимнего), как это было принято в авиации и танковых войсках. Кроме того, при длительном ношении отмечалось некоторое давление выступов противошумных элементов на уши.

Эти недостатки, а также некоторые другие аспекты данного вопроса дали основание первому Управлению Артиллерийского комитета ГАУ (управление наземной артиллерии) отвергнуть предложенную конструкцию шлема для артиллеристов. Артиллерийский комитет посчитал, что конструкция шлема «сырая», он все же тяжел (600–700 г) и конструктивно выполнен таким образом, что требуется плотное прилегание его к ушам, что, несомненно, при самой тщательной подгонке при длительном пользовании будет вызывать неприятное воздействие на голову и уши.

Поэтому Артиллерийский комитет настаивал на продолжении работ в направлении создания облегченного шлема, который после стрельбы мог быть свернут и уложен в карман или сумку. Работу по облегченному шлему решено было всемерно форсировать, чтобы в 1952 г. провести испытание его в войсках.

Определенную помощь в доработке шлема для орудийных расчетов, вероятно, оказал и изготовленный по просьбе Артиллерийского комитета ГАУ мастером Московского Ростокинского мехового комбината опытный образец шлема (по типу летного). Во всяком случае, окончательный облик шлема напоминает по форме летный подшлемник.

Нижняя часть облегченного шлема была изготовлена из плащ-палаточной ткани на байковой подкладке, а верхняя его часть – из трикотажной сетки и хлопчатобумажной тесьмы.

На наружной поверхности шлема, соответственно расположению ушных раковин, закреплялись противошумные элементы, основой которых являлась круглая пластинка (заглушка) из пористого полихлорвинилового материала «ПХВ-Э», диаметром 90 мм. Заглушка имела толщину в центре 20–22 мм и по краям 6 ± 1 мм. Снаружи заглушка была закрыта колпачком из листового алюминия толщиной 1 мм. С внутренней стороны шлема в краевой зоне расположения заглушки пришивался мягкий валик из мелкопористой резины «ревертекс», обшитый чехлом из байки. Валик предназначался для более плотного прилегания шлема к околушной области и уменьше-

ния давления на уши. Масса шлема составляла 200–250 г.

Первая опытная партия таких шлемов в количестве 100 штук была изготовлена на фабрике «Красный футлярщик» Ленинградского союза промкооперации в 1953 г. Изготовленные шлемы были подвергнуты многочисленным проверкам, в том числе при проведении стрельб из орудий БС-3, ЗИС-Д44, Ч-26, Д-48, Д-20 и Д-74 в Ленинградском, Туркестанском и Одесском военных округах. Исследования показали, что шлем вполне удовлетворительно защищает орган слуха от действия дульной волны, практически не нарушает слышимости команд и обеспечивает нормальные условия для боевой работы орудийных расчетов. Военнослужащие, применявшие шлем, отзывались о нем положительно.

Тем не менее, полученных результатов оказалось недостаточно для принятия окончательного решения.

В 1955 г. при рассмотрении вопроса о принятии шлема на снабжение выявилась необходимость специальной дополнительной проверки возможности ношения существующих (в то время) головных уборов обычных размеров совместно с этим шлемом.

В результате проверки было установлено, что пилотка, стальной шлем с пилоткой и без нее надевались удовлетворительно, а фуражка, шапка-ушанка, шапка-ушанка со стальным шлемом надевались недостаточно глубоко и, как следствие, плохо держались на голове. Это было обусловлено тем, что головные уборы упирались в верхнюю часть противозумных элементов.

Для обеспечения нормального надевания фуражки и шапки-ушанки требовалось увеличение их размеров на 1,5–2 см, что по вполне понятным причинам было неприемлемо для армии. Поэтому при окончательном формировании облика шлема для артиллеристов было рекомендовано изменить форму заглушки шлема за счет уменьшения размера верхней ее части.

С такими изменениями артиллерийский шлем достаточно хорошо сочетался с головными уборами и стальным шлемом и только надевание шапки-ушанки с опущенными клапанами было не очень удобным, хотя и возможным.

Но с этим недостатком пришлось мириться, т.к. весьма сложно обеспечить решение вопросов сочетаемости в тех случаях, когда СИЗ слуха и головные уборы разрабатываются независимо и в разное время.

Для повышения прочности шлема шелковая сетка была заменена сеткой из трикотажного полотна малорастягивающихся переплетений, что с одной стороны обеспечило повышение ее износостойкости при стирке, химической чистке, с другой – более устойчивую посадку головных уборов на шлем за счет увеличения трения.

В таком виде шлем для орудийных расчетов в 1955 г. был, наконец, принят на снабжение Советской армии. Ему был присвоен индекс 52-Ю-061. На протяжении нескольких десятилетий он вполне удовлетворительно защищал уши от действия давления дульной волны артиллерийских орудий, практически не нарушал слышимости команд, удовлетворительно сочетался с головными уборами, легко надевался и снимался и обеспечивал нормальные условия для работы орудийных расчетов. При стрельбе в шлеме отсутствовал момент настороженности и ожидания выстрела, что давало возможность наводчикам сосредоточиться на точном ведении огня.

Снабжение им осуществлялось, как правило, по линии вещевого службы (кроме тех случаев, когда шлемы входили в ЗИП объекта вооружения). К сожалению, шлем для орудийных расчетов ни разу не модернизировался.

В период перестройки предприятиям Министерства легкой промышленности производить его, вероятно, оказалось невыгодно, и в 1994 г. шлем для орудийных расчетов был снят со снабжения, причем без соответствующей замены.

Несмотря на это, шлем и до настоящего времени производится в небольших количествах для защиты органов слуха расчетов отдельных противотанковых средств ближнего боя.

Таким образом, едва ли найдется еще один пример существования и практического применения образца армейских СИЗ слуха на протяжении пятидесяти лет. Принятие на снабжение шлема для орудийных расчетов в качестве штатного средства индивидуальной защиты органа слуха, на определенном этапе, несомненно, сыграло положительную роль в деле профилактики акустических травм военнослужащих.

К сожалению, следует констатировать, что такой важный вопрос, как обеспечение личного состава необходимыми средствами индивидуальной защиты органа слуха при эксплуатации большого ряда образцов артиллерийского вооружения и средств ближнего боя, на сегодняшний день остается открытым и требует своего решения с учетом мировых достижений в области разработки СИЗ аналогичного предназначения.

¹ Fosbroke I. Practical observations on the pathology and treatment of deafness. The Lancet. 1830-31. Vol. 1. P. 645–648.

² Деев Н.Ф. Повреждение уха в военное время // Вестник оториноларингол. 1936. № 3. С. 12–32.

³ Кальмансон И. О травматических повреждениях ушей у орудийного расчета зенитной артиллерии // Воен.-сан. дело. 1930. № 7. С. 43–45.

⁴ Титов А.И. К вопросу о травмах органа слуха в зенитной артиллерии // Воен.-мед. журн. 1933. Т. IV. С. 341–350.

⁵ Краткая летопись создания и развития ГРАУ Министерства обороны 1577–2000 годы. Исторический очерк // Под ред. Н.И. Свертилова. М., 2001.

Реформы Петра III в армейской одежде

Когда обсуждают реформы военной одежды, проводившиеся при восшествии на престол Петра III, то по отношению к ним обычно повторяют отрицательное мнение, которое в основном питается «свидетельствами» и насмешками современников. Между тем большинство отечественных мемуаристов екатерининского времени были пристрастны и даже подобострастны. Их записки составлены во времена, когда даже устные симпатии к законному монарху, вероломно свергнутому и убитому императрицей, означали, по меньшей мере, конец карьеры. Тем не менее, мало кто пытался оценить реформы самостоятельно, без присоединения к мнению свидетелей той поры, объективность и взвешенность которого сомнительна. Цель данной работы – попытаться объективно посмотреть на суть реформ Петра III в области обмундирования, следуя лишь фактам реальности и истории.

Встречают по одежке

Случилось так, что после Петра I и до Петра III российский трон, кроме малолетнего Петра II, занимали женщины. К тому же проблемы и конфликты России в это время замыкались в ее приграничном окружении и не имели выхода на европейскую арену¹. Надолго в забвении оказался флот². Придворные интриги не давали возможности уделить серьезное внимание российскому мундиру. И хотя Петром I была проведена европеизация военной одежды, но борьба за европейский вид воинства все еще не утихла. За прошедшие после Петра 25–30 лет неприятие петровских униформистских «нововведений» еще не потеряло актуальность, хотя и стало глухим. Противодействие приобрело вид борьбы за самобытность и национальные интересы, против иностранного засилья. Но, по существу, вид одежды всегда являлся внешней маркировкой социальных перемен. Разделение на старую и новую систему государственной и социальной организации было манифестировано созданием новой столичной архитектуры, новой знати, новой организацией армии и новой военной и гражданской одеждой и т.д. Граница между своими и противоборствующими часто пролегла в отношении к этим зримым образам. Именно поэтому тот, кто хотел эффектно выразить несогласие, не брил бороду, не носил европейское платье, не осваивал «европейский политес» и не посещал «ассамблей» и прочее. Даже во времена Екатерины, по свидетельству графа Л. Сегюра, в Петербурге «среди небольшого, избранного числа образованных и видевших свет людей, ни в чем не уступавших придворным лицам блистательных европейских дворов, было немало таких, в особенности стариков, которые по разговору, наружности, привычкам, невежеству и пустоте своей принадлежали скорее времени бояр, чем царствованию Екатерины»³. Непонимание глубины этого социального процесса бедным дворянством и податными сословиями, в жизни которого эти перемены мало что изменили к лучшему, выразилось в неприятии внешнего знака событий, выглядевшего как вредное и обременительное онемечивание порядков и одежды. Казалось, что достаточно выгнать иностранцев и отменить «немецкую» одежду, как все вернется на круги своя. Это эмоциональное восприятие часто в истории направляло людей на борьбу с внешними проявлениями. Но отказ от петровских перемен был уже невозможен без новой смуты и передела, так как затрагивал целый слой новых влиятельных людей. Это поняли даже те из старой знати, кто был не прочь вернуть прежние времена. И, если со временем утвердилось осознание того, что уже нет возможности вернуть былое, то некоторым хотелось ограничиться тем, что было сделано Петром I, в том числе и в армии. По свидетельству француза-ювелира Позье, в дни переворота 1762 г. солдаты пытались расправиться со всяким иностранцем, а не только с немцами. Однако к 1762 г. жара этого тлеющего недовольства было бы уже совершенно недостаточно для бунта, если бы он намеренно не раздувался заговорщиками. Таков был сложный психосоциальный фон в России к середине XVIII столетия. Это был затянувшийся период балансирования и освоения плацдарма, захваченного в петровское время.

Времена Бирона целиком связываются с засильем немцев и сопротивлением этому. При нем форма шляп, холодного оружия и пригонка мундира требовались на «прусский манер». Но это обезьянничание нельзя называть настоящими реформами, так как перемены носили характер отдельных указаний, не связанных общим подходом. С приходом Елизаветы целенаправленных реформ униформы также не было. Указывалось (кроме некоторых перемен прикладного цвета) лишь шить мундиры «не долги» и «не широки», а рукава и обшлага обуживать. С целью понудить выполнять указания, просто уменьшали отпуск сукна на постройку плащей, мундира, камзола и штанов. Но, судя по повторяющимся требованиям в указах, армия, привыкшая к просторным петровским мундирам, не спешила перенимать нововведения, к тому же национальный костюм в России всегда отличался простотой.

Жесткие петровские приемы привить «немецкое» платье прочно связались в умах россиян с витком насилия, смуты и иностранной экспансии. К середине столетия кровью страданные формы одежды, казалось, собираются остоневать в виде своеобразного памятника установлениям Петра Великого⁴. И чем больше проходило времени, тем более дерзновенными казались попытки поменять устоявшееся. Собственно, стал складываться определенный стереотип аргументов, где всякий, касающийся как перемен, так и совершенно новых установлений, клал в подножье своих начинаний установления Петра I. Употребление петровского военного мундира стало своеобразной зримой присягой на верность отечественным интересам. В гвардейском мундире взошла на престол Елизавета, позже это же повторила и Екатерина. В этих психологических условиях затевать какие-либо перемены, без опоры на заложенное Петром, означало сильно рисковать. Так, Екатерина II пишет: «В начале царствования государыни императрицы Елизаветы Петровны издано было повеление управлять все дела по указам родителя ее, Петра Великого...»⁵ Сохранившиеся портреты уездных дворян елизаветинской поры показывают, что они продолжали носить мундиры, похожие на петровские. При этом своеобразные отличия в отделке одежды в гвардии и

армии иногда бывали значительными. Проведенная в 1729 г. инспекторская проверка нашла, однако, что за последние четыре года порядок в войсках «весьма расстроился». Пришедшая в 1730 г. Анна Иоанновна несколько уменьшила численность войск, улучшила снабжение и дисциплину. Миних, который при ней руководил военными реформами, более занимался стандартизацией калибров оружия по шведско-прусским канонам, развитием специализации родов войск, чем переменой в форме одежды. Учрежден Шляхетский кадетский корпус, появилась тяжелая и легкая кавалерия, инженерные войска, но никаких значительных распоряжений по переменам в общем обмундировании сделано не было. Особенно старомодно выглядела униформа чинов гарнизонных войск.

В Европе уже ежегодно следили за изменениями моды, переменили гардеробы, развозили «Пандору» – образцовый манекен с женской одеждой, одетый по последней парижской моде. Военные мундиры передовых стран Европы уже принаравливались к этим переменам, а запаздывающий российский военный костюм выглядел все более архаично.

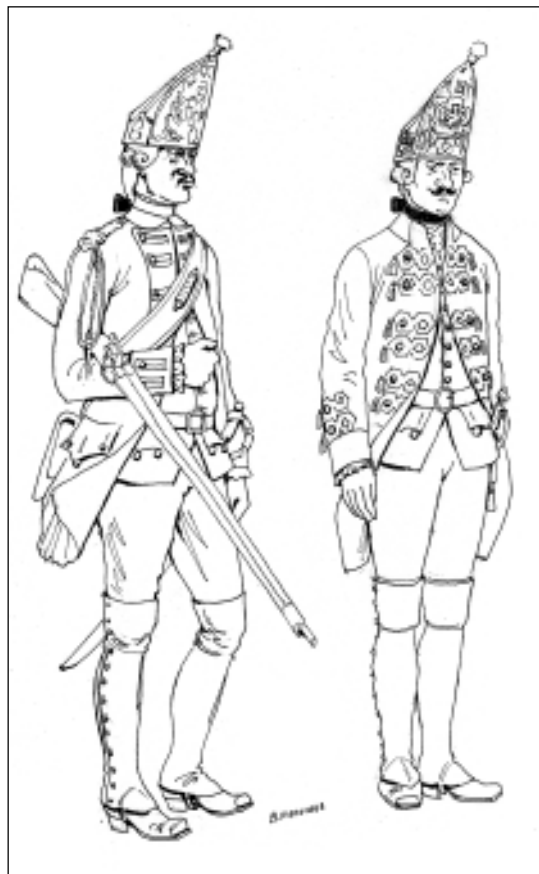
Мундир как социальный маркер

Прибыв в Россию из Гольштейна в 1745 г. подростком, гольштинский герцог и наследник русского престола Петр Федорович уже никогда не покидал ее. Его придворные войска имели униформу Гольштинии, расцветкой и элементами напоминавшую прусскую. Их численность с 1745 г. постепенно увеличивалась, и особенно через 10 лет, после постройки крепости Петерштадт в Ораниенбауме. Расположенная там микроармия Петра Федоровича стала своеобразным полигоном для проектных преобразований в армии. Первоначально войска были составлены из выходцев из Германии, но за долгое время существования в России их состав обновлялся и стал довольно пестрым. С восшествием на престол Петра III в эти войска набирали уже из прибалтийцев, поляков и украинцев. Главным условием приема человека на гольштинскую службу стало условие свободной вербовки людей, не имеющих отношения к российскому податному сословию. В 1762 г. общая численность ораниенбаумской гольштинской «армии», вероятно, составляла около 2 тысяч человек. Екатерина в воспоминаниях дает число – 1590 гольштинцев⁶. Свои будущие военные реформы Петр Федорович первоначально отработывал на своем «потешном» гольштинском войске, которое в 1762 г. было представителем 7 пехотных полков и 6 конных.

В прусской армии резкое укорочение и утеснение военных одежд произошло еще в 1720-е гг. Те же процессы прошли и в армиях европейских стран и внешний вид гольштинских мундиров не вызывал у них насмешек. Например, секретарь французского посольства Ж.Л. Фавье писал о Петре Федоровиче в 1761 г.: «Вид у него вполне военного человека. Он застегнут в мундир такого узкого и короткого покроя, который следует прусской моде еще в преувеличенном виде». Бурхард Христофор Миних в своих исторических записках «Очерк, дающий представление об образе правления Российской империи» пишет, что Петр «любил военное дело и не носил другой одежды, кроме мундира»⁷. Поэтому форма одежды русской армии, вводимая Петром III, не вызвала удивления у иностранцев.

Взойдя на трон, Петр Федорович хотел придать современной модный вид униформе российской армии. При этом он не менял традиционного цвета мундиров российской армии, не менял их покрой, он лишь сократил объемы тканей и изменил нашивные элементы. Успел ли он переодеть полностью хотя бы гвардию – вопрос невыясненный. Конечно, льстивая часть придворного офицерства, сразу же после смерти Елизаветы, сама начала перешивать мундиры на гольштинский манер, так как намерения императора были хорошо известны. Этот факт засвидетельствовал Болотов в своих записках. Б. Миних пишет, что «Вместо Кабинета он учредил Комиссию... Эта Комиссия, в которой император много председательствовал, сначала занималась только военными делами, и появился новый регламент Его Величества, названный “Строевой устав”...»⁸. И хотя известно много рисунков, проектов, сохранились новые гвардейские мундиры самого Петра III, головные уборы, портреты, но напечатанных государственных актов с новым регламентом по армейским мундирам издано не было, так как работы Военной Комиссии над армейской реформой в 1762 г. еще не были подытожены. В чем же отличался елизаветинский мундир от проектов Петра III?

У старого елизаветинского мундира линия карманов и шлиц все еще оставалась заниженной по отношению к талии. Пола кафтана и камзола были почти прямые, а не уходили назад, длина камзола была до половины бедра. Крупные обшлага сильно отделяются от рукава как особый его элемент, мундир был однобортный без лацканов, достаточно просторный и, при желании, мог быть легко застегнут на все пуговицы. Рукава мундира достаточно просторны, чтобы дать место рукавам камзола, штаны были также свободны. Сзади, в шлицах мундиров и сюртуков, были заложены глубокие складки, числом пять и глубиной у подола до 20–25 см каждая.

Гренадеры. Слева: рядовой гольштинского полка Мантейфеля 1760 г., справа: унтер-офицер Преображенского полка 1762 г.

Согласно нововведениям Петра III, полы мундира укоротились до половины бедра, а камзол почти уже превратился в жилет. У офицеров камзол стал без рукавов и воротника с длиной пол до паха. Рукава мундира плотно легли по руке, а небольшие обшлага почти составили одно целое с рукавом, выделяясь лишь цветом. Штаны обузились и должны были лежать без складок, для чего натягивались по колену шнурком. Новый мундир, практически, уже не мог быть застегнут на все пуговицы, и едва сходясь на груди, полы сразу же разбегались в стороны, открывая живот. Складки шлиц сократились до трех, неглубоких и наполовину зашитых. Одно сокращение числа складок в шлицах до трех и уменьшение глубины до 5–10 см давало изрядную экономию средств государству на постройку мундира. Общее «утягивание» ширины мундира, камзола и штанов, скашивание назад пол мундира, уменьшение длины и ширины обшлагов рукавов, уменьшение длины пол камзолов сантиметров на двадцать значительно дополняло общую экономию дорогого сукна. А в целом в силуэте нового мундира намечился переход, когда военный мундир русской армии стал более близок к силуэту мундира конца XVIII столетия, нежели к петровскому кафтану. Кроме того, из сукна, отпущенного по старым стандартам, можно было либо одеть больше солдат, либо сэкономить на этом деньги. Итак, задуманная реформа обмундирования была вполне оправдана экономически, создавая изрядную экономию денег. Кроме того, она была оправдана эстетически, создавая образ передовой армии.

Но большое число русских военных восприняло перемены эмоционально негативно. С непривычки эти нововведения создавали у современников впечатление, что войска, по прихоти императора, одевают в мундиры несообразно уменьшенные. За это новые мундиры обзывали «кургузьями» или «куцьями». Кстати, в подобные мундиры были одеты пруссаки – армия противника в Семилетней войне. Державин, позднее обласканный Екатериной, приезжал на коронацию Екатерины в Москву в гвардейском мундире, сшитом при Петре III. В записках, стараясь затушевать свое хамелеонство, он иронично описывает свой тогдашний мундир: «...будучи в мундире Преображенском, на голстинский манер кургузом, с золотыми петлицами, с желтым камзолом и таковыми ж штанами сделанном с прусскою претолстою косою, дугой выгнутою, и буклями, как грибы подле ушей торчащими, из густой сальной помады слепленными шеголял перед московскими жителями...»⁹ Для московских жителей такой «странный наряд» якобы казался «чудесным». Но это явное преувеличение, так как по воспоминаниям иностранных современников русские вельможи в Москве жили так же роскошно, как и в Петербурге. Просто, как свидетельствовал Казанова в «Записках венецианца о пребывании в России 1765–66 гг.», «к Петербургу относится с неприязнью и отвращением старый москвич, который, при удобном случае, не прочь провозгласить против этой новой столицы приговор Катона Старшего на счет Карфагена»¹⁰. Далее Державин пишет, что к прибытию Екатерины, им, как и всем остальным преображенцам, были «построены старого покрою» мундиры. К тому же в его лукавых описаниях нет никакой рациональной критики, а только одно ёрничество. Так, весь «чудесный вид» (коса, пудра и букли) введены в российской армии задолго до Петра III, но насмешка за них направлена именно на него. Чувствуется, что записки написаны не ранее времен потемкинских реформ, когда их попытались вывести из армейского употребления. Многие не понимали, почему столь неудобные иностранные заимствования никак не удается упразднить и как всегда искали простого ответа в фигурах у престола (то Бирон, то Остерман, то голштинцы).

Еще при Петре I появилось множество недовольных затеей пудрить волосы солдатам, появившейся в конце его правления. После Петра пришлось временно отступить – в декабре 1725 г. Екатерина разрешила волосы солдатам не посыпать мукой, но расчесывать, и, отращивая длинные, завязывать сзади лентой. При Петре II вновь было приказано волосы пудрить, более того, появляется коса и манжеты у рубашки. Однако, видимо, петровские нововведения были еще недостаточно усвоены, так как в указе от 1729 г. все еще настойчиво повторяется: «офицерам, штаб- и обер-, унтер-офицерам, капралам, рядовым носить немецкое платье и шпаги, бороды брить»¹¹. Не исполняющих рядовых требовалось бить батогами, а офицеров – штрафовать, а после четвертого подобного случая – с виновными поступать как с раскольниками. Как видим, сравнение с раскольниками знаменательно тем, что уклонение рассматривалось на идеологическом уровне. Основной мыслью, оправдывающей введение искусственных правил и одежды, было наглядное формирование разницы между солдатом и «подлым» народом. Крой солдатского мундира не отличался от офицерского и генеральского и вообще от кроя дворянского платья, но сильно отличался от народного костюма. Разницей в покрое и цвете проводилась зримая граница между солдатом и дворянином, с одной стороны, и крестьянином и купцом, с другой. Это разница между служилым и податным сословием, где солдат становился нижним звеном в управляющей вертикали. В то время как купец, являясь вершиной в податном сословии, при всем его богатстве, формально занимал более низкую социальную ступень. Эту же функцию выполняла и особая прическа с пудрой, буклями и косой. Эта зримая разница давала понять, что «служилые» призваны отстаивать приоритет господ. Гвардейцы, возведшие на престол Елизавету, лишь на 17% были из дворян, 37% – выходцы из разночинцев и на 42% из крестьян. Поведением и одеждой солдат резко отличался от лакея, которого одевали в богатые, но устаревшие одежды, а согнутые позы выражали угодливость. Реальность солдатского положения можно выразить в парадоксальном определении: «Хоть мы и не господа положения, но по положению мы господа!». Именно поэтому это «нерациональное» знаковое внешнее различие удерживалось и требовало поддержания.

Эмоции вместо аргументов

Чем же новый «кургузый» мундир был на практике хуже прежнего, современниками не высказано. Важно заметить, что ни у кого из современников не было претензий к главному – не было нареканий, что такие перемены стесняли движение солдата. А их не могло быть, потому что принципиальный крой не был изменен! Тем более, что солдаты все равно скоро сменили длиннополые одежды на «кургузые» куртки и мундиры без отворотов на рукавах, ввиду их большего удобства. Именно за это ратовал Потемкин, вводя в 1784–86 гг. новый мундир в своей

армии. Потемкин не только укоротил, он вообще убрал фалды, превратив мундир в куртку. Но некоторые протестовали против новомодных мундиров Петра III, находя «рациональные» аргументы. Они считали, что новые мундиры оголяют русских солдат, «в холодном климате оставляя их полураскрытыми». Но заметим, что именно при Петре III в армии появляются сюртук и епанча с рукавами (прообраз будущей шинели, введенной Павлом I в 1799 г.). Сюртук для генералов и офицеров был введен уже реформой 1763 г. Смысл появления этих одежд в том, чтобы снять универсальность мундира, приспособленного для всякой погоды. Дальнейший прогресс армейского обмундирования шел именно в сторону функционального разделения формы одежды (летняя, зимняя, рабочая, повседневная и пр.), а не ее универсальности. Отсюда критика уменьшенных объемов мундира становится понятна лишь как желание сохранить старый взгляд на набор солдатского обмундирования. Но в этом желании скрыты вовсе не рациональные, а разные психологические причины, которые частично обсуждались выше.

Отношение к нововведениям было отрицательным еще и потому, что, хотя модное заимствование давно происходило на базе прусской модели, но не в момент войны с Пруссией и не гольштинским принцем, оборвавшим ее, как многим казалось, в победном финале. Особенно неприятно чувствовали себя ветераны, которые еще недавно били пруссаков в подобных мундирах и прическах, как вдруг их самих обряжают в мундиры их врагов. И как писал Болотов: «Все сие... а особливо преобразование всего войска и переделывание всего, до воинской службы относящегося, на прусский манер и явно оказуемая к тогдашнему нашему неприятелю, королю прусскому, приверженность и безпредельное почтение и ко всему прусскому уважение, приводило всех в неопишное изумление и негодование...»¹². В данных морально-политических условиях модность или даже экономичность, практичность и удобство тех или иных нововведений отступали на второй план. Так, например, новые вводимые в армии суконные гренадерки были легче на 200–300 г (за счет уменьшения их высоты и толщины металла налобника), чем нравившиеся солдатам в Семилетнюю войну подобные суконные елизаветинские, и, тем более, легче и удобнее, чем кожаные каски той же эпохи. Кожаные каски гвардии появились при Петре I, они давно устарели, их ругали, но продолжали носить и при Екатерине. Тем не менее, большое сходство новых гренадерок с прусскими, в конструкции и отделке, вызывало негативные эмоции.

Неудачной (по торопливости, но не по сути) можно считать и попытку замены Петром Федоровичем красного сукна штанов и камзолов солдат на вариант из светлых сукон: белого, палевого, желтого или оранжевого (выбор по желанию полкового командира). Отменяя красный цвет как прикладной, Петр III имел намерение приблизить русскую систему различий в униформе к прусским образцам. Но, кроме подражания, в этом желании были вполне разумные доводы. Известно, что хорошая красная краска для сукон (например, кошениль) была дорога, так как завозилась из Ирана или из Армении. Не говоря уже о том, что крашенные офицерские сукна закупались в Англии. Более дешевые красители (морена, или корень подмаренника) давали худший оттенок красного цвета и плохое качество окраски. С проблемой разнобоя в оттенках окрашенных мундирных сукон в России будут бороться еще и полвека спустя. Итак, что же достигалось отменой красного цвета? Во-первых, этим можно удешевить окраску сукна, так как для указанных светлых тонов краски идет меньше и окраска дешевле. Во-вторых, введением разнообразия в прикладном полковом цвете (выбор из трех) можно было легче достичь однообразия цвета в одном полку. То есть, если трудно получить один оттенок, то почему бы тогда не ввести разнообразие окраски сукон в норматив? Это разумно с позиции здравого смысла, но не учитывает национальных предпочтений. Главное в том, что вместе с красным цветом был тронут еще живой пласт древних национальных традиций, что заметил в своих записках даже проницательный секретарь французского посольства с 1760 по 1762 гг. К. Рюльер. Красный цвет, восходящий к культуре русалий, пройдя через века, глубоко связался с национальными эстетическими идеалами. Даже слово «красота» этимологически связано со словом «красный» (красна девица, красный угол, красное словцо и т.д.). Не перечислить всех предметов, традиционно окрашиваемых народом в красный цвет: рубахи, сапоги, кафтаны, стены палат, древки топоров, копий, пищалей, ножны, знамена, фоны икон и прочее. Конечно, приходится согласиться, что перемена выглядела как отмена национального цвета и замена его прусским набором, что и встретило ее непонимание. Екатерина, как более чувствительная к социально-политическим процессам, отступила. Но позже, к началу XIX в., как известно, число военных одежд, ранее окрашенных в красный цвет, все равно сильно сократилось. С павловского времени красный цвет уже практически остался только на деталях мундира (лацканы, обшлага, воротник, выпушки и обшивки), при этом далеко не у каждого полка.

Подводя промежуточные итоги, можно сказать, что основной просчет Петра III вовсе не в сути проводимых им реформ, а исключительно в непонимании российских обстоятельств и переоценке возможностей абсолютизма

Армейские гренадеры. Слева: рядовой
Обсервационного Корпуса 1756–1761 гг.,
справа: рядовой пехотного полка 1763–1786 гг.

ма для таких поворотов. Он руководствовался только разумностью и необходимостью своих нововведений, подкрепленных неограниченной властью императора. Он думал об экономике государства, о рациональных социальных и политических реформах, но, совершенно очевидно, был легкомыслен, если не принимал всерьез интриг и коварства дворцового окружения. Достаточно вспомнить, что он с самого начала не любил елизаветинских полных сборищ и намеренно удалился от двора в Ораниенбаум. Он не стремился к формальным контактам с теми, кому не симпатизировал, более того, высмеивал светский протокол и этикет. Собственно, главная ошибка в том, что он не создал самого главного – большого слоя сторонников своих начинаний. Он не выпестовал, подобно Петру, слоя людей, связанных с ним судьбой, а придя к власти, опрометчиво решил опереться на доставшихся ему в наследство от прошлого правления дворцовых проходимцев. Он переоценил прочность своей власти, рассчитывая только на ее неоспоримую легитимность. В целом опора в начинаниях и в стратегии только на формальную разумность, законность и логику, просматривается во многих его делах и актах. А с другой стороны, во всех начинаниях виден недостаток дипломатии и продуманной тактики. Очевидно, что он переоценивал свою независимость и свободу действий, считая, что разумность и логичность начинаний являются достаточными аргументами, чтобы быть воспринятыми подданными положительно. Нетерпелив, прям и негибок – вот часть его характеристик. Однако они преподносятся нам некоторыми современниками (и Екатериной)¹³ в совокупности с дурацким колпаком на его голове. Характерно, что самые правдивые заметки о перевороте и положительные отзывы о личности Петра III и его реформах, не только отечественные, но и иностранные, появились лишь после смерти Екатерины и не смогли повлиять на формирование широкого мнения об этом периоде.

Присвоение без тени стеснения

Его жена, враг и убийца, Екатерина, несомненно, виртуозно владела искусством интриг и тактическими приемами. Она прекрасно понимала, что все задуманное и начатое Петром Федоровичем не является плодом внезапного легкомыслия и задолго до попытки реализации обсуждалось в его кругу. И, главное, что задуманное в основном лежит в стратегически правильном и выгодном направлении. Однако вначале правления Екатерина сделала демонстративный жест, который был призван убедить всех в решительной смене направления и возврату в патристическое русло – она отменила все указы Петра III. Таким образом, она обнулила начинания Петра III только затем, чтобы в нужное время провести их от своего имени. Весь ход дальнейшей истории ее правления убеждает нас в том, что это была просто тактическая и психологическая хитрость. Но мы не будем рассматривать ее внешнеполитические и внутриполитические шаги, которые свидетельствуют об этом. Цель нашей статьи только рассмотрение перемен в воинской униформе.

В 1763 г. в российской армии прошла большая реформа. Наиболее существенным в ней было введение ясной регламентации и унификации в форме одежды. Самое замечательное в том, что впервые в России, в 1764 г., Государственной Военной Коллегией была издана иллюстрированная книга с описаниями образцовой формы одежды по родам войск и чинам: «Описание мундиром строевого убранства конформаваное высочайшим Ея Императорского Величества подписанием»¹⁴. И это издание стало знаменательным начинанием, нашедшим регулярное продолжение в дальнейшем, еще при Екатерине. До этих пор ничего специального в России не предпринималось, и современные исследователи с трудом разыскивают в архивах отдельные рукописные акты или исследуют рисунки современных художников, чтобы представить себе правила ношения военной одежды для первой половины XVIII столетия. Даже из названия книги ясно, что за год, что прошел с момента убийства Петра III до начала армейских реформ, Екатерина не имела ни времени, ни желания, ни специальных знаний, чтобы подготовить свою собственную армейскую реформу, а потому видела свою задачу только в качестве ревизора перемен, предлагаемых еще Петром III. Более того, вопреки распространенному подобострастному мнению есть любопытные свидетельства. Датский посланник в 1765–68 гг. А. фон Ассенбург пишет: «Государыня эта была очень умна от природы, но столь мало образована, что недостатком образования выделялась даже среди женщин»¹⁵. А графиня В.Н. Головина характеризует позднюю Екатерину как честолюбивую с твердым характером. Можно аргументированно заключить, что армейская реформа 1763 г. – это в основном та реформа, которую готовил Петр Федорович, только подрезанная Екатериной.

Во что же на практике вылилась ревизия проекта реформ Петра III Екатериной? Она сводилась к двум основным принципам – не допустить политической и социальной либерализации в армии и сэкономить на всем. Под влиянием первой задачи был безжалостно порезан устав, подготовленный Петром Федоровичем, и осложнены все возможности стать офицером не дворянину, а на реформе формы одежды более отразился принцип второй. Впрочем, финансовое положение России после Семилетней войны было действительно сложным. Задачу удешевления и унификации формы одежды в армии ставил в своих проектах реформы и Петр Федорович. Еще заключая мир с Пруссией и зная о тайных переговорах с Турцией, как пруссаков, так и Англии, им осознавалась необходимость окончательного военного решения вопросов с Турцией, причем в самое ближайшее время¹⁶. До этого времени всякие военные конфликты с Западом будут в критические моменты постоянно чреватые ударом Турции снизу, с юга России. А война на два фронта еще никому не сулила успеха. Надо было отбросить Турцию за море. Эту проблему стала решать Екатерина сразу после восшествия на престол. В преддверии войны с Турцией Екатерина делала займы и урезала жалованье солдатам, в среднем на 3–8 рублей в год. Но военная реформа по итогам Семилетней войны была необходима и тоже требовала денег, особенно там, где надо было что-то менять. Поэтому екатерининскую версию в мундирной реформе, намеченной еще Петром III, можно назвать плюшкинской. Если Петр Федорович хотел сэкономить на отпускаемых объемах сукна, то Екатерина нашла дополнительный способ сэкономить на необходимости его отпустить. Во-первых, сокращение длин и объемов штанов, камзолов, мундирных фалд и обшлагов было осуществлено так, как задумывалось при Петре Федоровиче. Во-вторых, было остановлено введение в войсках нашивных шлейфов, вместо прежней обшивки пол, воротников, обшлагов

и прочего галунами. В-третьих, был «возвращен» красный цвет камзолам и штанам (но точнее, отменена его замена на другие). В результате прежние елизаветинские камзолы, штаны и обшлага мундиров стали просто перешивать на новый лад – обрезать и обуживать. Это позволило быстро переодеть всю армию в мундиры «нового» типа, даже не выдавая для этого нового сукна, и этим сильно сэкономить выделяемые на реформу средства. Кстати, в дело пошло и обмундирование, отобранное у гольштинцев Петра III. Все они были арестованы, посажены в камеры и раздеты до нижнего белья. Все, что могло быть использовано в российской армии, которой руководил В. Суворов, было пушено Комиссией в раздачу и на продажу. Синие гольштинские мундиры и светлые штаны разобрали и переделали кавалеристы, кирасирское обмундирование – кирасиры. На складах остались, в основном, суконные гренадерки, которые ни по цветам сукон, ни по бляхам на них не подходили для использования в русской армии. Именно это обстоятельство объясняет факт большого количества хранящихся в музеях гольштинских гренадерок, при почти полном отсутствии гольштинских обуви, мундиров, жилетов и штанов.

Таким образом, Екатерина не вернула старый петровский мундир в русскую армию, в котором она так картинно выступила перед солдатами после переворота, а лишь сохранила кое-какие его привычные цвета и детали, да и то не столько из приверженности к русским традициям, сколько из экономии на реформах. На деле же продолжили распространение прусские лацканы и обуженный покрой мундира, штанов и камзола. Причем утеснение штанов при Екатерине дошло до своего анекдотического предела, так как в них приходилось втискиваться буквально с мылом, а обшлага как оттопыривающаяся деталь рукава практически исчезли. Петр Федорович намеревался выделить гвардию из остальной массы армии более светлым оттенком зеленого сукна на мундирах. Это его намерение было практически осуществлено в екатерининских реформах 1774 г. А прусская коса, букли и пудра, хотя и были нелюбимы солдатами и не принимаемы многими офицерами, но остались еще на долгое время.

В целом же «екатерининский» мундир по крою и по основным принципам построения мало отличается от проектов Петра Федоровича. Известно, что Петр III собирался сделать военную униформу более системной, единообразной, как внешне, так и в знаках различия чинов. Сравнивая вводимые им мундиры с «екатерининскими», можно видеть, что основные изменения мундира, задуманные Петром Федоровичем, были реализованы в реформах 1763 и 1774 гг.

Необходимость осуществления перемен формы одежды, кроме практической пользы, всегда состояла в том, чтобы дать понять всем (и, прежде всего, потенциальному противнику), что перед ними армия современной державы, ориентирующая свои средства на передовой опыт, а не армия нищей второсортной страны, окостеневающая в национальных особенностях. Поэтому все факты убеждают нас в том, что военная политика и армейские реформы Петра III являются, безусловно, прогрессивными и важными шагами в развитии отечественных армии и флота, плоды которых, в основном, были присвоены Екатериной, а краткость правления Петра Федоровича создает возможность недооценивать сделанное им в этом направлении. В сущности, как писал С.О. Шмидт, «так называемый Век Екатерины, начался по существу еще за несколько лет до ее восшествия на престол» в лице Петра Федоровича.

Таким образом, в заключение статьи, можно суммировать: реформы российского мундира совершались Петром III в полном соответствии с передовыми представлениями того времени об армейской униформе сильной армии. Ходом дальнейшей истории все основные начинания в этом направлении были продолжены, а не отвергнуты. Реформы были оправданы и экономически. Но давно известно, что историю пишут победители, а не историки. Обвинения в адрес Петра Федоровича были инкриминированы оппозицией и связаны с борьбой за власть, и не носили характера ошибок.

¹ Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII в. М., 1958.

² Веселаго Ф. Очерк истории морского кадетского корпуса. СПб., 1852.

³ Русский быт по воспоминаниям современников. Время Екатерины II. Вып. 2-й. М., 1922. С. 7.

⁴ Анисимов Е.В. Россия без Петра 1725–1740. СПб., 1994.

⁵ Русский быт по воспоминаниям современников. М., 1922. С. 66.

⁶ Русский быт по воспоминаниям современников. От Петра до Павла. Вып. 1-й. М., 1918. С. 49.

⁷ Безвременные и временщики. Воспоминания об эпохе дворцовых переворотов (1720–60 гг.). Л., 1991.

⁸ Там же.

⁹ Русский быт по воспоминаниям современников. От Петра до Павла. Вып. 1-й. С. 44.

¹⁰ Русский быт по воспоминаниям современников. Время Екатерины II. Вып. 2-й. С. 27.

¹¹ Полное собрание законов российской империи. Т. XV–XVI. «Книга штатов 1711–1800 гг.».

¹² Русский быт по воспоминаниям современников. От Петра до Павла. Вып. 1-й. С. 15.

¹³ Там же. С. 45; Россия XVIII столетия в изданиях Вольной русской типографии А.И. Герцена и Н.П. Огарева; Справочный том к запискам Е.Р. Дашковой, Екатерины II, И.В. Лопухина. М., 1992; Каменский А. «Под сенью Екатерины...» СПб., 1992.

¹⁴ Описание мундирам строевого убранства конформаваное высочайшим Ея Императорского Величества подписанием. СПб., 1764.

¹⁵ Русский быт по воспоминаниям современников. От Петра до Павла. Вып. 1-й. С. 19.

¹⁶ Мьльников А.С. Искушение чудом. Л., 1991; Он же. Он не похож был на государя... Петр III, повествование в документах и версиях. СПб., 2001.

Известный и неизвестный генерал-фельдцейхмейстер князь Г.Г. Орлов

До настоящего времени личность князя Г.Г. Орлова не была предметом специальных исследований. В общих трудах по истории царствования Екатерины II сохранились статьи, где имя князя большей частью упоминается только как одного из фаворитов или в лучшем случае как одного из братьев Орловых. Исключением являются труды А.А. Голумбиевского¹ и А.П. Барсукова², посвященные биографии князя Г. Орлова. Современный интерес исследователей большей частью вызывают не личные качества, а связь с императрицей. Между тем это был человек со сложным внутренним миром. Приближение Г.Г. Орлова ко двору совпадает с той эпохой царствования Екатерины, когда новые идеи, смело провозглашенные французскими энциклопедистами, широкой струей проникали в петербургский двор и оттуда свободно веяли над русским обществом. Стремление Г. Орлова вместе с императрицей, особенно на первых этапах их деятельности, законодательно решить вопросы экономического характера, а также его покровительство искусству и науке заслуживает положительной оценки.

Игнорирование личных качеств государственных лиц существенно обедняет наше представление об историческом процессе, делает его безлюдным, бесцветным. В конечном итоге история – это не только глобальные процессы, перевороты, войны, смена правительственных кабинетов, это и судьба отдельного человека, оказавшегося волею или неволею включенного в определенные исторические события.

Задача данного исследования – освятить деятельность князя как государственного чиновника.

В официальных документах обращение к князю Г.Г. Орлова читается так – генерал-фельдцейхмейстер над фортификацией, генерал-директор кавалергардского корпуса шеф, Ее Императорского Величества генерал-адъютант и действительный камергер, лейб-гвардии конного полка полковник, канцелярии опекунов иностранных президентов и разных орденов кавалер. Генерал-фельдцейхмейстер – титул главного начальника артиллерии и всего к ней принадлежащего, а также в его ведении находилась обер-егермейстерская канцелярия, надзор за порядком во время праздников и устройство фейерверков³.

Родился князь 6 октября 1734 г. В 1745 был определен в Петербургский сухопутный кадетский корпус – одно из лучших учебных заведений XVIII в.⁴, однако, не пройдя полного курса обучения, в 1749 г. вступил в службу лейб-гвардии Преображенского полка солдатом. Участвовал в Семилетней войне и проявил себя в сражении под Цорндорфом. Пленив адъютанта прусского короля графа Шверина, Орлов вместе с ним был отправлен в Кенигсберг. По прибытии в Петербург в 1758 г. получил чин капитана и назначение на должность адъютанта при генерал-фельдмаршале графе П.И. Шувалове⁵. 23 февраля 1762 г. был переведен на должность цалмейстера в артиллерийском штате Екатерины. В день коронации Екатерины братья Орловы возведены в графское достоинство, Григорий стал действительным камергером и с сентября 1762 г. произведен в генерал-поручики.

11 марта 1765 г. Г. Орлов назначен на должность генерал-фельдцейхмейстера и генерал-директора над фортификациями после А.Н. Вильбуа, на которой, в отличие от своих братьев Алексея, Владимира и Федора, ушедших в отставку в 1775 г., находился до 13 апреля 1783 г., т. е. до дня своей смерти.

Письмо Екатерины с «чистосердечным признанием» князю Потемкину о том, как она разошлась с князем Орловым еще в 1772 г. по возвращении его в Петербург с Фокшанского конгресса⁶, не говорит, что Орлова отстранили со служебного поста и он больше не присутствовал при дворе императрицы. Камер-фурьерские журналы говорят о частых встречах с Екатериной и его присутствии на официальных торжествах.

По свидетельству князя М.М. Щербатова при князе Орлове «дела шли довольно порядочно, и государыня, подражая простоте своего любимца, снисходила к своим подданным. Не было много раздаяний, но было исполнение должностей, и приятство государево вместо награждений служило. Люди обходами не были обижаемы, и самолюбие государево истинами любимца укрощаемо часто было... Орлов никогда не входил в управление не принадлежавшего ему места, никогда не льстил своей государыне, к которой неложное усердие имел и говорил ей с некоторою грубостью все истины, но всегда на милосердие подвигал ее сердце; старался и любил выискывать людей достойных, поелику понятие его могло постигать... Ближних своих любимцев не любил иначе производить, как по мере их заслуг. И первый знак его благоволения был заставлять с усердием служить Отечеству»⁷.

В этих словах отмечена служба Орлова отечеству. Занимаемые им должности генерал-фельдцейхмейстера, генерал-директора инженеров, президента канцелярии опекунов иностранных колонистов, шефа кавалергардского корпуса и прочие составляли нечто второстепенное в его общественном положении. Они терялись в его главной роли – роли пособника и советника императрицы по важнейшим государственным делам.

Обладая чутким умом к вопросам дня, он был участником всех главных начинаний Екатерины.

Одна из острых проблем, вставших перед императрицей – незначительная заселенности российской территории. Вопрос о малолюдстве страны требовал скорейшего разрешения. Недостаток людей на огромных земельных просторах Екатерина хотела возместить иностранцами.

14 ноября 1762 г. последовал собственноручный указ Сенату о переселении в Россию иностранных поселенцев. Во главе такого важного дела, как создание иностранных колоний, манифестом от 4 декабря был поставлен граф Г. Орлов. 22 июля 1763 г. учреждалась «Канцелярия Опекунства иностранных переселенцев», президентом которой, на правах президента коллегии, назначался граф Г.Г. Орлов.

Григорий Григорьевич со всей серьезностью отнесся к порученному делу: за границей работали его вербовщики, начинали создаваться иностранные колонии на Волге. 16 февраля 1764 г. граф представил императрице обширный доклад о том, какие земли отвести под колонистов, в каком количестве, о способах поселения их и о

межевании земли. Не смотря на протест Сената, доклад был одобрен Екатериной.

Орлов вошел в число членов-учредителей Вольно-экономического общества, взяв на себя первоначальные расходы по его устройству. Это случилось, как только появилось «особое благоволение Императрицы к упражняющимся в чинении всяких опытов для поправления земледелия и домостроительства, которое подало повод некоторым патриотам устроить в России экономическое общество для распространения в народе полезных и нужных к земледелию и домостроительству знаний»⁸.

22 мая 1765 г. придворный библиотекарь императрицы статский советник Иван Иванович Тауберт окончил составленный им план патриотического общества «для поощрения в России земледелия и экономии». Примером для создания послужили общества в Шотландии, основанные в 1723 г., Ирландии (1736), Англии (1753), Франции (1757) и Германии (1762). У основания общества стояли 14 знатнейших придворных и близко известных государыне особ, включая самого Тауберта. Туда также входили граф Р.И. Воронцов, А.В. Олсуфьев, И.Г. Чернышев... 15 июня 1765 г. состоялось собрание учредителей для принятия устава, сам Г. Орлов не присутствовал, хотя сбор состоялся в бывшем Штегельмановом доме, в котором в это время проживал граф. Пост президента предлагали сначала графу Р.И. Воронцову, затем Г.Г. Орлову «как поощрителю и любителю всяких полезных знаний», но получили отказ, т. к. «по множеству занятий, он этого звания на себя принять не мог»⁹. Первым президентом был избран Адам Васильевич Олсуфьев. Президент избирался на 2/3 года (избирались по трети). Г.Г. Орлов занимал этот пост с 1 января по 1 сентября 1766 г. Основная деятельность общества была направлена на собирание экономических сведений о России; распространялось сельскохозяйственного образование и научные сведения, а также занятия по скотоводству, в том числе по страховке скота, поощрялись механические искусства и т. д. На период президентства Г. Орлова остро стоял вопрос осповививания в России, ему принадлежало едва ли не первое место между правительственными распоряжениями. Поэтому Вольно-экономическое общество занималось распространением сведений о пользе мероприятий. 12 октября 1768 г. императрице и графу Г. Орлову сделали прививки. По прошествии нескольких дней состоялся благодарственный молебен в Исаакиевском соборе по случаю благополучного исхода болезни.

Екатерина писала «князь Орлов был силен, храбр, решим...; два дела его славные: восшествие и прекращение чумы. Первое не может быть сравнено с восшествием Елизаветы Петровны. Тут не было неурейства, но единодушье»¹⁰. Г.Г. Орлов – один из руководителей войск во время государственного переворота 23 июня 1762 г.¹¹

В 1771 г. Москву и центральные губернии России постигла большая беда – из Турции занесли чуму. Эпидемия началась с самой отдаленной части города, в Лефортово, в сухопутном госпитале. Затем на Сукольном заводе за Москвой-рекой и разнеслась по всему городу рабочими. К середине года смертность составляла 700–900 человек в день. К июлю из 13 тысяч жилых домов в 6 тысячах были больные чумой, а в 3 тысячах домов все жители вымерли. Среди населения началась паника. Главнокомандующий Москвы фельдмаршал П.С. Салтыков уехал в свое подмосковное имение, за ним последовали губернатор и обер-полицмейстер с семьями. Город остался без управления. 21 сентября Екатерина объявила о посылке в Москву графа Г.Г. Орлова, «персоны, от нас поверенной, ... избранного по довольной известной его ревности, усердию и верности к нам и отечеству». Помощником его назначался сенатор, генерал-поручик Петр Дмитриевич Еропкин. В день издания Манифеста Г. Орлов выехал в Москву, не смотря на распутицу. 26 сентября он был уже там. Команде артиллерийского корпуса, сопровождающей графа Г. Орлова в зараженный город, выдавалось денежное пособие равное годовому жалованью¹². Предпринятые им меры отличались благоразумием и целесообразностью: была учреждена комиссия предохранительная и исполнительная. Доктора обявляли «как всякий грабежом в сам себя и пользоваться может». Без колебаний расправлялись с теми, кто продолжал промышлять грабежом в заразных домах. Такие дома с оставшимися в них трупами и добром предавались огню. Граф действовал не только методами принуждения и устрашения. Он сам не прятался от чумы, посещал больных, прилагая все возможные меры об их попечении. Было увеличено число карантинных и больниц, причем Г. Орлов отдал под больницу свой родовой дом на Вознесенской улице. Для работы в больницах приглашались все желающие. При этом люди крепостные получали вольную, если соглашались добровольно работать в инфицированных учреждениях. Чтобы очистить город от трупов, выпустил из тюрьмы воров и других уголовников, обещая им свободу после того, как они наведут на улицах и площадях должный порядок. На казенный счет учреждались дома для воспитания сирот. Докторам и лекарям установил тройное жалование с обещанием, в случае смерти, значительный пенсион их семействам. Г. Орлов разрешил

Генерал-фельдцейхмейстер Г.Г. Орлов. Гравюра XVIII в.

лечение на дому, но пациентам, находившимся на излечение в больницах, давалось вознаграждение от 5 до 10 рублей. Специальные служители хоронили умерших на особых кладбищах. Постепенно чума начала отступать. Ранние морозы остановили ее окончательно.

21 ноября, выдержав двухмесячный карантин, граф выехал в Санкт-Петербург.

На 70-е гг. XVIII в. приходится и Пугачевский бунт. Исполняя свои обязанности генерал-фельдцейхмейстера, Г. Орлов участвовал в заседаниях Совета, где обсуждались меры, направленные к подавлению бунта. Занимался делами «оружейной экспедиции» о приеме присланного из Петербурга оружия, взамен захваченного Е. Пугачевым. На полях сражений его личного присутствия не требовалось.

Заслуги Г.Г. Орлова были отмечены памятной медалью, созданием триумфальных ворот в Царском Селе и строительством для него Мраморного дворца, на фронтоне которого императрица повелела начертать: «Здание благодарности».

Деньги на строительство Мраморного дворца выдавались из Кабинета Ее Императорского Величества. Здесь необходимо отметить, что в истории Кабинета существуют два периода развития, из которых первый с 1704–1786 гг. включает время, когда он был общегосударственным учреждением с весьма обширной компетенцией; второй – со 2-ой половины 1786 до 1904 гг. – становится, главным образом, организацией ведающей Государевым казначейством и имуществом. На деньги Кабинета содержались «особливые строения» в Риге, Ревелле, а также в Петергофе и Стрельне. Кроме этого Кабинет финансирует Канцелярию от строений со всем штатом, полковые дела, табели и прочие ведомости, горнодобывающие заводы, полотняные фабрики и т. д. Сохранились сведения об отпуске средств в Коллегию иностранных дел и в Гофь-интенданскую контору¹³. Кроме того, по изустному повелению Ее Императорского Величества в 1765 г. при Канцелярии от строений учреждались военные команды, при которых «создавались роты мастеровых и работных»¹⁴.

Указы Военной коллегии и Правительственного Сената от 1769 г. говорят о командировании солдат для производства строительных работ. Поэтому можно предположить, что граф Г.Г. Орлов принимал активное участие в строительстве Мраморного дворца не только как заказчик интерьеров¹⁵. Смотритель над строением дворца генерал-инженер М.М. Мордвинов руководил постройкой и состоял в инженерном корпусе, подчиняющемся генерал-фельдцейхмейстеру, а адъютант князя полковник Ф.Ф. Буксгевден был первым смотрителем дворца.

Г.Г. Орлов на свои средства строит новое трехэтажное здание Арсенала в Литейной части (между нынешней Шпалерной и Захарьевской улицами) с прекрасной архитектурой и планировкой, в которой целый этаж выделялся для собрания памятников отечественной истории. В основу коллекции музея входили экспонаты «курьозные, инвенторские и достопамятные предметы», которые начали собираться генерал-фельдцейхмейстером графом П.И. Шуваловым с 1756 г. по указу Елизаветы Петровны¹⁶. Сменивший П.И. Шувалова А.Н. Вильбоа не обладал историческим чутьем своего предшественника и не пользовался большим влиянием при дворе, поэтому уникальное собрание чуть было не ушло на переплавку. С переводом коллекции в новое здание Арсенала собрание быстро растет, и к концу XVIII в. в нем насчитывалось более 5 тысяч единиц.

Находясь на должности генерал-фельдцейхмейстера и генерал-директора над фортификациями, князь Г. Орлов поднял важный вопрос о том, «какие орудия преимуществуют, какие следует удержать и какие отменить совсем из армии»¹⁷. Для выработки решения была устроена пробная стрельба из орудий, при чем испытывались знаменитые «шуваловские» гаубицы, 12-фунтовые пушки и 1/2-пудовые единороги. Однако, на развитие артиллерии в России Г.Г. Орлов большого влияния не имел. Это объясняется тем, что он не владел специальными знаниями по артиллерии и его познания ограничивались поверхностным знакомством с ней еще в бытность его адъютантом у графа П.И. Шувалова.

О последних восьми годах жизни Орлова сохранилось немного положительных сведений. В это время он пережил большую любовь, брак, трагическая развязка которого нанесла ему окончательный удар. В архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи находится два дела, датированные 1780 и 1782 гг., о предоставлении отпуска генерал-фельдцейхмейстеру Г.Г. Орлову в связи с болезнью и увольнением его для лечения на два года с полным жалованием и ему, и его штату¹⁸.

Вследствие чего Канцелярии Главной артиллерии и фортификации предлагалось вступить в командование артиллерийскому и инженерным корпусами генерал-поручикам Мартынову, Баннеру, Меллеру, генерал-инженерам Мордвинову и Бауру, а также генерал-майору Борзову. Было предписано о делах следующих по перечисленным департаментам «представлять и резолюции требовать от оной канцелярии, которой чего собою решить не можно отправлять с мнениями в Государственную Военную коллегию»¹⁹.

Смерть князя Г.Г. Орлова наступила в Москве 13 апреля 1783 г.

За рамками обозначенной темы осталась меценатская деятельность князя. Благодаря Г. Орлову, не пропали бумаги и архивы М. Ломоносова, которые перешли к князю после смерти ученого, дополнив ранее купленную у него большую часть библиотеки. Широкий круг интересов князя Г. Орлова позволил ввести в российскую культуру имена Фонвизина и механика Кулибина. Строительство на личные средства здание Арсенала и пополнение его собрания позволило сохранить многие памятники оружейного искусства. До сих пор его коллекция оружия является предметом изучения.

Обладая вкусом и интересом к живописи, князь Г.Г. Орлов сформировал одну из живописных ранних частных коллекций²⁰. Она размещалась в 5 залах юго-восточной части Мраморного дворца. В нее входили «произведения всех европейских школ, особенно много работ модных в то время мастеров Голландии и Фландрии. Имелось даже несколько работ испанской школы, что было тогда большой редкостью. Коллекция Мраморного дворца была столь значительна, что ее почти полностью приобрели в Эрмитаж. Наследники оставили у себя только фамильные картины и портреты»²¹.

Анализ вышеприведенного материала позволяет сделать вывод о том, что князь Г.Г. Орлов по-настоящему не вступал на широкое поле государственной деятельности, хотя в тесном кругу придворной жизни постоянно радел

о благе отечества. Будучи слишком прямым и честным, он не принимал и особенно деятельного участия во внешней политике, занимаясь иностранными делами случайно и преимущественно по желанию императрицы. Но он был полезным советником Екатерины, прекрасным исполнителем тех заданий, которым Ее Величество придавала особое значение, участвовал до 1780 г. во многих важных начинаниях ее царствования.

¹ Голомбиевский А.А. Биография Г.Г. Орлова. М., 1904.

² Барсуков А. Рассказы из русской истории XVIII века по архивным документам. СПб., 1885.

³ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 4866. 1782. С. 3

⁴ Там же. Ф. 2 Оп. ШГФ. Д. 841. С. 2, 15. Д. 952. С. 11 об.

⁵ Там же. Ф. 2. Оп. Сп. Ст. Д. 2. С. 1.

⁶ Русский архив 1910. Кн. 1–4. С. 429.

⁷ Барсуков А. Рассказы из Русской истории XVIII века по архивным документам. СПб., 1885. С. 100.

⁸ Ходнев А.И. История Императорского Вольно-экономического общества. СПб., 1865.

⁹ Там же. С. 6.

¹⁰ Русский архив 1873 г. А.П. Барсуков «Подробное жизнеописание кн. Г. Орлова». С. 82.

¹¹ В архиве ВИМАИВиВС сохранилось единственное дело «Об участии в Ораниенаумском походе 23 июня 1762 г.» (Оп. ШГФ. Ф. 2. Д. 1573), в котором находится ведомость с перечислением количества обер-офицеров, офицеров, капралов, рядовых и прочих чинов, а также калибр артиллерии с ее нарядами. Фамилии не называются, но указана сумма, выплаченная участникам похода. Какие-либо еще документы, относящиеся к событию 1762 г. пока не найдены.

¹² Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 1963 1777. С. 1.

¹³ История Кабинета Его Императорского Величества. 1704–1904. СПб., 1911.

¹⁴ Архив музея ВИМАИВиВС. Оп. ШГФ. Ф. 2. Д. 2287. Л. 465.

¹⁵ Плафон И. Криста «Суд Париса», находящийся в настоящее время на лестнице, был заказан Орловым для аванзала после его свадьбы на Е.Н. Зиновьевой.

¹⁶ История развития артиллерии. СПб., 1994. С. 310.

¹⁷ Камер-фурьерский журнал за 1773. С. 26.

¹⁸ ШГФ. Д. 2152 1780. Оп. ШГФ. Д. 4863. 1782.

Г. Орлов получал жалование из Канцелярии Главной артиллерии и фортификации.

¹⁹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 2152. С. 2.

²⁰ РГИА. Ф. 539. Оп. 1. Д. 285 «Каталог картин Мраморного дворца с указанием их повески».

²¹ Белковская В.М. Картинная галерея Г. Орлова. К истории живописи XVIII века. Страницы истории отечественного искусства. XII вып. 2006.

Русская оборона в руках иностранцев. 1861–1917 годы (Проблема заграничных заказов и технического содействия в политике вооружений Военного и Морского министерств)

Заграничные заказы вооружений являлись частью общей политики Военного министерства и его исполнительного органа – Главного артиллерийского управления (ГАУ), направленной на снабжение армии современным вооружением. Заказы за границей производились в случаях, если требовались новейшие образцы военной техники или материалов, которые непременно должны были отвечать техническим условиям самого ГАУ. Эти опытные заказы производились обычно в нескольких экземплярах или небольшими партиями. В других случаях заказы приобретали относительно крупные размеры, когда это вызывалось чрезвычайными обстоятельствами войны или, в мирное время, невозможностью реализовать их на заводах внутри России. Наконец, ГАУ прибегало к переговорам о самой возможности заказов за границей в особых случаях. Прием этот носил откровенно политический характер в борьбе с частными производителями в России с целью добиться понижения цен на изделия отечественных заводов.

Другой формой внешних связей ГАУ являлось техническое содействие заграничных производителей вооружений. В императорской России оно получило самое широкое распространение в промышленной практике всех российских ведомств. Эта сторона деятельности Военного министерства остается в нашей историографии мало освещенной. Между тем в архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС) достаточно материала для этой очень важной темы. Недооценка данного вопроса, возможно, происходит из-за «непатриотичности» самого явления. Я же, исходя из опыта довольно долгой работы в разных архивах, в том числе над темой заграничных заказов, могу только удостовериться в большой важности этого вопроса для военно-экономической и технологической, финансовой и политической истории России.

Проблема национальной безопасности России всегда была тесно связана с ее великодержавием, внутренней безопасностью и внешней независимостью. Одним из главных условий последней являлась военная промышленность, достаточная как для способности дать отпор противникам России, так и для продолжения борьбы за пределами империи. Вопрос о том, насколько остро стояла перед страной тема иностранной зависимости и как решалась эта проблема применительно именно к военной индустрии, остается невыясненным и не обобщенным в нашей историографии. Данная статья предлагает открыть этот разговор.

Крымская война 1853–1856 гг. стала катастрофой для самосознания руководителей России и выдвинула задачу модернизации всей экономики и, в первую очередь, военной. Однако времена, подобные эпохе Петра I, уже было не повторить. Россия жила в новой исторической обстановке, когда в развитых странах мира капитал, труд и технологии глубоко меняли облик промышленности, а еще более – возможности и темпы военного перевооружения. Небывало изменилась роль частной промышленности, многократно возросли расходы на опытное производство, кардинально менялись технологии и системы оружия. Непрерывность промышленного переворота породила не только постоянную смену одних образцов вооружения другими, но и количественный рост их. Гонка вооружений и постоянное военное напряжение осложняли эту картину до крайнего, почти отчаянного положения. Каждое правительство теперь оберегало секреты своих оборонных достижений, а частные фирмы-производители дорого взимали за новинки своих изобретателей. Для России положение складывалось особенно тяжело, т. к. страна, бедная капиталами и частной инициативой, имела слишком слабую промышленность и целый груз нерешенных социальных проблем. Отмена крепостного права потребовала больших расходов для медленной перестройки всей экономики и строительства железных дорог. Привоз импортных машин, материалов, топлива вырос до головокружительных цифр. Стране грозило полукOLONиальное будущее.

В этой обстановке военная промышленность стала центром внимания и правительства, и некоторых частных лиц в России. Началась планомерная борьба военных за национальное развитие оборонной индустрии на уровне самых современных промышленных достижений и «первоклассных» требований. Однако на этом пути препятствий оказалось больше, чем всей казенной энергии. Не хватало не только опыта, инженеров, мастеров и кадровых рабочих. Не хватало капиталов и самих специализированных заводов. Новая Русско-турецкая война 1877–1878 гг. подтвердила этот недостаток.

Еще во время Крымской войны, в чрезвычайных условиях, помощь некоторых иностранцев в деле обороны оказалась особенно полезной. Известно, как громко зарекомендовали себя первые Нобели минной защитой Петербурга от бомбардировок английского флота. В 1856 г. англичане основали Балтийский судостроительный завод. Гораздо раньше их зазвучало имя Чарльза Берда. Иностранцы руководили долгое время и крупными казенными заводами: Ижорским заводом – англичанин Вильсон, Александровским механическим (впоследствии казенным заводом) – американцы Гаррисон, Ф. и В. Уайнесы¹. При Александре II вполне естественно преобладал взгляд, что без привлечения иностранцев к управлению крупными предприятиями, и военными в их числе, дело организации и развития промышленности не пойдет. Особенно в первые полтора десятилетия его правления, когда из-за границы ввозили так много, от паровозов и рельсов до болтов и булавок. В 1863 г. Крупп подарил и безвозмездно доставил русскому правительству 100 полевых стальных орудий «вследствие сбережения расходов по приготовлению заказанных ему стальных береговых орудий» от тех же русских. В 1877 г. Крупп взялся в самые сжатые сроки перевооружить полевую артиллерию России, вторично после 1863–1865 гг. Обуховский и Пермский казенные заводы не поспевали тогда за ним. Но ждать было нельзя, шла война с Турцией, а боялись и европейской. И в 1886 г. к Круппу обратились снова, разделив заказ между ним и Обуховским заводом

и на этот раз поровну². Лишь так постепенно и мучительно медленно преодолевалась зависимость, казавшаяся долгие годы неизбежной необходимостью. Немногие в России шли на риск открыть крупное механическое или литейное производство, применяя при этом дорогие технологии, употребимые в военных целях. Совсем немного было и казенных военных заводов. Частная металлопромышленность росла на казенных заказах, срочных и весьма больших. Петербург был первым городом, где концентрировались такие заводы. Во главе их стояло особенно много немецких инженеров и мастеров. Дружба императоров Германии и России и нескрываемые симпатии Александра II к германской армии давали явные преимущества фирме Круппа и вообще немецкой промышленности, которая поднималась в немалой степени заказами правительства и армии России³. До конца 1870-х гг., однако, иностранное участие не было столь заметно связано с крупным капиталом, идущим в промышленность. Широкое инвестирование в Россию начали французы и бельгийцы в 1880-е гг. Заводы Франко-Русский, Александровский сталелитейный, Общество меднопрокатного и трубного завода (бывш. Розенкранца) в Петербурге, Тульский меднопрокатный и патронный учреждались почти одновременно группами капиталистов из этих стран. Наряду с ними свою активность усиливали и немцы, основавшие Шлиссельбургский пороховой завод в 1884 г., а также Общество Русских электротехнических заводов «Сименс и Гальске» и Общество «Шуккерт и К^о» в 1898–1899 гг., оба в Петербурге. Эти давно известные факты для оборонного потенциала России легко проиллюстрировать специализацией заводов. Вклад частных производителей в оборонную индустрию оказывается во много раз значительнее, чем он отражался в казенных отчетах и рапортах.

Военная техника того времени в России пестрела от наименований совсем не русских ее образцов: пулеметы системы Максим, мины Уайтхеда, судовой беспроволочный телеграф Сименс и Гальске, переносной войсковой телеграф системы Телефункен, прожекторы Соттер-Гарле, Шуккерт и К^о, скорострельные пушки Норденфельда, Шнейдера, Гочкисса, гаубицы Круппа, дальнометры Барра и Струд, приборы управления огнем Гейслера и Эриксона и Ко, прицельные панорамы и перископы подводных лодок Герца, бинокли Сушье и Цейсса⁴. Эти заказы производились во время войны с Японией, но начались до нее и продолжались после. Разнотипность вооружений и дороговизна воспроизведения их в России по иностранным чертежам, с уплатой за патент и без права торговли этими системами в других странах, ограничивали возможности ведомств для унификации оружия, отодвигали самостоятельные решения в этой области, вели к потере времени на согласования, прием иностранных инженеров и техников, закупку иностранного оборудования, чтобы наладить производство в России. Стремление военного и морского ведомств перевести те или иные производства по иностранным образцам на казенные или частные заводы, хотя и имели успех, но не решали проблемы зависимого развития. Не менее важным было и то, что многие из частных российских предприятий возглавлялись иностранцами, были неизменно связаны со своими заграничными инвесторами и вызывали все большую подозрительность среди военных чиновников и министров. Особенно ревниво за этим положением наблюдало Главное артиллерийское управление. Однако и ему приходилось размещать экстренные заказы за границей и ходатайствовать об отличии иностранных промышленников российскими наградами. Так, в 1910 г. удостоились российских орденов 12 директоров частных европейских фирм, оказавших большие услуги военному министерству в годы русско-японской войны. Среди награжденных оказались: бельгийцы Виктор Фрис – председатель совета директоров Национальной фабрики военного оружия в Герстале, близ Льежа, директора Жан Греве, Альфред Андри (Fabrika Nationale d Armes de Guerre Herstal lez-Liege), немцы – директора патронной фабрики «Польте» в Магдебурге Карл Фридрих Польте и Юлий Альгоф (Patronenfabrik-Polte, Magdeburg), директора Германского оружейного завода в Карлсруэ (Deutsche Waffen und Munitions fabriken) Исидор Лева, Макс Козегартен, австриец Рудольф Эрлих, Рудольф Вагенбласт⁵.

Рост национализма в стране после 1905 г., постоянные нарекания на работу казенных заводов со стороны общества, Государственной Думы и между самими ведомствами создавали определенную атмосферу. Тема иностранного засилья, продажности военных чинов, которые отдают иностранным группам предпринимателей миллионные заказы за взятки, зазвучала со всей настойчивостью. Этому сильно способствовала предвоенная международная обстановка в Европе 1908–1914 гг., когда сложилась Антанта, и Боснийский кризис вызвал тревогу в самой России. Снова обнаружилась неготовность казенных заводов к выполнению необходимых военных заказов. Ни по мощности, ни по состоянию оборудования, ни в технологическом отношении заводы не успевали за германскими и английскими заводами и верфями. Поток заграничного снабжения нарастал всякий раз перед близкой войной и был слишком неизбежным явлением, чтобы исправить положение в последние годы или месяцы. Дело, однако, не ограничивалось модернизацией. Управление казенными заводами при существующем законодательстве и контроле замедляло их переустройство на целые годы. Поэтому накануне войны обсуждалось немало предложений от западных фирм и банковских групп о передаче им казенных заводов в аренду для полного переустройства и развития. Такие предложения касались Пермского пушечного, Ижорского заводов, верфи Адмиралтейского завода в Петербурге⁶. Одновременно в 1911–1914 гг. возводились частно-военные верфи в Николаеве, Ревеле, Риге, Петербурге, Усть-Ижоре и начато к строительству огромного артиллерийского завода в Царицыне. Только перечисление западных фирм, которые инициировали эти предприятия, скажет о положении дел: «Вулкан», «Шихау», Крезо, Вилкерс, Крупп, «Блом и Фосс», техническое содействие оказывали «Джон Браун», «Шкода», «Норман», «Фиат», «Уайтхед»⁷. Российских фирм в этих списках нет.

Проблема национально-промышленной эмансипации, особенно в военной индустрии, для России решалась многие десятилетия. Всякий раз ее приходилось решать в условиях военного риска или близкой военной борьбы. По нашему представлению, эта зависимость сводилась к трем моментам: 1) массовые и вообще большие по стоимости закупки вооружений за границей; 2) невозможность оборудовать отечественные заводы станками и механическими средствами собственного производства; 3) вынужденное примирение с массовым участием иностранного капитала в создании и эксплуатации военных заводов, отдельных производств и целых отраслей промышленности. Военные круги Империи всякий раз сталкивались не только с недостатком казенной оборонной индустрии, но и с общим уровнем промышленного развития страны. Обособить военную промышленность от эконо-

мических возможностей в их целом было также сложно, как и прекратить военно-технический обмен разных стран и гонку вооружений между ними. До 1914 г. иностранные предприниматели и капиталы составляли значительную величину в оборонной индустрии России. Они сыграли позитивную роль в ее истории, являясь в то же время участниками международного разделения труда. Однако для политического сознания правящих кругов, для великодержавия России зависимость ее безопасности от иностранцев была проблемой, которая не только порождала комплекс неполноценности. Эта проблема представлялась тогда как препятствие на пути независимого развития страны и ее экономической мощи.

Значение военно-технических контактов с фирмами Запада имело весьма серьезные последствия для развития собственной военной индустрии Империи. Военные круги того времени были убеждены в техническом и финансовом превосходстве германской промышленности над русской, а также в силе французских и английских военных производителей, которым приходилось конкурировать с Круппом и другими фирмами Германии на мировых рынках. Представители ГАУ и офицеры-техники Морского министерства почти непрерывно направлялись в командировки для посещения заводов Германии, Франции, Англии, Бельгии, Австро-Венгрии, Швеции, Дании и США, где знакомились с последними новинками военной техники, а заодно и с приемами ее производства. В те времена частные производители достаточно открыто встречали русских военных у себя на предприятиях и демонстрировали свои возможности. Их расчеты были ясны: получить от правительства России заказ означало не только возможность особо крупной работы, но и знак доверия великой державы. На русских заказах зарабатывались не только прибыли, но и репутация. Для российских представителей такая возможность являлась своего рода технической разведкой, когда можно было легально ознакомиться:

- с характером, внешними приемами и размерами производства;
- организацией труда и оборудованием предприятия;
- мощностью средств и специализацией работ.

Хотя такого рода сведения и не заносились в какой-либо общий учет, но и цель здесь ставилась иная. Промышленный шпионаж не играл здесь какой-то роли. Важно было сравнить уже известное с увиденным, иметь в виду для работы на казенных заводах в России, перенять то, что не вызывало сомнений. Чаще всего при этом офицеров ГАУ интересовали механические средства и устройства, способы производства, производительность работ, уровень мастерства рабочих. Все это было тем легче и доступнее получать, чем практичнее и деловитее были отношения сторон: заказ – его выполнение – прием изделий – контроль их качества – наблюдение за процессами производства. Для получения заказа на место за границу направлялись военные инженеры, служащие на казенных заводах, которым предоставлялось право осмотра предприятия-изготовителя, чтобы оценить его действительные силы и готовность. В ходе таких прямых уже контактов устанавливались доверительные отношения и связи.

Практическими последствиями таких отношений нередко становились следующие шаги:

- приобретение патентов на производство по способу зарубежной фирмы на казенных заводах (относительно редкая форма именно для них);
- закупка специального оборудования для производства: станков, прессов, приспособлений, машин, электрооборудования;
- устройство заводов с их оборудованием и передачей готовых технологических приемов производства иностранцами в России;
- прямые заказы ГАУ за границей.

Чаще всего происходили массовые закупки станочного и кузнечно-прессового оборудования от иностранных заводов производителей военных предметов. Как пример таких заказов можно назвать полное переоборудование оружейных заводов Тульского, Ижевского и Сестрорецкого в 1891–1894 гг. станками французских фирм Прадель и Эрно, Барикан и Марр для производства 3-лин. винтовок Мосина. Тогда нам было поставлено свыше 2000 различных обрабатывающих (токарных, шарошечных, фрезерных, винторезных) станков⁸. Можно с полным основанием утверждать, что если бы не эти станки, то дело массового изготовления винтовок на наших оружейных заводах опоздало бы надолго. А ведь перевооружение новыми винтовками, с которыми мы через 20 лет встретили мировую войну, а до этого прошли русско-японскую, и без того запаздывало. Известно, что Военное министерство сильно торопилось с перевооружением, так как приступило к нему тогда, когда в Германии и во Франции, даже в Австро-Венгрии оно заканчивалось или было в полном ходу. Тогда же оно вынуждено было заказать полмиллиона винтовок Мосина во Франции заводу Фабр Трейль в Шательро.

Когда говорят, что мы справились с производством винтовок и обеспечили ими армию, не учитывают одного: нам повезло, что война не прервала эту успешную работу. Но вот признание самого Военного министра тогда. На вопрос государственного секретаря А.А. Половцова о его самочувствии, министр Ванновский отвечал в феврале 1892 г.: «...не сплю ночей, думая о том, что пруссаки не могут не объявить нам войны, зная наше теперешнее положение; если они этого не сделают, то они совсем глупы, или страшные трусы...»⁹. Естественно, что Военное министерство не могло предвидеть, как обернется дело перевооружения, если развивалось оно в такой большой зависимости от внешних обстоятельств.

В тоже время выписывалось значительное количество специальных сталей, чугунных сплавов, инструментов, измерительных и испытательных приборов, лабораторного оборудования. К примеру в 1890-х гг. ружейная сталь для производства винтовок Мосина получалась Тульским заводом от английского завода Англёр, а инструментальная сталь употреблялась преимущественно от завода Томаса Фирта в Риге, филиала одноименной фирмы в Шеффилде. Другим поставщиком инструментальной стали для Сестрорецкого и Тульского оружейных заводов являлась штирийская фирма Беллер (Австрия). Сортовая сталь закупалась и во Франции от подрядчика А. Трейля, управляющего оружейным заводом в Шательро¹⁰. Выписывались Морским министерством: шведский зеркальный чугун, ферро-хром крупновский, германский ферро-вольфрам, никель. Мы закупали в больших количествах: мельхиор для пульных оболочек, пироксилиновую мезгу для производства бездымного пороха на заводах

ГАУ, специальное прессовое оборудование для порохового производства. Наконец, при техническом содействии французских химиков были построены завод серного эфира при охтинских пороховых заводах (1891–1893 гг.), заказаны ректификационные аппараты для эфирных заводов Охтенского и Казанского¹¹. Эти отдельные или общие примеры не исчерпывают проблемы заграничного снабжения российской оборонной промышленности. Можно возразить, что в изготовлении большинства готовых предметов Россия опиралась на внутреннее производство, которое превышало импортное многократно. Однако не стоит полагать, что это внутреннее производство было своевременным. Закупки производились именно потому, что собственное производство не было еще ни налажено, ни развито в необходимых размерах. Они происходили в условиях чрезвычайных, равных по своим угрозам военному времени. Риск такой зависимости неоднократно признавался всеми ведомствами и отлично сознавался как ненормальный и недопустимый для обороны страны в будущем.

В отечественной историографии сложилось на сегодня довольно прочное мнение о военно-промышленной монополии государства в производстве вооружений. Однако едва ли такой взгляд выдерживает многие факты, которые в это утверждение не укладываются. Когда мы говорим о готовой продукции, то может показаться именно так. Если судить по казенным отчетам, такая картина выглядит убедительно. Но при работе с документами в их черновом, а не отчетном виде, где предстает огромная работа частной, а не только казенной промышленности, создается и совершенно другая, куда более сложная картина.

Во-первых, для оценки казенной промышленности очень важны исходные компоненты ее работ, т. е. снабжение и оборудование. Получение цветных металлов как латуни, меди, цинка, алюминия, многих сортов стали исходило от частной промышленности в России или же из-за границы. Масса приборов оптики, связи, измерительных, управления артиллерийским огнем получалась из-за границы без всякого их производства на казенных заводах.

Во-вторых, без учета составляющих военную технику частей мы всегда получаем очень одностороннюю и весьма отрывочную работу. Нельзя, например, оторвать пушку от лафета, снаряд от гильзы, производство бездымного пороха от получения для него серной кислоты и хлопчатобумажных концов.

В-третьих, давно известно, что казенные заводы не справлялись с заданиями, которые получали, либо в объемах, либо, не выдерживая заданные сроки. Казенных заводов постоянно не хватало или им приходилось работать с большими перебоями, что сказывалось на их готовности.

В-четвертых, создание опытных образцов артиллерии, отработка конструкций почти без исключений происходило именно на частных заводах. Эта «невидимая» для отчетов работа осталась за пределами официальных рапортов и казенных ведомостей.

Что же касается частной промышленности Империи, то она была чрезвычайно тесно и непосредственно связана с заграничной индустрией. Эта связь прослеживается в долгосрочных соглашениях, патентах на производство зарубежных аналогов, технологических заимствованиях и приглашении иностранных специалистов для консультаций и работы на заводах России.

Следует, наконец, заметить еще то обстоятельство, что ГАУ не исчерпывало своими заказами артиллерийских потребностей ведомств. Морское министерство производило очень крупные заказы брони и броневых плит у Круппа и французской фирмы Сен-Шамон, бронебойные снаряды, гильзы для 6-дм пушек Канэ, прожектора французской фирмы Соттер-Гарле. Главное Инженерное Управление заказывало в больших размерах прожектора для полевой и крепостной артиллерии (французской фирмы Манжена), телеграфный кабель фирмы Фельтен и Гильом в Германии.

Приведенные соображения заставляют задуматься. Утверждения, что наша оборона в широком смысле была в серьезной зависимости от заграничных образцов вооружений, а технологические возможности отечественных производителей вынуждали обращаться за рубеж – это не только констатация факта, который отмечали многие современники. Это, на наш взгляд, и проблема. Проблема, которую неизбежно приходилось решать собственными силами. Важно понять и оценить, каким путем и средствами эта проблема решалась и, наконец, какими возможностями для этого располагала прежняя Россия.

Данная тема ждет дальнейших поисков и исследований.

¹ Соловьева А.М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в. М., 1975. С. 54–55, 137.

² Очерк преобразования по современной артиллерии. СПб., 1889. Том I. 1863–1877 гг. С. 146–150. Том II. 1877–1889 гг. С. 149–150. Широкопад А.Б. Энциклопедия отечественной артиллерии. Минск, 2000. С. 161, 173.

³ Оболенская С.В. Франко-прусская война и общественное мнение Германии и России. М., 1977. С. 143–144.

⁴ Морское министерство. Главное Управление Кораблестроения и снабжений (ГУКиС). Ведомости заграничных заказов 1904 года и произведенных в том же году платежей. Б./м. С. 8–11. То же, за 1905 г. С. 12–15, 100–101; АВИМАИВиВС. Ф. 51. Оп. 96/5 Д. 11. Л. 97 об.–98; РГИА. Ф. 1393. Оп. 2. Д. 376. Л. 20–27.

⁵ АВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 8/1. Д. 237. Л. 42.

⁶ Военная промышленность России в начале XX века. (1900–1917). Том первый. М., 2004. См. вступительную статью В.В. Поликарпова. С. 11; Яковлев И.И. Корабли и верфи. Л., 1973. С. 170–171; Кронштадтский вестник. 1912 г. № 245. 27 октября. С. 1. Вяткин М.П. Горнозаводской Урал. 1900–1917 гг. М., Л., 1965. С. 261; Пермские ведомости. 1912 г. № 223. 14 октября. С. 3.

⁷ Григорович И.К. Воспоминания бывшего морского министра / Составитель И.Ф. Цветков. СПб., 1993. С. 80–81, 84, 103–104, 128–129; Трусов Г.М. Подводные лодки в русском и советском флоте. М., 1963. С. 245–246.

⁸ РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 286. Л. 84–92.

⁹ Дневник государственного секретаря А.А. Половцева. 1887–1892 гг. М., 1966. Том II. С. 427.

¹⁰ Котлин. 1898 г. 28, 29 августа. №№ 189–190. С. 2. АВИМАИВиВС. Ф. 8. Оп. 49. Д. 58. Л. 34 об, 121 об.

¹¹ АВИМАИВиВС. Ф. 8. Оп. 49. Д. 103. Л. 50–77; Оп. 48/3. Д. 76. Л. 42 об; Ф. 7. Оп. 48/5в. Д. 17. Л. 28; Ф. 7. Оп. 48/56. Д. 29. Л. 34 об; Оп. 48/5в. Д. 23. Л. 65–66 об.

Основные этапы «ландмилицкой реформы» 1710–1730-х годов

История ландмилиционных формирований в России долгое время не привлекала специального внимания исследователей, ограничивавшихся общей характеристикой отдельных ее эпизодов в трудах по военной истории. Недостаток отчасти восполнила появившаяся недавно статья В.В. Пенского, содержащая общий очерк истории российской ландмилиции в XVIII в.¹ Но, будучи построена преимущественно на опубликованных источниках, она не всегда дает ясную картину мотивов и этапов формирования ландмилиции. Так, например, В.В. Пенской, пожалуй, несколько преувеличивает инициативную роль Миниха в ландмилицких преобразованиях. Кроме того, поле зрения автора ограничивается только Украинским ландмилицким корпусом и не охватывает ландмилицких частей, создававшихся одновременно на других окраинах России; он не анализирует подробно социальные и финансовые основы «ландмилицкой реформы» 1720–1730-х гг. и не всегда учитывает общий контекст внутривосточной ситуации, вызвавшей ее к жизни, а также связь реформы с другими мероприятиями по обороне границ. Эти проблемы частично проанализированы в соответствующих разделах нашей монографии², однако обращение к ряду новых документов позволяет нам существенно уточнить предысторию и ход ландмилицкой реформы 1720–1730-х гг.

Источниковой базой статьи, помимо традиционного комплекса указов, вошедших в ПСЗ, являются архивные документы – прежде всего дела Сената и Кабинета министров Анны Иоанновны по Военной коллегии и управлению окраинами, содержащие проекты и черновые материалы ландмилицкой реформы, отложенные главным образом в РГАДА в фонде Сената (ф. 248, куда была передана и основная часть делопроизводства Кабинета министров).

* * *

Россия и после петровских реформ затрачивала огромные усилия на охрану своих рубежей.

К концу 1730-х гг. по границам были сосредоточены 54 гарнизонных и 24 ландмилицких полка общей численностью 94 525 чел.³, то есть почти 40% русской регулярной армии, и большая их часть (за исключением 20 остзейских гарнизонных полков и нескольких внутренних гарнизонных) занималась обороной южных степных рубежей. Помимо этого, вдоль границ Сибири были рассредоточены 9495 сибирских служилых людей⁴; охранной службой занимались значительные контингенты украинского гетманского и слободского, и также донского и яицкого казачества – следовательно, к пограничной службе ежегодно привлекалось не менее 110–120 тыс. человек (а если учесть использование в тех же целях полевых полков регулярной армии – и еще более значительное количество). Кроме того, к концу 1730-х гг. на южных степных рубежах были сосредоточены 12 пехотных полков, выведенных из Персии по Гянджинскому договору 1735 г. Пограничную службу несли и отдельные части (драгунские гарнизонные полки, созданные для нужд Оренбургской экспедиции и Сибирской губернии, полк смоленской шляхты, Рославльский эскадрон и Бахмутский батальон, охранявший местные соляные промыслы). С их содержанием (даже без учета выплат на командиремую из полевой армии кавалерию и на нерегулярные войска, представленные прежде всего казачеством) общая сумма ежегодных затрат на охрану границ составляла 1 748 757 р. – 38,7% расходов на содержание регулярной армии⁵ или 19,9% (*пятую* часть) госбюджета России.

Правда, к началу 1730-х гг. расходы были несколько ниже (число ландмилицких полков было незначительно, Низовой корпус⁶ еще находился в Персии), но правительство тем не менее было серьезно обеспокоено проблемой охраны южных рубежей.

Ликвидация традиционных военно-служилых формирований пограничного населения в ходе податной и военной реформ Петра I (перевод однодворцев в разряд государственных крестьян и лишение их податных привилегий в 1710–1722 гг.) была неоднозначным решением. Регулярная армия не могла полностью компенсировать утрату этой многочисленной военно-служилой группировки, к тому же охрану границы вынуждены были нести теперь не только гарнизонные части, но и 10 полков полевой армии, объединенные в Украинский корпус, прикрывавший Гетманскую и Слободскую Украины и Белгородчину⁷. Кроме того, еще 10 драгунских полков охраняли в 1726–1729 гг. Царицынскую линию и башкирские границы в пределах Старо-Закамской линии на Черемшанских форпостах⁸.

Проблемы отвлечения регулярной армии на охрану границ уже в 1731 г. заботили Миниха. Он предлагал сократить число полков, несущих сторожевую службу на форпостах по границе с 19 полков и 4-х рот до 17-ти⁹ – что не удивительно, ибо крупное соединение полевой регулярной армии (фактически *более половины* всей армейской кавалерии, состоявшей из 33 полков) было привязано к пограничной службе и, вероятно, лишь частично могло быть использовано на других театрах военных действий.

* * *

Поэтому российское правительство еще со времен Петра I вынуждено было частично возвратиться к прежним принципам обороны границ силами местного населения.

Но новые пограничные контингенты создавались теперь с использованием европейского (шведского и австрийского) опыта в форме ландмилиционных частей – регулярных и полурегулярных военных формирований из местного населения, обеспечиваемых в значительной степени земельным жалованием.

Именно эти идеи и легли в конце концов в основу ландмилицкой реформы 1720–1730-х гг. Предыстория и ход этой реформы насчитывают по меньшей мере пять основных этапов. Мы остановимся здесь преимущественно на первых этапах ландмилицкой реформы, менее всего известных.

* * *

Первый этап отмечен возникновением самой идеи ландмилиционных формирований и первыми попытками создания ландмилицких частей в России. Он, вероятно, был связан с завершением в первые годы после Полтавы первой армейской реформы Петра I принятием штата сухопутной регулярной армии («табели 1711 г.»), что могло обратить внимание правительства и на проблемы общей структуры вооруженных сил.

Традиционно считается, что первые ландмилицкие части попытались сформировать в 1713 г. на юге России¹⁰. Но в источниках есть сведения о первых опытах создания ландмилиционных формирований («...земляного войска по примеру прочих государств...»¹¹) в Петербургской губернии еще в 1711–1712 гг. Предназначались они для охраны северо-западных границ, и уже в 1711–1712 гг. в тверских и ярославских землях производился набор в них¹². Так, ярославский обер-комендант в январе 1713 г., перечисляя «людские службы» подведомственной ему территории, отмечал, что в дополнение к 6,6 тыс. работников, мобилизованных в основном на строительство Петербурга и к проводке в него с Волги построенных там тялок (грузовых морских судов), «...сверх тех нарядов ныне собрано с дворового числа в ландмилиции с 10 дворов по человеку; в рекруты с 23-х – 2124...»¹³. Следовательно, ландмилицкий набор оказался даже вдвое тяжелее рекрутского. Но, вероятнее всего, эти ландмилицкие части на северо-западе России сформированы не были (люди, скорее всего, пошли на укомплектование полевых полков в начинавшейся в 1713 г. первой серьезной финляндской кампании), и дальнейшая история ландмилиции была связана преимущественно с южными степными рубежами России, а ее этапы определялись прежде всего кризисами, периодически назревавшими в отношениях России с Турцией.

Как известно, 31 октября 1712 г. Османская империя вновь объявила войну России, и хотя серьезные боевые действия не велись, мир был заключен лишь 13 июня 1713 г.¹⁴ Кризисная военная обстановка и послужила основным побудительным мотивом к решению о создании ландмилицких частей теперь уже на юге России. Сама же попытка их формирования, скорее всего, была инициирована именно первыми наборами ландмилиции на северных рубежах. На нее мог повлиять и известный проект Ф.С. Салтыкова, рассмотренный Петром в январе 1713 г. и содержавший специальный раздел о ландмилиции¹⁵, но сама идея «ландмилицкой реформы» была сформулирована Петром еще раньше, в его письме Сенату «из Гунденбою» от 29 декабря 1712 г., где он прямо мотивировал создание ландмилиции задачами возможной оборонительной кампании 1713 г. против Турции: «...также надобно стараться, дабы на Украине для нынешней войны собрать ланд-милиц тысяч 6, а буде возможно и больше, тысяч десять, и оных посадить в Украинских гарнизонах, а старых солдат из гарнизонов вывести к фельдмаршалу Шереметеву в прибавку к его корпусу. И для обучения тех новых солдат употребить тех офицеров, которые здесь остались от скованных полков и отпущены к Москве, а деньги на них употребить хотя из соляного сбора, ибо *сии полки на время будут*»¹⁶.

В результате появился указ 2 февраля 1713 г. о формировании пяти ландмилицких полков в Киевской губернии¹⁷.

Таким образом, на первом этапе реформы ландмилицкие формирования создавались как временные соединения, порожденные в первую очередь «турецким кризисом», что и предопределило их будущую судьбу.

* * *

Набор в эти первые реально созданные ландмилицкие полки проводился зимой – весной 1713 г. в Киевской и Азовской губерниях (т.е. фактические на Белгородчине и в воронежско-тамбовском Черноземье, и уже тогда – из будущих «украинских однодворцев», т.е. русских служилых людей «старых служб») (см. таблицу¹⁸):

	дворов	в них мужеска полу людей	людей от 15 до 30 лет
в Киевской губ-ии			
1. драгунских и солдатских	9293	26447	5844
2. стрелецких и казачьих	2480	6459	1301
3. пушкарских	918	2311	536
4. отставных служилых людей	3294	9413	1685
итого	15985	44630	9366
в Азовской губ-ии			
1. драгунских и солдатских	7888	22374	4770
2. стрелецких, казачьих и станичниковых	5878	18814	4392
3. пушкарских, воротниковых и казенных кузнецов	407	1221	297
4. пришлых служилых людей		839	222
итого	14173	43248	9681
всего в Киевской и Азовской губ-ях	30158	87878	19047

Из этих социальных категорий планировалось взять в ландмилицию по 5 тыс. чел. из каждой губернии, но первые итоги набора, определившиеся к 6 мая 1713 г., показывали, что он идет непросто: «Киевской губернии в ланд-мелис из указных чинов выбрано и на станциях в готовности 1000 чел., а достальных набирают с великим трудом, понеже многие от набора бегут, покиня дома свои, а бездворные в Донские и Черкасские города, и таких велено на заставах ловить...»; в Азовской губернии было собрано менее половины – 2205 чел., еще не высланных к началу мая на южные границы¹⁹. Ландмилицкие части создавались на базе расформировываемых по штату 1711 г. пяти полурегулярных солдатских полков (Воронцова, Булартова, Григорова, Жданова и Постельникова), в которых на апрель 1713 г. еще числилось 3415 чел.²⁰; их планировалось ввести в гарнизоны городов по южным границам (в Киево-Печерскую крепость – 5000, в Полтаву – 2000, в Чернигов, Нежин, Переяславль по 1000, в Белгород, Курск и Старый Оскол по 1000), в связи с чем общее количество ландмилиционеров увеличилось до 11 тыс. чел., и в мае 1713 г. было решено провести дополнительный набор еще 658 чел. в тех же двух губерниях²¹. Несмотря

Нижние чины ландмилиции. 1736–1742 гг.

ско-турецких отношениях, вызванным Персидским походом Петра, чуть было не приведшим к войне и потребовавшим срочных мероприятий по укреплению южных границ. Не исключено, что в этой обстановке были прямо реанимированы прежние идеи 1713 г., и указом 4 апреля 1723 г. Петр I предписал перейти к созданию первых шести ландмилицких полков²⁴, более дешевых, чем регулярные полевые части. Сил регулярной армии оказалось недостаточно для обороны степных рубежей, и Петр вынужден был вернуться к военным службам приграничного населения, но уже в новой, «европейской» форме. Любопытно, что тогда же, в 1723 г., Петр I принял решение о формировании нескольких сербских гусарских полков и о поселении сербов на территории России²⁵, вновь заимствуя австрийский опыт охраны южных границ.

Характерно, что решение о создании ландмилиции опять принималось в период завершения податной реформы Петра, снова связанной с очередной армейской реформой, ознаменовавшейся принятием новых штатов сухопутной армии («табели») 1720 г. Численность ландмилицких частей лимитировалась условиями реформы: они, как и армейские полки, были «положены» на четырехгривенный сбор с однодворцев, подушная семигривенная подать с которых поступала на содержание 6 армейских (3-х драгунских и 3-х пехотных полков)²⁶.

Таким образом, инициатива создания ландмилиции была выдвинута во времена Петра, и уже тогда их формирование ограничивалось в основном возможностями источника их финансирования²⁷.

Однако формирование первых ландмилицких полков шло с значительными трудностями и было завершено М.М. Голицыным лишь к весне 1725 г.²⁸

Вместе с тем, они, очевидно, неплохо зарекомендовали себя, что и обусловило процесс наращивания ландмилицких формирований во второй половине 1720-х–1730-х гг.

* * *

На третьем этапе ландмилицкой реформы – в царствование Екатерины I – родилась идея привлечь все однодворческое население к ландмилицкой службе и за счет этого резко расширить контингент ландмилицких полков, переведя одновременно однодворцев целиком на их финансирование. Очевидно, уже тогда возникли проблемы в финансировании ландмилицких частей, отмеченные в 1730-е гг. и объяснявшиеся тем, что армейские офицеры, собиравшие подушную на свои полки, нередко делали это за счет «ландмилицкого» четырехгривенного сбора²⁹. Но для этого нужно было либо перевести на другие источники финансирования (что было крайне сложно, а лучше сказать почти невозможно), либо просто ликвидировать шесть полевых армейских полков, содержащихся на подушную с однодворцев.

Однако последнее прекрасно вписывалось в социальные цели курса, направленного на умеренную коррекцию петровских реформ и на облегчение податных тягот основной массы крестьянского населения. Он был наиболее четко сформулирован «верховниками» в последний год жизни Екатерины I (осенью 1726 – весной 1727 г.), отразившись в концентрированном виде в неопубликованном манифесте 9 января 1727 г.³⁰ Записка, послужившая толчком к появлению записок верховников и самого манифеста, прямо предусматривала расширение охраняемых функций приграничного населения³¹.

Поэтому вряд ли случайно в 1727 г. появился первый вариант расчета подобной «ландмилицкой» реформы. Он был сделан в Сенате 23 июня 1727 г. на основании ведомости, поданной командующим Украинским корпусом фельдмаршалом М.М. Голицыным. Согласно ему, шесть регулярных полков, содержащихся на подушную с однодворцев, планировалось заменить ландмилицкими частями. На последние в этом случае должен был идти весь

ря на трудности, ко 2 ноября 1713 г. оказалось сформировано 8 ландмилицких полков с надлежащим числом офицеров («...в помянутый лант-мелис из Киевской и Азовской губернии и из Военной канцелярии в присылке 10 520 человек, к ним штаба и обер-офицера от генерал-фельт-маршала в присылке 295 чел.»)²², но история их оказалась очень короткой: «турецкий кризис» 1713 г. с заключением июльского мира миновал, и уже 5 октября 1713 г. Б.П. Шереметев распустил полки по зимним квартирам, поскольку «...в оных полках нужды ныне не кажетца». Формально ландмилиция просуществовала еще почти год, используясь на работах по строительству Киево-Печерской крепости, но ландмилиционеры в полках, не получавших жалования с того же октября 1713, «...обнужали платьем, и обувью обносились; и за неудовольствием харча и соли, многие солдаты болзнуют, оцынжали, и многие бегут...», поэтому Сенат 17 августа 1714 г. принял решение об их роспуске: «...как они от той работы свободятца, и тех полков ... афицеров отослать в Военную канцелярию, а рядовых отпустить в дома; а которые лант-мелиса полков у той работы не будут, и тем ... жалованья не давать, и отпустить офицеров в Военный Приказ, а салдат в дома...»²³.

Так, с «турецким кризисом» 1712–1713 г., закончился первый короткий этап петровской «ландмилицкой реформы», на котором ландмилицкие полки так, очевидно, и не получили боевого крещения, оказавшись ненужными уже в момент своего реального формирования.

Второй этап в предыстории ландмилицкой реформы снова оказался связан с очередным кризисом 1722–1723 г. в рус-

сбор с однодворцев (и подушный семигривенный, и четырехгривенный оброк с них как с государственных крестьян). Это давало ощутимые выгоды: вместо содержащихся ими 12 армейских и ландмилицких полков можно было создать 31 ландмилицкий полк (21 конный и 10 пеших). Общая численность воинского контингента увеличивалась в этом случае с 14 109 до 31 640 чел., то есть в 2,24 раза при тех же расходах (поскольку затраты на конный ландмилицкий полк должны были составить 10 562 р. (против 42 410 на драгунский), на пехотный – 8557 р. 80 к. (против 35 257 на армейский)³².

Но в правление «верховников» этот вариант «ландмилицкой» реформы так и не был материализован, а между тем проблема охраны южных границ сохраняла прежнюю остроту.

Это со всей очевидностью обнаружилось в период очередного обострения «военной угрозы» со стороны Турции весной 1729 г.³³

28 января и 19 марта 1729 г. фельдмаршал М.М.Голицын доносил о невозможности прикрыть границы Украинским корпусом³⁴, растянутым по форпостам на границе, «...отчего как людям, так и лошадям происходит труд немалой...», и если «...неприятель на тамошний край войной наступит, то, за малолетством не токмо удержания, но и отпору дать нечем, ибо командированных с форпостов в корпус собрать будет невозможно...»³⁵. Сенат рекомендовал ему использовать для прикрытия границы полевые пехотные полки, но для их квартирования там не было удобных баз, к тому же они были бесполезны в степи («...опасность от приходов Крымских в Слободских полках даже до Полтавы состоит, и за таким легким неприятелем пехотою угонятся невозможно...» – писал Голицын)³⁶.

В тот момент правительство ограничилось полумерами: во-первых, М.М. Голицыну были подчинены все части на южной границе (не только Украинский корпус, но и драгуны на Царицынской линии и Черемшанских форпостах), впервые за долгое время был отдан приказ о выступлении на службу полка смоленской шляхты³⁷; во-вторых, вероятно именно после этого и было принято в 1729 г. паллиативное решение об увеличении ландмилиции до 10-ти³⁸ или (по сведениям Миниха, представленным во время работы Военской комиссии по сухопутной армии) – до 11-ти полков³⁹. Это число еще можно было содержать на четырехгривенном сборе с однодворцев, составлявшем по ведомости М.М. Голицына 1727 г. 125 192 р.⁴⁰ Однако за несколько месяцев, оставшихся до смерти Петра II, это решение физически не могло быть выполнено – в итоге к началу царствования Анны Иоанновны был создан всего один новый ландмилицкий полк и еще на два набраны люди. После того, как в августе 1730 г. было принято решение о формировании нового гвардейского Измайловского полка, последние были употреблены на его комплектование⁴¹.

Таким образом, к началу аннинского царствования проблема обороны южных границ так и не была решена, а отвлекавшиеся для этого армейские полки несли значительный урон.

По сведениям, полученным Сенатом к концу 1730 г., 10 полков, расположенных на Царицынской линии и Черемшанских форпостах, потеряли за предшествующие 4,5 года треть людей и почти две трети лошадей (4179 чел. (34,4%) табельного состава и 6696 лошадей (63,6%))⁴².

* * *

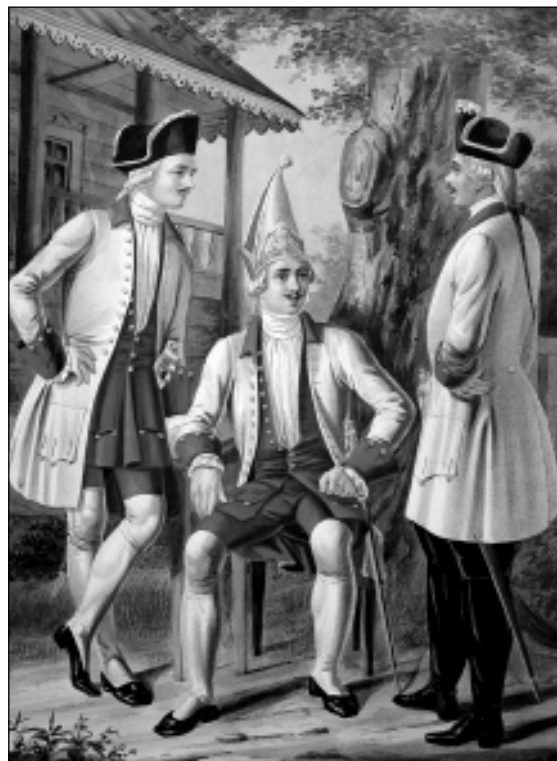
Все это обусловило возвращение к идеям ландмилицкой реформы в царствование Анны Иоанновны – собственно говоря, на него пришелся ее завершающий этап.

Четвертый этап в формировании ландмилиции пришелся на начало царствования – на конец 1730–1731 гг.

На этом этапе «ландмилицкая реформа 1730-х гг.» фактически прямо реализовала прежние идеи верховников, высказанные еще в 1727 г. – она предусматривала передачу всего подушного сбора с однодворцев на содержание резко увеличивавшейся ландмилиции и ликвидацию в связи с этим шести армейских полков, что должно было существенно сократить рекрутскую повинность с крестьянского населения. Сохранившийся в делах Сената проект расширения ландмилиции (к сожалению, не датированный и не подписанный), акцентировал внимание именно на этом⁴³. Он впервые вывел «ландмилицкую» проблему за пределы Украины: с теми же целями планировалось вовлечь в ландмилицкую службу прежних служилых людей даже внутренних губерний России и создать по меньшей мере два полка ландмилиции в Казанской губернии⁴⁴.

Таким образом, проект прекрасно вписывался в общее русло внутривосточного курса 1730–1732 гг., оформившегося на волне шляхетского движения за ограничение самодержавия и ставшего логическим продолжением курса «верховников» на умеренную коррекцию петровских реформ (фактически – вторым этапом единого внутривосточного курса 1726–1732 гг.)⁴⁵.

Уже поэтому идеи аннинской ландмилицкой реформы вряд ли были связаны с Минихом, тем более, что: 1) ни один из подготовительных документов не носит следов его авторства; 2) они прямо развивают планы, выдвинутые еще в правление «верховников»; 3) дальнейшая разработка черновых вариантов материалов «ландмилицкой реформы» велась в Сенате без участия Миниха (но зато при участии сенатского секретаря И.К. Кириллова⁴⁶) и в конце концов материализовалась в сенатском докладе 6 декабря 1730 г.⁴⁷; 4) следовательно, сам проект появился еще до начала декабря 1730 г., а в это время Миних находился в Петербурге и еще не занимал ключевых постов в

Офицеры ландмилиции. 1736–1742 гг.

армейской иерархии (Военной коллегией и Воинской комиссией в тот момент руководил М.М. Голицын; даже генерал-фельдцейхмейстером (по должности отвечающим за пограничные крепости) Миних стал только 19 февраля 1731 г.⁴⁸).

Сенатский доклад 6 декабря 1730 г. послужил базой для указа 15 января 1731 г.⁴⁹, объединившего планы расширения ландмилиции со строительством новых укрепленных пограничных линий.

* * *

Длительное время (фактически с 1690-х гг.) строительство пограничных укрепленных линий в России не велось. Как указывает Ю.Н. Смирнов, в начале царствования Петра I оно было заменено постройкой мощных регулярных пограничных крепостей по западному образцу. Отход от этой политики наметился только в 1718–1725 г. со строительством после набега 1718 г. Царицынской линии, прикрывавшей коридор по правобережью Волги между Царицыном и левым флангом Изюмской черты и донскими городками. Новая линия укреплений состояла из 4 крепостей и 7 редут, соединенных непрерывным валом и рвом, протянувшимися от Царицына до Паншина на Дону на расстояние 54,2 км⁵⁰. Вероятно, именно ситуация на Царицынской линии, уже требовавшей ремонтных работ (план их активно обсуждался весной – летом 1729 г.⁵¹), а также описание линии форпостов и застав, охраняемых Украинским корпусом, предпринятое в 1729 г. Вейсбахом по распоряжению генерал-фельдмаршала М.М. Голицына⁵², подготовили новый виток строительства укрепленных линий в начале 1730-х гг.

В основе их лежал проект, поданный в Сенат в 1730 г. почти одновременно с проектом о расширении ландмилиции. Он, вероятнее всего, тоже вряд ли принадлежал Миниху и предусматривал одновременное строительство всех трех пограничных линий – Украинской, Ново-Закамской и реконструированной Царицынской⁵³. Не исключено, что он лишь объединил отдельные идеи строительства отдельных линий, уже существовавшие ранее и вызревавшие по крайней мере уже в 1729–1730 гг. (так как к концу 1730 г. Сенат уже имел план Украинской линии, составленный посланным для этого специальным указом генерал-майором Андреем Дебрины, впоследствии как раз и руководившим технической стороной строительства⁵⁴). Таким образом, к началу 1730-х гг. они слились в целостную программу укрепления южных рубежей. Как уже отмечалось нами, как в самой их идее, так и в методах обеспечения их охраны несомненно отразилось влияние опыта использования прежних засечных черт по южным пограничьям с Диким полем⁵⁵.

Но при их проектировании активно использовался иностранный инженерный опыт создания «регулярных» укреплений, и конкретные планы строительства линий сочетали традиционную идею с новым инженерным воплощением, в значительной степени основанным на европейских образцах.

На стадии обсуждения проекта в Сенате он был тесно увязан с идеей расширения ландмилиции. Ее полки предполагалось расселить по вновь строящимся линиям (за исключением Царицынской, на которой планировалось поселить казаков).

Проект расширения ландмилиции, сенатский доклад 6 декабря 1730 г. и долго готовившийся текст указа 15 января 1731 г., насчитывающий несколько черновых редакций⁵⁶, дают наглядное представление о мотивах расширения контингента ландмилицких частей.

* * *

Во-первых, как уже отмечалось, они демонстрируют явную преемственность с политикой Верховного Тайного совета, ибо конечные планы расширения ландмилиции, отразившиеся в двух последних документах, фактически лишь реализовали намерения, уже существовавшие в правление верховников.

Правда, количество ландмилицких полков увеличивалось не до 31 (как планировали вначале верховники): вдвое (до 20) увеличивалось число полков украинской ландмилиции, а в 1731 г. было начато создание трех конных и одного пешего полка для поселения на Ново-Закамской линии⁵⁷. В результате общее количество ландмилицких полков дошло до 24 и затем уже не менялось.

¹ Пенской В.В. Украинский ландмилицкий корпус в XVIII веке // Вопросы истории. 2000. № 10. С. 147–153.

² Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота. СПб., 2001. Гл. 2. С. 120–131.

³ Подсчитано по ведомости о численном составе и состоянии армии на конец 1730-х – начало 1740-х гг. (РГАДА. Ф. 248. Кн. 1182. Л. 1168. – Подробнее о ней: Петрухинцев Н.Н. Указ. соч. С. 205).

⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 743. Л. 249–249 об.

⁵ Подсчитано по: РГАДА. Ф. 248. Кн. 1182. Л. 1169–1169 об.

⁶ Соединение полевой регулярной армии, созданное специально для действий в присоединенных персидских провинциях в ходе Персидского похода Петра I. До 1734 г. включало 17 пехотных полков, не положенных на подушную, а также кавалерийские полки, командированные из армии (поэтому их содержание не включалось в бюджет корпуса).

⁷ РГАДА. Ф. 248. Кн. 743. Л. 80 об.

⁸ Там же. Л. 43–44.

⁹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 392. Л. 858 об.

¹⁰ Баиов А.К. Русская армия в царствование Анны Иоанновны: Война России с Турцией в 1736–1739 гг. Т. 1. СПб., 1906. С. 17.

¹¹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 450. Л. 77.

¹² Там же. Л. 77–85.

¹³ Доклады и приговоры Правительствующего сената, состоявшиеся в царствование Петра Великого. Т. 3. Кн. I. СПб., 1887. С. 433. (далее – ДПС.)

¹⁴ Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1994. С. 362.

¹⁵ Милоков П.Н. Государственное хозяйство в России в первой четверти XVIII в. и реформа Петра Великого. СПб., 1892. С. 399.

¹⁶ ДПС. Т. 3. Кн. 1. С. 70–71.

¹⁷ ПСЗ-I. Т. V. № 2643.

¹⁸ Построена по: ДПС. Т. 3. Кн. 1. С. 260–261.

¹⁹ Там же. С. 260–262.

- ²⁰ Там же. С. 302–303.
- ²¹ Там же. С. 260–262.
- ²² ДПС. Т. 4. Кн. 1. С. 737–738.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII в. М., 1958. С. 60; Баиов А.К. Указ. соч. С. 174; Пенской В.В. Указ. соч. С. 148.
- ²⁵ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1097. Л. 508–510.
- ²⁶ Там же. Кн. 743. Л. 50.
- ²⁷ Анисимов Е.В. Податная реформа Петра I. Л., 1982. С. 178.
- ²⁸ Пенской В.В. Указ. соч. С. 148–149.
- ²⁹ Петрухинцев Н.Н. Указ. соч. С. 125–127.
- ³⁰ Подробнее см.: там же. С. 71–72.
- ³¹ Там же. С. 121.
- ³² РГАДА. Ф. 248. Кн. 743. Л. 50–51 об.
- ³³ Некрасов Г.А. Роль России в европейской международной политике. 1725–1739 гг. М., 1976. С. 79.
- ³⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 743. Л. 80–84.
- ³⁵ Там же. Л. 82 об.
- ³⁶ Там же. Л. 83.
- ³⁷ Там же. Л. 83–84 об.
- ³⁸ Баиов А.К. Указ. соч. С. 17.
- ³⁹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 392. Л. 972.
- ⁴⁰ Там же. Кн. 743. Л. 50.
- ⁴¹ Там же. Кн. 386. Л. 153; Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 60.
- ⁴² Подсчитано по: РГАДА. Ф. 248. Кн. 743. Л. 43–44 и данным о числе людей и лошадей по табели 1720 г. в драгунских полках.
- ⁴³ Подробнее см.: Петрухинцев Н.Н. Указ. соч. С. 122–123.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Подробнее см.: там же. Гл. 1; Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: проблемы формирования внутриполитического курса 1730–1740. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 2001. С. 17–18.
- ⁴⁶ Черновые редакции и подготовительные материалы – РГАДА. Ф. 248. Кн. 743.
- ⁴⁷ Там же. Л. 21–25. Копия.
- ⁴⁸ Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота. С. 57.
- ⁴⁹ ПСЗ-1. Т. VIII. № 5675.
- ⁵⁰ Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30–40-е гг. XVIII в. Самара. 1997. С. 20; Лавринова Т.И. Царицынская линия: история строительства в 1718–1720-х гг. и первые годы существования. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1990. С. 15–18.
- ⁵¹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 743. Л. 86–88.
- ⁵² Там же. Л. 80 об.
- ⁵³ Подробнее см.: Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота. С. 128–129.
- ⁵⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 743. Л. 101 об., 111–112, 120–122.
- ⁵⁵ Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота. С. 128.
- ⁵⁶ РГАДА. Ф. 248. Кн. 743. Л. 198–206, 216–217, 220–224.
- ⁵⁷ Баиов А.К. Указ. соч. С. 17.

Русская военная эпитафия XVIII – начала XIX веков

Тема, обозначенная заглавием этой статьи, не является произвольной. Есть, по меньшей мере, два обстоятельства, определяющие ее необходимость.

Первое – относительно низкий уровень изученности быта военного сословия в России в целом. Такое авторитетное издание, как коллективная монография «Русские», открывающая серию «Народы и культуры» (Институт этнологии и антропологии РАН), вообще обходит молчанием историю этого, безусловно, важнейшего для понимания судеб России корпоративного единства. Даже признавая, что «этнография русских изобилует белыми пятнами», авторы названного труда упускают из виду военное сословие: «До сих пор у нас нет специальных исследований по этнографии купечества, дворянства, духовенства, чиновничества, ремесленников»¹. О военном сословии не упоминается вовсе. В самой же монографии присутствует лишь небольшая глава, посвященная казачеству в разделе «Этнографические группы русского народа»².

Второе – более частное, но также важное обстоятельство состоит в том, что само формирование русской надгробной (а в какой-то мере и фиктивной³) эпитафии произошло на стыке традиций таких двух крупных социальных объединений России, как духовенство и военное сословие. Здесь необходим ряд пояснений.

Одним из парадоксов, связанных с отношением к смерти, является уверенность тех, кто воспроизводит принятые похоронные ритуалы, что эти ритуалы неизменны и освящены долгой традицией. Между тем, тафология фиксирует достаточно быстрое изменение ритуалов, даже таких, которые прочно привязаны к данному локусу или ландшафту. На этом, однако, парадоксы не оканчиваются. Быстро меняясь, ритуал, тем не менее, сохраняет некоторые элементы с необычайным упорством, причем смысл ритуальных действий может подменяться, а может быть и целиком предан забвению и воспроизводиться потому только, что «всегда так делали». В результате, полная смена ритуала – например, переход от трупосожжения к трупоположению после принятия христианства в Древней Руси – явление редкое. И даже в том случае, если оно происходит, коллективная народная память может сохранить нечто вроде реликтов прежнего обряда. В частности, южно-русский обычай «греть покойников», впервые детально описанный Д.К. Зелениным в 1909 г., был настолько своеобразен, что сам автор отрицал его связь с трупосожжением⁴. И лишь более поздние исследования установили наличие такой связи⁵. Все это приводит к необходимости детального рассмотрения любого ритуала либо совокупности обрядов для установления факта их появления, наличия, редукции, изменения или отмирания. Согласно исследованиям, проведенным нами, касающихся вопроса об отношении к феномену смерти в России на всем протяжении ее истории, случаев полного изменения господствующих воззрений и связанных с ними ритуалов было не более пяти⁶. И два из них обрамляют хронологический период приблизительно с середины XVII в. и до первого десятилетия XIX в. Именно они и будут рассмотрены в этой статье.

Эпитафия как литературный жанр известна человечеству с древнейших времен. Однако в России она появляется необычайно поздно – лишь в XVII столетии, да и то эпизодически, в качестве именно литературного произведения (таковы, например, эпитафии Сильвестра Медведева). В это время ее можно смело рассматривать в ряду многообразных влияний Западной Европы на Южную Россию. Эта эпитафия окказиональна. Она не предназначена для реальных надгробий. Мало того: существуют причины, по которым эпитафии до этого времени было попросту *невозможно* перенести на камень. Дело в том, что «древнейшие надгробия... имели чрезвычайно малую толщину, обычно не превышавшую 10 см, и тесались из мягкого известняка. В результате они легко ломались при оседании могильной насыпи, быстро зарастали дерном и за несколько лет совершенно скрывались из глаз, – что хорошо прослежено археологически. Их орнамент, если он существовал, был столь скромно, что через век-другой уже мог не восприниматься как признак надгробия, и плита обычно использовалась вторично или попадала в известняковый лом»⁷. Что касается надгробных надписей – не эпитафий, – то они появляются лишь в конце XVI в., отличаются предельной лаконичностью (общая «формула» подобной надписи – «В лето такое-то такого-то преставися раб Божий имярек») и исчезают еще быстрее, чем орнамент. Из всего этого можно сделать вполне надежный вывод: эпитафии было невозможно перенести на камень потому, что это было *не нужно*. Мы увидим, как резко изменилась ситуация, когда надобность в надгробных, т. е. реальных эпитафиях появилась. Но и в том, и в другом случае вполне правомерным является вопрос: почему? Почему в течение многих столетий культ могилы практически отсутствовал, а затем, едва ли не в одно мгновение (если сверяться по историческому хронометру), сделался как никогда важен? И место одной полустертой строчки заняли десятки и даже сотни рифмованных и прозаических строк?

Ответ на этот вопрос существует и даже в наиболее абстрактной форме выявляет особую роль «служилых людей» в этом локальном перевороте.

Жизнь и смерть образуют два полюса человеческого бытия, но социум, ориентированный на жизнь, вынужден искать те формы отношения к смерти, которые бы ввели ее на полных правах в круг приемлемого, обычного, даже законного порядка событий, ведь, в конце концов, и сам социум есть не что иное, как сумма установлений, в равной (или почти равной) мере легитимных для всех членов, этот социум образующих. Однако для сохранения себя всякое общество нуждается в обособленной корпорации граждан, потенциально готовых принять смерть в борьбе за сохранение этого общества: это и есть военное сословие. Именно оно в наибольшей степени нуждается во внешней и внутренней поддержке со стороны социума перед лицом смерти.

Разумеется, можно говорить также о реальной опасности для социума, заключающейся в экзистенциальных переживаниях *любох* его членов, переживаниях, возбуждаемых вторжением неуправляемой стихии смерти. Именно поэтому в любом социуме мы находим богатый набор конкретных стратегических маневров, направленных на

подавление чрезмерно сильных переживаний, вызываемых смертью или вообще как-либо крайностей, связанных с ней. Но для воинов, как и для их близких, успешность этих стратегий может приобретать в определенные моменты истории особую остроту. Между тем, базовая суть «защитных» – а вернее, компенсирующих – стратегий проста: она состоит в выработке и внедрении идеологием, превращающих смерть в жизнь, жизнь иную, жизнь вечную. Вместо смерти умирающий должен ожидать бессмертия.

Конечно, внутри христианской державы вопрос о воскресении плоти и бессмертии души был решен самой сутью исповедуемой религии. Именно этим объясняется – как применительно к ранне-христианской Европе, так и к Древней Руси – первоначальное отсутствие надгробных надписей. Важно отметить, что безмянными остаются и каменные «доски» на простых могилах, и княжеские саркофаги⁸. Такая безмянность указывает на высокий уровень веры в спасительную силу Высших Сил и не нуждается до поры до времени в добавочном подкреплении. Тем не менее, в рамках Восточного христианства наличествует традиция, потенциально противоречащая этому гробовому безмолвию – православная икона. Павел Флоренский выявил и вполне убедительно показал генетическую связь византийской, а затем и русской иконы с египетским саркофагом⁹. Но иконы, в отличие от саркофагов, имели подписи – в том числе и иконы святых, использовавшиеся в Киево-Печерской лавре в качестве гробовой доски на раке с мощами изображенного святого. Составлялись, кроме того, жития этих святых, патерики, писались, наконец, службы и акафисты, в которых последовательно перечислялись их деяния и чудеса. И с течением времени фрагменты этих текстов стали воспроизводиться на металле, которым оковывались стенки деревянных рак, – на меди, серебре и золоте. Так что к моменту появления первых надписей на камнях светских захоронений захоронения сакральные уже располагали развернутыми повествованиями о жизни своих условно-мертвых насельников (не следует забывать, что святые мощи почитаются живыми). Эти повествования не были эпитафиями; но могли стать прообразами их.

Первые шаги к сакральному миру из мира светского были сделаны представителями власти – древнерусскими князьями. Вначале в ранг святых были возведены князья-великомученики, как Борис и Глеб, а затем и воители, как Александр Невский. У таких святых даже посмертные (обязательные для святого) чудеса часто носили воинский характер. Разрубленное в бою на куски тело срасталось во время погребения, отсеченная голова «прильпе к честному телеси» и проч. Описание этих чудес могло не быть эпитафией в то время, когда было создано, однако в последующие века воспринималось по крайней мере как материал для эпитафии и соответственно помещалось на раке, переписывалось и даже дополнялось стихотворными фрагментами, как это произошло с ракой владимирского чудотворца князя-мученика Георгия Всеволодовича, созданной в 1645 г., но оснащенной новыми надписями вплоть до XIX столетия (см. полный текст надписей на раке в Приложении I).

Со своей стороны духовенство тоже сделало шаг в сторону военного сословия. К концу XVII в. мучениками могли оказываться не только великие князья, но и другие воины, занимавшие не самую вершину социальной лестницы России, но сложившие голову на поле брани. Это взаимное движение духовенства и военного сословия было далеко не случайно и имело глубокие корни, связанные с незаметно, но все же быстро менявшимся отношением к смерти у представителей чуть ли не всех сословий. Но именно духовные и воинские чины находились на особом положении, так сказать, на острие проблемы, поскольку одним нужно было поддерживать и обслуживать религиозно-идеологическую основу социума, в том числе и идеологему «пакибытия», другие же, как уже было сказано выше, в наибольшей степени нуждались в этой идеологеме. Это обострение вопросов вероисповедания было к тому же спровоцировано южно-русским влиянием, явившимся результатом многообразных контактов Киева с Западной Европой, с одной стороны, и расколом, зародившемся в недрах самой православной церкви и приведшим к катастрофическим последствиям, с другой. Необходимость укрепления основ русского православия была очевидна, и потому не кажется столь уж неожиданным внезапный интерес и духовенства, и мирян к отысканию и прославлению святых нетленных мощей. Ведь культ мощей – обязательно нетленных, поскольку нетленность в России понималась как исполнение обетования о наделении праведников претворенными телами, кои уже не будут знать ни болезни, ни смерти, – этот культ, зародившийся еще в Киевской Руси, был исконно русским. Ни Византия, ни западное христианство такого культа не знали.

Вот почему XVII в. ознаменовался небывалым ни до, ни после количеством явленных нетленных мощей, к которым, кстати, относились и тела погибших воинов, расчлененные, но чудесно сросшиеся. Выкопанные или как-либо иначе обретенные мощи помещались в раки, открытые или закрытые, но в большинстве случаев *надписанные*. И хотя гипотеза о происхождении русской эпитафии от надписей на раках, а шире, от житий и служб, остается пока лишь гипотезой, однако полностью опровергнута она едва ли может быть. Хотя бы в качестве одного из источников формирования жанра эпитафии в России надписи на раках святых и воинов, «венчавшихся кровью» на полях сражений, должны быть признаны – наряду с другими. Тем более, что, как увидим, именно этот источник, а не возможные заимствования или подражания западной эпитафике, определил на первых порах своеобразие русской надгробной надписи.

Кризис религиозного мировоззрения, начавшийся при Алексее Михайловиче, достиг своей кульминации в первые десятилетия XVIII в. Церковная реформа Петра I, вопреки многоголосому протесту церковных иерархов, а затем историков церкви, отнюдь не совершалась на пустом месте. Поворот общественного сознания к миру посюстороннему начался задолго до Петра и представлял собой одну из фаз десакарализации культуры, сменяющих фазы сакрализации, а потом сменяющихся, в свою очередь, последними. Тот факт, что это была реформа, по выражению А.В. Карташева, «протестантского образца», с достаточной убедительностью выяснен в работах того же Карташева, а также и других авторов, в первую очередь П.В. Верховского. Однако трудно согласиться с тем, что «если главным памятником его (царя. – О.Л.) реформы в церковной сфере осталось уничтожение патриаршества и замена его неправославной, антиканонической формой Коллегии, то это вполне объясняется ярким, наследственно-семейным воспоминанием Петра о пережитом при его отце царе Алексее Михайловиче трагическом конфликте царя с патриархом Никоном, именно с заостренной идеологией Никона, глубоко напугавшей тогда

всех русских государственников»¹⁰. Карташев и сам отмечает несколькими абзацами ниже, что «протестантская система примата государства не только гармонировала с усвоенным Петром государственно-правовым мировоззрением в духе естественного права, но и прямо требовалась последним. Покойный академик Лаппо-Данилевский доказал, что общераспространенная теория естественного права в значительной мере проникла и в латинские канонические учебники, отсюда доверчиво усвоена была консерватором Стефаном Яворским в годы его профессорства в Киевской Академии (1696–98 гг.). Петр в своем реформаторском законодательстве не является на фоне других современных ему государственников каким-то особым новатором»¹¹. К этому можно добавить, что не одни государственники склоняли слух к веяниям Запада, хотя и приравнивали новые воззрения к собственным интересам и глубинным духовным запросам. Весомым свидетельством тому является, как ни странно, именно русская эпитафия того времени.

Феофан Прокопович, бесспорный государственник, чьими усилиями, весьма далекими зачастую от какого-либо благочестия, и был внедрен в тело церкви Синод¹², выступал, помимо прочего, в качестве литератора и теоретика литературы. В его курсе лекций по поэтике (на латинском языке, 1705) находим следующее рассуждение: «Замечательной разновидностью эпитафий является эпитафия или эпитаграмма, которую обычно пишут на надгробии. Частей и отличительных свойств эпитафии столько же и они те же, что у любой эпитаграммы; и приемы совершенно те же. В первой, или экспозиции, обычно дается краткое перечисление более примечательных деяний покойного, его доблестей или пороков, иногда же отмечается только его общественное положение или состояние и имущество. Во второй же части или в заключении, если покойный был лицом значительным, — помещают для завершения какое-нибудь выразительное изречение, указывающее на краткость жизни человеческой, на ее суету и бренность. Если же покойный был лицом незначительным или достойным осмеяния, то допустимо здесь применять даже шутки или политические остроты»¹³. Но как раз таких эпитафий, ничем не отличающихся по структуре от эпитаграмм, мы не находим вплоть до середины XVIII в., что же касается эпитафий шуточных, то они, как кажется, никогда не попадали на русские надгробия, т. е. оставались фиктивными, чисто литературными.

Зато обнаруживается обилие эпитафий нового типа, жанр которых далек от эпитаграммы настолько, насколько это вообще возможно, так как в эпоху царствования Петра I безусловно главенствует эпитафия-«послужной список». Мораль — редкая гостья в таких эпитафиях, а вот «краткое перечисление более примечательных деяний покойного» разрастается до десятков прозаических и сотен поэтических строк. Как уже говорилось, на первые места в сознании эпохи выдвинулись «служилые люди», и в первую очередь военные. Структура военных организаций сделалась образцом для организаций чиновных, а после церковной реформы, и духовных ведомств. «Послужной список» в итоге становился чем-то вроде светского жития, аналогом жития духовного. Однако одним только этим обстоятельством всех особенностей такой формы эпитафии не объяснить.

Прежде всего, нужно учесть не столько переоценку, как, вернее, перекомпоновку ценностей, фиксируемую эпитафией первой половины XVIII в. Здесь важна каждая деталь, каждая особенность. К примеру, теперь довольно четко стала проводиться граница между эпитафией военной и духовной. Стихотворная форма надгробной надписи пришла в Россию, несомненно, с Запада, но как раз южно-русское духовенство, испытывавшее на себе западное влияние в наибольшей степени, поддержало церковную реформу. «Протестантский дух» реформы состоял не только во внешних формах организации церкви, в подчинении ее государству. Этот дух — пусть даже в самой малой степени — содержал в себе те особенности, которые позволили М. Веберу (1905 г.) показать связь протестантской этики с предпринимательством¹⁴. На стыке этих двух тенденций — большего, по сравнению с прежним, внимания к посюсторонней жизни (из которого с неизбежностью выводилась идея деятельного участия в ней, постепенно возводимого в ранг религиозного долга) и поэтической формы эпитафии возник удивительный гибрид: написанный силлабическим стихом послужной список, заключавший в себе все этапы карьеры духовного лица, коему посвящалась эпитафия.

Напротив, эпитафия военная (а вслед за нею и чиновная, гражданская) писалась исключительно прозой. И хотя также заключала в себе подробнейшее повествование о службе почившего с указанием походов и кампаний, в которых он принимал участие, последовательности присвоения ему чинов, получения им наград и орденов и даже с указанием поученных им в том или ином бою ран, однако же этим не исчерпывалась. Духовные лица уже в силу своего сана исправляли службы Всевышнему, упоминание этой стороны их деятельности было бы излишним. Тогда как военные, служившие Отечеству и Государю, должны были выполнить свой долг и перед Богом — подобно «венчавшимся кровию» древнерусским воителям-князьям. Потому в их эпитафиях порой встречается мораль, как, например, в надгробной надписи Г.Д. Юсупова (см. Приложение II), которая начинается обращением к прохожему (тоже важный новый элемент светской эпитафии) и сулит тому духовную пользу от прочтения перечня славных дел, совершенных покойным. Нередки также обращения к Богу с просьбой упокоить душу скончавшегося, беря в расчет все те деяния, которые он совершил во славу монаршью и отечественную.

Таким образом, исполнением долга перед Богом становится вся человеческая жизнь. Этим объясняются не раз ставившие в тупик исследователей подсчеты до минут (и даже в отдельных случаях до секунд) продолжительности жизни почившего. На надгробиях лиц духовного звания нередко подобные же подсчеты, но с той разницей, что вычисляется количество лет, месяцев и дней, в течение которых умерший находился в том или ином церковном сане: только эти периоды его жизни воспринимались — «засчитывались» ему — как служба Богу. Потому обыкновенно здесь была не нужна мораль — разве что обращение к прохожим для их воспитания, да и то это редкий случай. Главное — то, что так настоятельно требовало удовлетворения, — память об усопшем, бессмертие его деяний, необходимое в эпоху пошатнувшейся (пусть даже слегка) веры в личное бессмертие. И это требование действительно удовлетворялось повествованием на могильном камне с перечнем удач и невзгод, отметивших судьбу покойного. Поразительно, но, вопреки основному замыслу или цели подобной эпитафии — достижения иллюзорного бессмертия в памяти потомков, — при Петре и даже после него сохранялся древний обычай быстрого уничтожения надгробий и использования их материала для строительных нужд: это как раз пример

устойчивости какой-либо традиции, продолжающей воспроизводиться независимо от остальных ритуалов и связанных с ними представлений. Но так как в соответствии с замыслом увековечивания в камне был нужен более прочный материал, чем известняк, то новые памятники не разрушались сами собой, кладбища разрастались, и Петр не раз давал распоряжения о переустройстве кладбищ, в том числе в указе 1722 г., в согласии с которым следовало «излишние камни употребить в церковное строение», поскольку «провожающему телеса... регулярно от войск строю и убраться по надлежащему оные камни не допускают»¹⁵, как это произошло в действительности на похоронах Ф.Ю. Ромодановского в Георгиевском монастыре. Тут мы можем зафиксировать столкновение, а не соединение двух ритуалов – военного и духовного, – причем военный бесспорно одерживает верх. Судя по всему, увековечивание памяти ограничивалось относительно небольшим сроком, и отдание последних почестей умершему было важнее. Тем не менее, исключения все же делались, и в результате не «излишние» камни некоторых надгробий сохранились до наших дней.

Все перечисленные особенности эпитафий «нового типа», ориентированных на послужной список, относятся безусловно лишь к первой половине XVIII в.: это, так сказать, классический период русской «послужной» эпитафии. Уже ко второй половине столетия эпитафия постепенно начала приобретать те черты, которые более или менее соответствовали канону, сформулированному Феофаном Прокоповичем. Список деяний и подвигов ужимался, военные надгробия имели примерно такой же вид, как и чиновные, поскольку полученные умершим чины дольше всего держались в эпитафиях дольше всех других сведений, в то время как сведения о непосредственных военных действиях, в которых покойный принимал участие, и тем более ранах, полученных на поле сражения, все чаще опускались. Разумеется, следует учитывать, что, как это свойственно ритуалу¹⁶, он продолжает сохранять, наряду с новыми, архаичные черты непредсказуемо долгое время. Так что надгробия-«послужные списки» возводились вплоть до начала XIX в., как, например, плиты Холмогорского некрополя, где самая ранняя эпитафия на могиле выходца из южной России архиепископа Холмогорского и Важеского Рафаила относится к 1711 г. и содержит «послужной список» размером в 51 силлабическую строку, а самая поздняя – епископа Архангельского и Холмогорского Неофита, почившего 27 февраля 1831 г., причем стихотворная ее часть – уже силлабо-тоническая – воспекает различные достоинства покойного, тогда как «послужной список» написан прозой и помещен ниже¹⁷. Что касается военных эпитафий этого периода, то стихотворные части в них по-прежнему отсутствуют и появляются лишь в начале XIX столетия.

Это и понятно: XIX век вновь в корне меняет отношение к смерти, выдвигая на первый план элегическое ее описание, впервые открыто – письменно – фиксируя скорбь по умершему. И вновь эпитафия перестает соответствовать формуле Ф. Прокоповича, хотя и становится структурно близкой к эпиграмме. Таково, например, двустишие «Надпись к гробу Суворова» Н.И. Гнедича: «Ты ищешь монумента?.. / Суворов здесь лежит» (дата написания неизвестна)¹⁸. Лаконичность эпитафии, прямо связанной с реальной надгробной надписью («Здесь лежит Суворов») задает целый спектр чувств – возвышенной скорби, благоговения, преклонения перед героем, – т. е. весь арсенал предромантической поэзии с ее подчеркнутой элегической грустью – особенно при описании чьей-либо кончины, надгробного памятника либо кладбища. Можно утверждать, что с переходом к стихотворной скорбной (а не «деловой», «послужной») надгробной надписи заканчивается первая эпоха русской эпитафии, сформированной духовенством и воплощенной в камне «служилыми людьми» России.

¹ Русские. М.: Наука, 1999. С. 9

² Там же. С. 118–123.

³ О соотношении реальной и фиктивной эпитафий в России см.: Русская стихотворная эпитафия / Вступит. ст., сост., подгот. текста и примеч. С.И. Николаева, Т.С. Царьковой. СПб., 1998. С. 6–11. Нужно, однако, отметить, что вывод о «призрачности» границ между реальной и фиктивной эпитафиями применительно к XVIII ст. слабо подтверждается и, скорее, даже опровергается примерами, которые приводят авторы: Там же. С. 8, сн. 3.

⁴ Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901–1913. М., 1994. С. 167.

⁵ Обзор дискуссии по этому вопросу см.: Там же. С. 321.

⁶ Постнов О.Г. Смерть в России X–XX вв.: историко-этнографический и социокультурный аспекты. Новосибирск, 2001.

⁷ Беляев Л.А. Русское средневековое надгробие. М., 1996. С. 17.

⁸ Детальный анализ этой ситуации в средневековой Европе см.: Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1992. С. 192–193. Относительно русского средневековья см. Беляев Л.А. Русское средневековое надгробие... С. 10. Согласно его данным, первые надписи появляются только в XV ст.

⁹ Флоренский П. Иконостас. М., 2001.

¹⁰ Карташев А.В. Очерки по истории Русской Церкви. М., 1993. С. 323.

¹¹ Там же. С. 325.

¹² Исторически достоверный облик этого деятеля, не замутненный какими-либо умолчаниями либо ретушью, см. в кн.: Чистович И.А. Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868.

¹³ Прокопович Ф. Сочинения / Под ред. И.П. Еремина. М.-Л., 1961. С. 451.

¹⁴ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения: Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайдено. М., 1990.

¹⁵ Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб., 1830. Т. VI. С. 653.

¹⁶ Тэрнер В. Символ и ритуал. М., 1983.

¹⁷ Шереметьевский В.В. Русский провинциальный некрополь... Т. 1. С. 603, 730–731.

¹⁸ Гнедич Н.И. Стихотворения. Л., 1956 (Серия «Библиотека поэта»). С. 159.

I. «Божією милостію и повеленіемъ Благочестиваго и Христоролюбиваго Государя нашего Царя и Великаго Князя Михаила Оеодоровича Всея Россіи, по благославленію и обещанію отца его и богомольца Великаго Господина Святейшаго Кирь Іосифа, патріарха Московскаго и Всея Россіи, лета 7153 сделана сія рака серебряная и позлащенная его святительскою казною во Владиміре градъ въ соборную апостольскую церковь Пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго Ея Успенія Благоверному великому князю **Георгію Всеволодовичу**, мученически венчавшемуся кровію за веру христіанскую, Владимірскому чудотворцу, убіенному отъ злочестиваго и безбожнаго царя Батя въ лето 6745 февраля въ 4 день (собств. марта 4) за Волгою-рекою, на реке Сите; по убіеніи же блаженный Кирилль, епископъ Ростовскій, приде съ Бела-озера на место, идеже сей добродобный Христовъ мученикъ Великій Князь Георгій святую свою кровь пролія, ту обрете честное тело его и принесе въ Ростовъ и положи въ церкви Пресвятыя Богородицы; главы же его не обрете тогда во множестве трупія мертвыхъ, последи же обретоша святяго его главу и принесоша въ Ростовъ и положиша ю во гробъ къ честному телеси его и въ лето 6747 Великій Князь Ярославъ Всеволодовичъ посла въ Ростовъ и повеле принести во Владиміръ честное и святое тело брата своего Великаго Князя Георгія, его же съ честію и понесоша; егда же бысть близъ града Владиміра, сrete его самъ Великій Князь Ярославъ съ епископомъ Кирилломъ и съ освященнымъ соборомъ, съ детьми своими и съ бояры и положиша его въ соборной церкви Пресвятыя Богородицы, в. приделе южномъ съ песньми надгробными. Всемъ же зрящимъ чудо преславно и удивленія достойно, яко святая глава его совокупно прилепе къ честному телеси его, якоже ни следа видети отсеченія на выи его, но все составы его целы и неразлучны и донныне тако во гробе пребываютъ, отъ всехъ людей видимы и удивляемы. Въ лето же 7153 месяца января по обещанію Великаго Господина Святейшаго Кирь Іоасафа (Іосифа), патріарха Московскаго и Всея Россіи, въ третіе лето патріаршества его перенесены быша мощи Благовернаго Великаго князя Георгія изъ придела въ соборную церковь Пресвятыя Богородицы и положены въ серебряную раку, позлащенную, и поставлены на десной стране близъ святительскаго места во славу и честь Благовернаго Великаго князя Георгія Мученика, Владимірскаго Чудотворца, во веки. Аминь»

«Желанье въ варваре горело
Людей моихъ сжать, какъ траву,
Мой жизни духъ лишитъ и тело,
Затемъ мечемъ отъяль главу.
Но Богъ мой духъ за веру праву
Жить вечно внесъ въ небесну славу,
Главу жъ прильпнувшу къ телу здесь
Хранитъ чудесно и доднесъ».

(Шереметьевский В.В. Русский провинциальный некрополь. М., 1914. Т. 1. С. 186)

II. «Внуши, кто проходит семо, много научит тебе камень сей, погребен зде генерал-аншеф, сенатор и кавалер Ордена Святаго Благовернаго Великаго Князя Александра Невскаго, лейб-гвардии Преображенскаго полку подполковник и Государственной Военной коллегии первоначальствующий член князь **Григорій Дмитриевич Юсупов**, славному и блаженную оставил по себе, сый родом от Златаго иногда корене Нагайских князей, многих разныя порфиры насивших, светлую имел в мире сем славу, произшед же от прародитеoley Энангельна, светом осиянным вечной славы наследие получил, усыновлен был Царю Царствующим, верно и трудолюбиво служил Всероссийским Царем, известна стала служба его в разных походах, на боях полевых и городовых приступах: под Азовом дважды и дважды под Нарвою, под Канцом, под Митавою, под Лесным, под Полтавою, у Переволочни, при взятии оставшаго по Полтавской баталии Шведскаго корпуса, под Выборгом, на Турецкой акции, под Штетином, под Тонингом, при взятъи фельдмаршала Штенбока с его войски при Норе, при взятъи фрегата и галер и во всех Нарвских походах, где лейб-гвардия была, и потом в Персидской экспедиции; не без характера же воинских подвигов пребыл: ранен правую руку и левую ногу под Лесным; но и не лишен монаршей наградительной милости: предварен от царя Феодора Алексеевича чином стольников, возимел после славныя восхождения: от Петра Великаго пожалован в Азовских походах в есаулы, в регулярном войске драгунских полков в капитаны, в 1700 в полку Преображенском в адъютанты и порутчики, 1701 в капитан-порутчики, 1706 в капитаны, 1707 в майоры, 1711 в бригадиры, 1719 в генерал-майоры. 1722 в сенаторы, 1724 от Екатерины императрицы в кавалеры святаго Александра, 1725 в генерал-порутчики, 1727 от Петра Втораго в подполковники лейб-гвардии Преображенскаго полку и первым членом Государственной Военной коллегии, 1727 от ея императорскаго величества Анны Иоанновны самодержицы всероссийския и в сенаторы и в генерал-аншефы; Божиим же изволением от многих достохвальных трудов прешел в вечный покой септемвриа 2 дня 1730 году, в 1 час и 55 минуте по полудни; рождения его 1676 ноемвриа 17 дня, поживе 55 лет, 9 месяцев и 19 дней, 1 час и 55 минут»

(Снегирев И.М. Богоявленский монастырь в Москве на Никольской улице // Русские достопримечательности. М., 1877. Т. 2. С. 35–36)

Неизвестные источники по истории русских военных формирований на территории Польши (1920)

Проблемы формирования русских военных соединений на территории Польской Республики в 1920 г. не привлекали внимание исследователей. Однако количество работ, основанных на широкой источниковой базе, в том числе документальной, крайне ограничено. Это увеличивает ценность архивных материалов, представленных в Библиотеке-Фонде «Русское Зарубежье» (Москва) в фонде Л.Ф. Зурова и ставших недавно доступными для изучения. Документы из этого фонда позволяют проследить процесс формирования III Русской армии с июля по ноябрь 1920 г. Весной 1920 г. в Полесье против большевиков в составе польских войск уже действовал отряд генерала С.Н. Булак-Балаховича, который насчитывал 640 человек из числа расформированной к тому времени Северо-Западной армии генерала Н.Н. Юденича. Генерал Балахович пользовался расположением польских властей как человек гибких взглядов, способный на компромиссы. Будучи храбрым офицером, он в то же время был склонен к авантюрам, что часто препятствовало успеху формирования им новых частей¹.

К лету 1920 г. в Польше сосредоточилось значительное количество офицеров, казаков и солдат, попавших в Красную армию после Новороссийской катастрофы и перешедших затем к полякам или попавших к ним в плен. Как писал офицер III Русской Армии Е.Е. Ковалев, «переходили одиночным порядком, группами и даже целыми частями»².

«При отряде Ген[ерала] Балаховича, – по данным того же Е.Е. Ковалева, – был сформирован Донской полк Полк[овника] Духопельникова с 2-х орудийной батареей (Полковник Бабкин), бригада Есаула Сальникова (Донской полк с батареей, перешедший из Конной Армии Буденного), бригада Есаула Яковлева (донцы, терцы, волчанцы с батареей) и в составе Украинской Армии – Донской полк Есаула Фролова с батареей, развернутый из дивизиона 42-го Дон[ского] каз[ачьего] полка, отказавшегося интернироваться с Армией Ген[ерала] Бредова»³. Затем из военнопленных, перебежчиков и частей Северо-Западной армии стали производить формирование «в г. Калише III Русской армии Генерала Врангеля (Командующий армией Ген[ерал] Пермикин) в составе: 1-й стрелковой дивизии Ген[ерала] Бобошко, 2-й стр[елковой] дивизии Ген[ерала] Палена (из кадров С[еверо]-Зап[адной] армии) и сводной каз[ачьей] дивизии Ген[ерала] Трусова (Донской, Оренбургский и Уральский полки, Кубанский дивизион и Донская батарея)»⁴.

Процесс формирования III Русской армии проходил в сложной политической и стратегической обстановке при деятельном участии Б.В. Савинкова, известного эсеровского террориста, а после Октября 1917 г. – активного участника антибольшевицкого движения. 10 июня 1920 г. состоялась его встреча с главой польского государства Ю. Пилсудским, в ходе которой обсуждалась возможность создания на территории Польши русских формирований. В секретном письме Б.В. Савинкова в Варшаву к маршалу Пилсудскому от 23 августа 1920 г. упоминаются подробности этой встречи: «Вам, Господин Начальник Государства, угодно было в личной беседе со мной высказаться в том смысле, что все без исключения русские отряды, действующие на территории Польской Республики должны быть подчинены в политическом отношении Русскому Политическому Комитету, возглавляемому мною, в военном же отношении сведены в два отряда: отряд ген[ерала] Глазенапа и отряд ген[ерала] Булак-Балаховича. В частности, Вам угодно было приказать, чтобы Казачья бригада есаула Яковлева вошла в состав отряда ген[ерала] Булак-Балаховича»⁵. Б.В. Савинков также подчеркивал, что на деле договоренность не соблюдается.

Данное письмо не отвечает на важный вопрос: кому должны были подчиняться русские формирования в Польше в военном отношении? Между Верховным Польским командованием и Б.В. Савинковым существовало устное соглашение, по которому «довольствие и всех видов снабжение этих отрядов производится из средств, заимообразно предоставляемых Верховным Польским Командованием Русскому Политическому Комитету и зачисляемых в долг Российского государства Польской Республике.

Таким образом, отряды эти состоят на русской службе, лишь стратегически подчиняясь Польской Главной Квартире»⁶.

Между тем, какой-либо письменный или устный договор о сотрудничестве по вопросу борьбы с большевиками между представителями русской стороны и Пилсудским в июле 1920 г. отсутствовал, более того, не были подписаны документы, санкционирующие начало создания русских формирований в Польше. По словам самого Б.В. Савинкова, в это время существовала лишь устная договоренность.

О характере отношений говорит и тот факт, что хотя в военном плане русские войска зависели от польского главнокомандования, но польский военный министр генерал Ю. Лесневский этими делами не занимался. Все вопросы решались его заместителем генералом К. Соснковским, ставшим военным министром лишь 22 августа 1920 г., и начальником II (политического) отдела Штаба министерства подполковником Б. Медзинским⁷.

Что касается отношений Савинкова с генералом Врангелем, то они не достигли даже уровня устной договоренности. Б.В. Савинков писал по этому поводу следующее: «Командующий Вооруженными Силами юга России генерал-лейтенант барон Врангель, а также Союзные Правительства Франции и Великобритании, поставлены в известность об этих русских, находящихся на территории Польской Республики, отрядах.

Задача этих отрядов – борьба с большевиками, отрядам этим предоставляется свободный выбор между продолжением самостоятельной борьбы или эвакуацией из пределов Польши с оружием в руках при содействии польских властей»⁸.

Командующим русскими вооруженными силами на территории Польши был последний командующий Северо-Западной армией – генерал П.В. Глазенап, который решительно выступал за эвакуацию из Польши. 1 июля

1920 г. им был издан первый приказ по русским войскам, а уже в начале сентября он отбыл из лагеря в Калише в ставку к генералу Врангелю в Крым с докладом о состоянии дел, передав временное командование генералу Бобошко. Это вызывало недовольство Савинкова, который претендовал на более активную политическую роль, но в сложившейся ситуации не мог заявить об этом открыто.

В телеграмме от 18 августа 1920 г. к генералу Глазенапу Савинков заявлял: «Узнал о Вашей телеграмме Военному Министру Республики Польской, которой Вы выражаете желание эвакуироваться вместе с отрядом в Крым. В связи с этой телеграммой просил вас прибыть в Варшаву для разговора со мной. Вы отказались. Обращаю Ваше внимание во-первых: телеграмма Ваша выслана без моего ведома, и я категорически против нее протестую; второе [–] желание отряда эвакуироваться вопреки приказу выступления на фронт может быть истолковано как желание уклониться от воинского долга; третье [–] Вы этой телеграммой изменили свое обещание совместного наилучшего разрешения создавшегося кризиса командования; четвертое [–] насколько известно, ни Вы, ни польские власти не спрашивали ни офицеров, ни добровольцев отряда, почему телеграмма Ваша не может быть выражением намерений отряда. Считаю дальнейшее сопротивление Ваше в отказ от командования.... Еще раз прошу Вас и генералов Трусова и Перемыкина прибыть в Варшаву для выяснения недоразумения»⁹.

Польское правительство не хотело бескорыстно снабжать всем необходимым русские соединения, оказавшиеся на территории Польши, тем более способствовать увеличению их численности. В письме Глазенапу от 12 августа 1920 г. Савинков подчеркивал: «Значительная часть Польского Правительства, высшего командования, Сейма и влиятельного общественного мнения, как Вам известно, отнеслась к Русским формированиям на территории Польской Республики с неодобрением и даже подозрительностью. Эти весьма многочисленные правительственные и общественные круги, если и допускают возможность Русско-Польского соглашения, то при обязательном условии определенно демократического лица и определенно демократической программы Русского Правительства, и если не возражают открыто против Русских формирований в Польше, то потому, что маршал Пилсудский, разрешив их, явился порукой демократического их направления.

Но, не возражая открыто, круги эти по мере возможности затрудняют дело русских формирований на территории Польской Республики, что выражается:

1. В преимущественном покровительстве т.н. «самостийных» формирований, не исключая формирований «самостийной Кубани».
2. В преимущественном покровительстве отряду ген[ерала] Балаховича, ибо генерал Булак-Балахович, по мнению этих кругов, представил достаточные гарантии своей демократичности.
3. В промедлении по отправке эшелонов в лагерь Скальмержицы, место формирования, находящегося под Вашим командованием отряда.
4. В промедлении в заимообразном отпуске средств на содержание под Вашим командованием отряда.
5. В промедлении снабжения находящегося под вашим командованием отряда.
6. В ежедневном промедлении в производстве текущих дел, касающихся находящегося под Вашим командованием отряда.

В частных беседах со мной представители этих кругов неоднократно давали мне понять, что подобное отношение с их стороны к находящемуся под Вашим командованием отряду вызывается ничем иным, как якобы неприемлемостью Вашего политического имени для всей Польской демократии»¹⁰.

Представляя польские общественно-политические круги бескомпромиссно-демократическими, Савинков сознательно искажает действительность. Польских политиков больше интересовала возможность территориальных приобретений, чем демократичность командования русскими отрядами. Понимая, что позиция белых в этом отношении не обещает никаких дивидендов, они рассчитывали на лояльность так называемой демократической оппозиции большевикам. Те, кто подобную лояльность демонстрировал или хотя бы не высказывал своего неприятия польских планов, пользовались «преимущественным покровительством». Генерал Глазенап к последней категории не относился. Он занимал принципиальную позицию по отношению к Савинкову и, в частности, писал: «Формирование русских частей на территории Польши под моим командованием началось 1-го июля сего года. Об этом мною своевременно было донесено Генералу Врангелю, от которого, как от Главы всех Русских Вооруженных Сил, я и испрашивал дальнейших указаний.

До 16-го сего августа, несмотря на мои повторные требования и все обещания, формируемым мною частям ничего не было выдано ни в отношении обмундирования, ни в отношении снаряжения, и они, естественно, не могли поэтому получить и достаточной военной подготовки. 15-го августа поступило по телеграфу срочное требование о высылке на фронт всей пехоты в 2-х дневный срок и одновременно было предложено на отправляемых людей спешно, в один день, получить обмундирование, вооружение и снаряжение. Все недополученное при этом обещали добавить в пути к позициям.

Назначенный срок выступления не позволял ввиду своей краткости даже пригнать выданного обмундирования, не говоря уже о том, что никто из состава вверенного мне отряда не был знаком с системой выданных на отряд пулеметов; обоза не было выдано вовсе.

Не считая себя нравственно в праве вести русские войска в бой с негодными средствами, я счел своим долгом сообщить Польскому Военному Министру, что в срок выступить не могу.

За три дня до вызова части вверенного мне отряда на фронт, мною был получен (12 августа) телеграфный ответ Генерала Врангеля с приказанием ехать в Крым со всем вверенным мне отрядом. Считая приказ Главы всех Русских сил обязательным для каждого русского, я возбудил ходатайство перед Польским Военным Министром об отправке вверенного мне отряда в Крым.

Сообщая об изложенном, прошу Вашего содействия переброске состоящих под моим командованием частей на Юг России»¹¹.

Савинков, рассчитывая вступить в личные переговоры с Врангелем, начиная с июня 1920 г., неоднократно отсылал ему телеграммы. В телеграмме от 30 июня он указал, что приступил к формированию войск, просил одобрить это начинание и по возможности оказать помощь. Тогда же он пожаловался генералу, что не получил ответа ни на одно из своих посланий. Очевидно, Врангель заподозрил, что Савинков преследует собственные интересы и не считал нужным отвечать ему¹².

Однако, получив сведения о том, что Савинков намеревается привлечь в свои формирования часть отряда генерала Н.Э. Бредова, интернированного поляками весной 1920 г., Врангель понял, что ему угрожает создание альтернативного антибольшевицкого центра, ориентированного на Польшу, и потеря необходимых пополнений. Поэтому в послании от 5 июля он потребовал немедленно перебросить все боеспособные части из Польши на Юг России, мотивируя это тем, что из-за расширения фронта резко обозначился некомплект личного состава.

Савинков все еще рассчитывал убедить Врангеля в том, что путь к заключению соглашения с польскими властями лежит исключительно через формирование отрядов. Но в телеграмме от 20 июня содержалась резолюция главкома, сообщавшая, что все новые формирования признаются вредными для общего дела. В тот же день из Константинополя, через который шла переписка между Варшавой и Крымом, была отправлена еще одна телеграмма, в которой Врангель требовал «категорически подтвердить» Савинкову, что все боеспособные русские должны без промедления покинуть Польшу, а из нежелающих эвакуироваться Савинков может формировать какие угодно части, но ответственность за них южнорусская власть принимать на себя не собирается¹³.

В конце концов, однако, Врангель все же прислал своего представителя в Польшу. Генерал П.С. Махров прибыл туда 21 сентября 1920 г. После этого переговоры пошли быстрее, и 11 октября 1920 г. был издан приказ, подписанный Махровым: «На основании телеграммы Главнокомандующего Русской Армии Генерала Врангеля от 15/28 сентября с.г. № 0939 приказываю:

1. Группу войск Генерала Перемыкина именовать впредь III Русской Армией.
2. Все казачьи части, сформированные на территории Польской Республики, включаются в состав III Русской Армии.
3. Командующему III Русской Армией свести все казачьи части в казачьи дивизии.
4. Командующий казачьей бригадой Есаул Яковлев освобождается от должности командующего бригадой с назначением в распоряжение командующего III Русской Армией. Командующим этой бригадой назначаю Есаула Печерского, которому немедленно вступить в командование и об исполнении донести»¹⁴.

Между тем в самих формированиях существовал целый ряд нерешенных проблем, которые не позволяют говорить о том, что эти соединения могли стать действительно ценным приобретением для армии генерала Врангеля. Одной из главных проблем было массовое нарушение военной дисциплины в лагере. О низком уровне дисциплины в формированиях говорят приказы генерала Глазенапа, призванные содействовать ее укреплению. В приказе № 13 от 1 августа 1920 г., в частности, говорится: «Вчера имел место чрезвычайно печальный случай для нашей формируемой Армии. I-го Артиллерийского дивизиона Подпоручик Боголюбов, напившись в Европейской гостинице (м. Скальмержицы) до бесчувствия пьяным, вел себя совершенно непозволительно для воинского чина, идущего отстаивать свою Родину от произвола и всякого разгула, в том числе и пьяного. Мне совершенно непонятно, как воинский чин, какого бы он ни был звания, может напиваться до состояния потери облика человеческого. Тем более грустно, что это офицер, т.е. начальник. Ввиду того, что приказ мой о злоупотреблении спиртными напитками не мог быть еще широко опубликован, я в первый и последний раз ограничиваюсь дисциплинарным взысканием. Приказываю Командиру 1-го Артиллерийского дивизиона арестовать подпоручика Боголюбова на 30 суток с приставлением часового. В будущем все такие случаи будут мною рассматриваться как тягчайшие преступления и виновные будут предаваться полевому суду»¹⁵.

Пьянство было не единственной проблемой в лагере в местечке Скальмержицы. В приказе № 63 по инспекторской части от 11 сентября 1920 г., подписанном сменившим Глазенапа генералом Бобошко, говорится: «По дошедшим до меня сведениям, наблюдаются случаи неуплаты денег чинами Армии местным жителям за забираемый у последних фураж. Неуплата денег при закупке фуража и других предметов довольствия возбуждает местное население против Русских войск, сеет к ним недоверие и вследствие этого затрудняет приобретение довольствия из местных источников. Подобные поступки наносят, следовательно, ущерб интересам снабжения войск, и лица, совершающие их, почитаются мною как присваивающие казенные деньги, данные им для закупки фуража. Кроме того, некоторые чины Армии пытались продавать казенных лошадей местному населению, но, к сожалению, эти лица не выяснены. Дабы подобные случаи, марающие честь и добрую славу Русских войск, не повторялись, приказываю командирам частей командировать за покупкой фуража и прочих предметов довольствия лишь чинов, соответствующих в нравственном отношении, и предупреждаю, что при повторении приведенных выше поступков лица, совершившие их, будут мною предаваться военно-полевому суду»¹⁶.

Незадолго до этого генерал Глазенап уже делал попытку укрепить дисциплину в лагере с помощью суда чести: «Для упорядочения взаимоотношений между офицерскими чинами Армии и поднятия чувства офицерской чести, в значительной степени ослабленного обстоятельствами переживаемых событий, нахожу необходимым немедленно же установить в Армии, как временную меру, учреждение судов чести для разбора дел, не подлежащих действию законов уголовных, но изобличающих в офицере отсутствие правил нравственности и благородства...»¹⁷. В сложившихся обстоятельствах данная мера оказалась малоэффективной и не принесла желаемых результатов. Следующим шагом Глазенапа было издание приказов, призванных ускорить работу военно-полевых судов.

Немаловажную роль в падении авторитета командования, а, следовательно, и снижении дисциплины в войсках играли существовавшие в рядах руководства армии противоречия. С молчаливого согласия Савинкова польское правительство проводило активную агитационную работу внутри отрядов, рассчитывая на поддержку со стороны офицеров и солдат своих далеко идущих планов. Денег на эти цели не жалели, в отличие от лошадей

и вооружения для снаряжения русских военных формирований. Для подрывной деятельности вербовали русских офицеров. Доказательством тому служит рапорт полковника Соболевского командующему русскими вооруженными силами на территории Польши от 25 августа 1920 г.: «24-го сего августа в частной беседе прапорщик I-го Стрелкового полка Воронцов Вельяминов доложил мне, что накануне он был на обеде, устроенном неизвестным ему господином, именующим себя полковником Гвоздевым.

Мне было еще 23-го известно, что на этот обед приглашались начальники частей, но сами не пошли и только некоторые из них послали вместо себя офицеров. От первого стрелкового полка были посланы штабс-капитан Зиновьев и прапорщик Воронцов-Вельяминов.

Из рассказа прапорщика Воронцова видно, что обед был организован богато с целью произвести эффект.

Хозяевами являлись секретарь Б.В. Савинкова Дикгоф-Деренталь и Гвоздев.

Во время обеда неоднократно подчеркивалось, что необходимо спасти Польшу и отдавать себя на служение ей, что даже вызвало замечание прапорщика Воронцова, что не следует забывать Россию. Тут же показывалась в копии телеграмма Б. Савинкова Генералу Врангелю.

Рассчитывая усердным подливанием вина вызвать офицеров на неосторожные речи, Гвоздев старался быть изысканно любезным хозяином, но, не имея успеха, прибегнул к подкупу и предложил деньги, думая что офицеры способны продать свою порядочность.

С этой целью был вызван в коридор штабс-капитан Зиновьев, которому Гвоздев дал 3000 марок. По возвращении с обеда штабс-капитан Зиновьев эти деньги представил при рапорте Командиру полка.

Впечатление прапорщика Воронцова-Вельяминова, что обед носил чисто агитационный характер, и что Гвоздев лишь рабски выполнял волю пославших его людей»¹⁸.

Агитацию, разлагающую личный состав формирований, проводили не только польские власти, но и большевики. Генерал Глазенап был крайне обеспокоен сведениями о проникновении большевицкой пропаганды на территорию лагеря: «До нашего сведения дошло, что за последнее время в распоряжение нашего лагеря под разными предложениями начали проникать темные личности, ведущие пропаганду чисто большевистского характера, настраивая подчиненных против начальников, подрывая недобросовестными сообщениями авторитет последних, ради каких-то таинственных целей. Не знающие в своем рвении удержу, пропагандисты доходят до такой смелости, что позволяют себе выпады против признанного Русского Главы Генерала Врангеля. Мы собрались сюда совершенно добровольно, во имя любви к России объединенные сознанием необходимости совместной со всеми борьбы с угнетающими ее коммунистами. Никакая пропаганда, никакая агитация не смогут поколебать наших выстраданных убеждений, но я не хочу, чтобы честные русские патриоты-офицеры и солдаты – столько крови пролившие за освобождение России, жили бы под одной крышей и дышали бы одним воздухом с людьми, потерявшими совесть, честь и любовь к Родине и готовыми работать на кого угодно, лишь бы тот, на кого они работают, платил.

Приказываю всех агитаторов и пропагандистов, будь то офицер или солдат, или штатский, мужчина или женщина, арестовывать и, по произволу донесения, препровождать Польскому Команданту, которого я буду просить объединить этих почтенных людей, гуляющих пока на свободе, с их товарищами по работе [–] коммунистами, сидящими уже за проволокой. Лиц, не имеющих удостоверения от строевых начальников или от Штаба Армии – в лагерь не пропускать...»¹⁹.

Однако меры, предпринятые Глазенапом для укрепления духа в войсках и прекращения большевицкой агитации, не смогли полностью решить проблему. Агитаторы стали осторожней, но не прекратили своей деятельности.

Между тем процесс формирования III Русской армии затягивался. Савинков планировал к середине лета 1920 г. создать отряд из 9000 добровольцев, 3000 из них должны были набрать в Прибалтике из бойцов бывшей Северо-Западной армии, – 2000 среди русских военнопленных Первой мировой войны в Германии, Чехословакии и Польше, столько же из чинов отряда Бредова и еще 2000 – из пленных красноармейцев²⁰. Однако его надежды в большинстве своем не оправдались.

Низкие темпы работы по формированию частей были продиктованы тремя основными обстоятельствами:

1) ресурсы для комплектования войск на территории Польши были почти исчерпаны (около 3750 человек уже покинули Польшу и воевали в России);

2) польские политические круги неохотно выделяли средства на формирование частей, считая его бесполезным для Польши, а зачастую и опасным;

3) низкая продуктивность вербовки в лагерях интернированных (1550 добровольцев из пяти лагерей, где располагались интернированные из группы Бредова).

Основных успехов вербовщики добились в четырех лагерях военнопленных, где поляки разрешили проводить агитацию, и в Прибалтике, где было около 7000 человек, желающих поехать в Польшу (из кадров Северо-Западной армии). Однако и здесь пришлось столкнуться с трудностями. В Польше лагерная администрация препятствовала высылке завербованных из-за нехватки людей в рабочих отрядах, а в Прибалтике общественность выступила против содействия организации Савинкова.

Ко 2 октября 2-я стрелковая дивизия только начала формироваться. В трех полках отдельной казачьей дивизии генерала Трусова насчитывался 2091 человек. Дивизия была плохо экипирована и обучена, поэтому продолжала подготовку к военным действиям. 1-я стрелковая дивизия генерала Бобошко имела в своем составе 3414 человек²¹. К августу 1920 г. в состав Партизанской дивизии Балаховича вошли: 1-й Партизанский, 2-й Псковский, 3-й Островский и 4-й Вознесенский пехотные и 1-й конный полки. Войска Балаховича совместно с поляками захватили 21 сентября Минск, где находился штаб 4-й советской армии, за что были удостоены статуса «Особой союзной армии». К началу ноября они насчитывали 14 500 штыков и сабель²².

Бригада есаула М. Яковлева, в которую вошли Сводный Донской и Терский казачьи полки и Донская конная батарея, действовали как самостоятельная союзническая часть, не подчиняясь польскому командованию. «Боевое крещение она получила 27 августа, действуя против 1-й Конной армии. Бригада находилась на фронте вплоть

до начала октября, когда она была выведена в тыл для реорганизации, в ходе которой Яковлев развернул ее в дивизию»²³.

3 ноября приказом по III Русской армии, подписанным генералом Б.С. Пермикиным (в источниках его фамилия часто пишется как «Перемыкин»), было объявлено, что «4 ноября войска Армии вступают в район расположения вооруженных сил Украинской Республики. Напоминаю всем чинам Армии, что Украинская Республика дружественна нам и что ее Армия будет сражаться бок о бок с нами против нашего общего врага – большевиков»²⁴. 26 ноября приказом за № 0204 по войскам действующей армии Украинской Народной Республики было отмечено: «В боях вверенной мне Армии, начиная с 13 сего ноября, приняли самое деятельное участие части 3-й Русской армии (1 Стрелковая Генерала Бобошко и Сводно Казачья Генерала Трусова Дивизии) в наступлении на с[ело] Женишковцы, которое было ими занято, в дальнейшем овладении м[естечком] Етушково, и после того в боях против противника, ведшего энергичное контрнаступление на указанные пункты. В нанесении противнику серьезных потерь, захвате трофеев и тягости отступления последних дней, – во всем этом приняли участие части 3-й Русской Армии совместно с частями Армии Укр[аинской] Нар[одной] Республики до 20 ноября с.г., когда начался отход на Запад за линию реки Збруча»²⁵.

Итак, к моменту подписания советско-польского перемирия части III Русской армии, были спешно вывезены на Украину, где совместно с Украинской армией им предстояло самостоятельно продолжать борьбу с целью облегчить положение в Крыму. Туда же были направлены и казачьи части (за исключением находившихся в подчинении Балаховичу), которые должны были войти в число Сводной Казачьей дивизии. Впереди их ждала нелегкая судьба. Большинство этих соединений не закончили формирования и не были в необходимой степени снабжены современным вооружением. После подписания перемирия они и вовсе стали не нужны польским властям, подверглись интернированию, а затем и расформированию.

¹ Рутыч Н.Н. Белый фронт генерала Юденича. М., 2002. С. 136–137.

² Ковалев Е.Е. Из Польши на Украину // Военная быль. № 27. 1957. С. 14.

³ Там же. С. 14.

⁴ Там же. С. 14.

⁵ БФРЗ. Ф. 3. Оп. 2. К. 3. Ед. 72. Л. 8.

⁶ Там же. Ед. 71. Л. 9.

⁷ Алексеев Д.Ю. Б.В. Савинков и его деятельность по формированию русских войск в Польше в 1920-м году // Вестник молодых ученых. Исторические науки. № 5. 1999. С. 74.

⁸ Там же.

⁹ БФРЗ. Ф. 3. Оп. 2. К. 3. Ед. 71. Л. 14.

¹⁰ Там же. Л. 10.

¹¹ Там же. Л. 15.

¹² Алексеев Д.Ю. Указ. соч. С. 76.

¹³ Там же. С. 77.

¹⁴ БФРЗ. Ф. 3. Оп. 2. К.3. Ед. 66. Л. 1.

¹⁵ Там же. Ед. 68. Л. 36.

¹⁶ Там же. Л. 147.

¹⁷ Там же. Л. 87.

¹⁸ Там же. Ед. 74. Л. 38.

¹⁹ Там же. Ед. 68. Л. 99.

²⁰ Алексеев Д.Ю. Указ. Соч. С. 73.

²¹ Там же. С. 75.

²² Там же. С. 76.

²³ Там же. С. 76.

²⁴ БФРЗ. Ф. 3. Оп. 2. К. 3. Ед. 66. Л. 14.

²⁵ Там же. Ед. 67. Л. 2.

Чужая война? Новый взгляд на участие русской эмиграции в испанской гражданской войне (1936–1939)

В этом году исполняется 70 лет со дня начала восстания испанской армии против правительства Испанской Республики. Восстание стало началом долгой и кровопролитной гражданской войны, которая, к сожалению, является одной из самых малоизученных войн в истории XX в. Возможно, главной причиной этого стала вскоре начавшаяся Вторая мировая война (1939–1945 гг.), ведь она по своему размаху и количеству жертв намного опередила все другие войны в истории человечества.

17 июля 1936 г. части испанской Африканской армии подняли вооруженный мятеж против республиканского правительства Народного фронта. Во главе восставших стояли известные генералы Санхуро, Мола и Франко. К Африканской армии присоединились гарнизоны в метрополии, а также испанские монархисты и фашисты. Вскоре генерал Франсиско Франко стал безусловным лидером восстания и восставших стали называть франкистами.

Верность республике сохранила небольшая часть испанской армии, почти весь военно-морской флот Испании и большая часть военной авиации. На защиту республики встали испанские анархисты и марксисты из ПОУМ. Первыми иностранцами, вступившими в республиканскую армию, стали спортсмены-рабочие, прибывшие на Рабочую Олимпиаду в Барселону. Из-за мятежа Олимпиада не состоялась, но ряд спортсменов-социалистов организовали 8 иностранных подразделений в составе республиканской народной милиции¹.

В годы Гражданской войны на испанской земле с новой силой разгорелась смертельная схватка между коммунизмом, социализмом и анархизмом, с одной стороны, и монархизмом, национализмом и фашизмом, с другой. Взоры всего мира были прикованы к Пиренейскому полуострову – война в Испании никого не оставила равнодушным. Различные государства поддерживали одну из воюющих сторон: страны с левыми режимами и правительствами встали на сторону Испанской Республики, а тоталитарные государства с правыми режимами поддержали восставших националистов. Из-за границы в Испанию прибывали не только грузы и гуманитарная помощь, но и иностранные добровольцы.

Иностранные добровольцы в республиканской армии служили преимущественно в составе т. н. Интернациональных бригад, а иностранные добровольцы в армии националистов – в составе испанского Иностранного легиона и в различных милицеских частях. Одним из парадоксов этой войны стало то, что комплектование иностранными гражданами Интернациональных бригад и Иностранного легиона происходило на основе одного и того же указа от 28 января 1920 г. «О создании Иностранного легиона»².

Во время войны в Испании оказалось небольшое количество наших соотечественников, из числа тех, кто ушел в вынужденное изгнание после окончания Гражданской войны в России. Некоторые из них оказались в рядах республиканской армии. Русские эмигранты, вступившие в годы войны в республиканскую армию, ассоциировались у испанцев с советскими военными специалистами, прибывшими в Испанию по заданию советского правительства, и потому их называли «лос рохос» – красные.

Другие белоэмигранты, за 16 лет изгнания не смирившиеся с коммунизмом, вступили в ряды армии генерала Франко. Испанцам, видевшим военную помощь Советского Союза и далеко не всегда знавшим о русском зарубежье, трудно было понять присутствие русских на стороне националистов. Однако вскоре испанцы смогли понять разницу между советскими и русскими добровольцами и стали называть последних «руссо бланко» – белые русские.

Как же могло случиться, что через 16 лет после окончания Гражданской войны в России русская эмигрантская диаспора разделилась на красных и белых? Чем стала Гражданская война в Испании для русских изгнанников? Была ли она для них чужой или стала продолжением Гражданской войны в России?

Участие русских эмигрантов в испанской Гражданской войне в последнее нашло заметное отражение в исторической науке³. Несмотря на большую исследовательскую работу, проведенную отечественными историками, некоторые аспекты участия русских эмигрантов в испанской войне еще не освещены должным образом.

В первую очередь это касается численности эмигрантов, принявших участие в войне. Большая часть историков, изучавших службу эмигрантов в армии националистов, определяет численность русских добровольцев в армии Франко в 72 человека. Количество эмигрантов в республиканской армии колеблется у разных авторов от пятидесяти человек до нескольких сотен. К наименее освещенным аспектам участия эмиграции в испанской войне можно также отнести причины, побудившие русских эмигрантов вновь взяться за оружие и считать испанскую Гражданскую войну своей.

К середине 1930-х гг. очаги русской эмиграции рассеялись по всему миру, наиболее многочисленные колонии бывших подданных Российской империи существовали во Франции, Германии, на Дальнем Востоке и Балканах. Количество русских эмигрантов, постоянно проживавших в эти годы в Испании, на взгляд автора данной статьи, не превышало и 200 человек.

Некоторое количество русских эмигрантов, бывших военнослужащих белых армий, вступило в испанский Иностраный легион еще задолго до начала Гражданской войны в этой стране. Уже в 1925 г. один из функционеров РОВСа генерал А.В. Туркул пытался определить на службу в испанский Иностраный легион большую группу чинов своего Дроздовского объединения⁴. Однако негативное отношение генерала Врангеля к этой инициативе помешало массовой вербовке русских в легион. Но русские в испанском Иностранном легионе все же были. Достоверно известно о вступлении в легион нескольких офицеров русской авиации, отличившихся в годы Первой мировой и Гражданской. Существует, правда, и прямо противоположное мнение о числе эмигрантов в Ино-

странном легионе. Один из очевидцев событий – испанский профессор Е. Афенио в интервью харбинской газете «Наш путь» рассказал о том, что русские составляли самый большой процент служащих в Иностранном легионе, и что восстание вспыхнуло в Мелилье и Сеуте, где «стояли части исключительно состоявшие из русских эмигрантов»⁵. Не вызывает сомнения, что части легиона, «состоявшие из русских эмигрантов», являются безусловным преувеличением, но интервью профессора заставляет нас предполагать о заметном числе русских в легионе уже накануне восстания.

При подсчете общего количества русских добровольцев в армии Франко принято руководствоваться фундаментальным трудом участника событий А.П. Яремчука, содержащим поименный список русских добровольцев⁶. Используя работу этого автора, отечественные исследователи упускают из виду информацию, почерпнутую Яремчуком из советской газеты, в которой была опубликована статья Кольцова, содержащая список из 128 эмигрантов в армии Франко⁷. Кроме того, в настоящее время появилась возможность воспользоваться зарубежными источниками и архивными документами. Результатом этого стали дополнительные сведения о русских добровольцах, сражавшихся на стороне генерала Франко. В испанских архивах были обнаружены новые сведения о службе 12 русских добровольцев в составе Итальянского корпуса добровольческих войск⁸. В фондах отечественных архивов найдена информация о двух отрядах эмигрантов, сформированных в Германии для отправки в Испанию⁹.

Завышенное число русских эмигрантов в республиканской армии впервые появилось в воспоминаниях советских военспецов. Так, А.А. Ветров в своих воспоминаниях рассказывает нам о том, что «в республиканской армии сражались сотни русских эмигрантов»¹⁰. Приняв воспоминания советских военспецов за основу, некоторые отечественные авторы увеличили количество эмигрантов в республиканской армии до тысячи человек¹¹. Для установления истинного числа эмигрантов-республиканцев вновь обратимся к архивным документам.

В аналитической справке штаба интернациональных бригад от 1 мая 1938 г. говорится о наличии лишь 80 русских эмигрантов в составе интернациональных бригад на тот момент¹². Этот же документ указывает и общее число «русских» эмигрантов, прошедших через интербригады в период с июля 1936 г. по апрель 1938 г. включительно – всего 340 человек. При этом в число русских добровольцев были включены еврейские волонтеры из Палестины, а также польские и украинские добровольцы. Вероятно, знание русского языка вышеуказанными группами лиц и стало причиной для записи их в категорию русских добровольцев.

Итак, попытаемся подвести итоги. Архивные документы позволяют нам предположить, что общая численность эмигрантов, сражавшихся за Франко, составляла около 150–170 человек, а численность русских эмигрантов в республиканской армии вряд ли превышала 100–150 человек.

Отношение русской эмиграции к Гражданской войне в Испании было неоднозначным. Симпатии правых были целиком на стороне Франко, а левые поддержали испанских республиканцев. Но было у всех эмигрантов и нечто общее – все они рассматривали противостояние в Испании сквозь призму Гражданской войны в России. Бывший глава Временного правительства А.Ф. Керенский в своих статьях сравнил восстание генерала Франко с выступлением генерала Корнилова в 1917 г. Генерал-лейтенант Е.К. Миллер – руководитель Русского Обще-Воинского союза, крупнейшей эмигрантской военной организации, вообще считал испанскую войну «продолжением нашей Белой борьбы»¹³. Вскоре с легкой руки русских эмигрантов-журналистов, восставших испанских националистов стали называть «белыми», а территорию занятую ими – «Белой Испанией»¹⁴.

Большую часть русских добровольцев в армии националистов составляли активисты РОВСа, в прошлом офицеры белой армии, сражавшиеся преимущественно на юге России. Большинство добровольцев, вступивших в республиканскую армию, были членами «Союза возвращения на Родину», являвшегося филиалом французской коммунистической партии и советского ГПУ. Среди эмигрантов-республиканцев было немного бывших офицеров белых армий, преобладали, в основном, молодые люди (среди них был даже сын Бориса Савинкова – Лев Савинков), родившиеся или выросшие уже за пределами России. Существуют и информация о бывших чинах Русского экспедиционного корпуса во Франции, служивших в составе интербригад¹⁵.

Среди русских эмигрантов, прибывших в Испанию, наряду с идеалистами, были и откровенные авантюристы, и даже обыкновенные наемники. К примеру, 6 летчиков-белоэмигрантов вступили в республиканскую эскадрилью «Эспанья» сформированную известным французским писателем Андре Мальро из европейских наемников. Зарплата этих авиаторов составляла 50 000 французских франков в месяц¹⁶, в то время как русские добровольцы на офицерских должностях в иностранном легионе получали всего лишь 1200 испанских песет (около 1800 французских франков по тогдашнему курсу) в месяц¹⁷.

Моральные аспекты вступления эмигрантов во враждующие армии также очень интересны. Большинство эмигрантов в лагере националистов считали что, сражаясь с левыми в Испании, они приближают час освобождения своей Родины от коммунистов. Через 15 лет изгнания им вновь представилась возможность сразиться с

**Богослужение Русского отряда Терсио
Донна Мария де Молина. Эль-Конгадеро,
октябрь 1938 г.**

врагами, лишившими их Отечества. Служба в армии Франко для русских добровольцев была мотивирована ненавистью к коммунизму, желанием бороться с ним, и не допустить дальнейшего распространения марксистских идей в Европе.

Среди русских эмигрантов-республиканцев наиболее идейными были члены «Союза возвращения на Родину», отправлявшиеся в Испанию бороться с фашизмом. «Беспартийные» эмигранты, вступая в республиканскую армию, надеялись своей доблестью заслужить право возвращения на Родину – в СССР. Причем это отмечали даже иностранные журналисты-современники, писавшие об Испании¹⁸. Еще одну интересную деталь облика эмигрантов-республиканцев отмечают как советские, так и эмигрантские источники. Речь идет о глубоком внутреннем надломе, произошедшем в душе этих эмигрантов. Примирившись с советской властью, они желали лишь одного – возвращения на Родину. Однако большая часть русской эмиграции не поняла трагедии этих людей и считала их предателями и изгоями. Один из офицеров-эмигрантов так охарактеризовал своего родного брата, отправившегося в республиканскую Испанию: «Он в Париже отбил от рук, вел знакомство со всякой сволочью и вот результат»¹⁹.

Для вступления во враждующие армии многим эмигрантам пришлось проделать нелегкий путь. Трудности встречали наших соотечественников уже при сборе необходимых документов. Так, для добровольцев, отправляющихся в армию франкистов, непременным условием было наличие Нансеновского паспорта и сертификата, подписанного генералом Миллером. Нансеновский паспорт требовался для оформления виз, а сертификат, выдаваемый руководителем РОВСа по рекомендации начальника отдела РОВСа или председателя организации, входящей в РОВС, был свидетельством благонадежности²⁰. Первые русские добровольцы, отправлявшиеся в армию Франко, смогли избежать этой волокиты, нелегально перейдя франко-испанскую границу с помощью контрабандистов. После закрытия Францией своей границы с Испанией всем русским добровольцам-националистам из этой страны пришлось пробираться в армию Франко нелегально.

Эмигрантам-республиканцам тоже требовалось пройти проверку на благонадежность – представить рекомендации от членов французской компартии или пройти собеседование с функционерами «Союза возвращения на Родину». Однако французское правительство не чинило препятствий добровольцам, отправлявшимся на защиту Испанской Республики. Их отправка проходила совершенно легально и с большим размахом – для добровольцев бронировались пароходы и целые поезда. Так, небольшая группа русских эмигрантов в октябре 1936 г. отправилась в Испанию на поезде вместе с другими иностранными добровольцами²¹.

Чужая гражданская война разделила теперь уже русскую эмиграцию на белых и красных. Весь трагизм новой братоубийственной войны наглядно продемонстрировало то, что в годы испанской войны 3 русских генерала-эмигранта находились в армии Франко и 3 – в армии республики. На примере генеральских судеб мы постараемся проследить участие русской эмиграции в испанских событиях.

Одним из первых русских добровольцев в армию генерала Франко прибыл генерал-майор Анатолий Владимирович Фок (1879–1937 гг.). Гражданскую войну генерал Фок закончил в должности инспектора артиллерии 2-го армейского корпуса. Вместе с Русской армией Врангеля генерал пережил «галлиполийское сидение» и затем поселился в Болгарии. Вскоре обстоятельства вынудили его переехать во Францию, где он стал играть заметную роль в руководстве РОВСа.

Будучи сторонником активной борьбы с коммунизмом генерал Фок участвовал в т. н. «бунте маршалов» – выступлении генералов 1-го армейского с требованием усилить антисоветскую деятельность РОВСа. Перед испанской войной генерал Фок покинул ряды РОВСа²². С началом испанской войны он отправился в армию националистов. Сначала был зачислен в состав отряда испанских монархистов – карлистов терсио Зумалакареги, а потом перешел в терсио Донна Мария де Молина, где был сформирован русский отряд. 25 августа 1937 г. две роты терсио Донна Мария де Молина были окружены республиканцами у местечка Кинто де Эбро. В составе этих рот находились А.В. Фок и штабс-капитан Яков Тимофеевич Полухин. Карлисты упорно оборонялись в течении двух недель, они понесли тяжелые потери и из окружения смогло прорваться лишь 45 человек. Генерала Фока и штабс-капитана Полухина среди них не было...

Следующим русским генералом, прибывшим в армию Франко, был Николай Всеволодович Шинкаренко (1890 г. р.). В годы Гражданской войны в России он стал блестящим кавалерийским военачальником, командовал 2-м конным полком, 2-й отдельной конной бригадой, Туземной дивизией²³. Перед испанской войной генерал Шинкаренко проживал во Франции и занимался литературной деятельностью. В конце 1936 г. он пробрался в Испанию и вступил в испанский иностранный легион в звании лейтенанта. Служа в 9-й бандере (батальоне) легиона Шинкаренко, был серьезно ранен в голову. Выйдя из госпиталя в феврале 1939 г., определен на службу в штаб генерала Варелы в Теруэле²⁴. После окончания войны генерал Шинкаренко, как и другие русские добровольцы армии Франко, получил испанское гражданство. Испанский подданный Н.В. Шинкаренко скончался 21 декабря 1969 г. в Сан-Себастьяне, оставив после себя богатое литературное наследие.

Намного меньше известно об участии в испанских событиях генерал-майора Северо-Западной армии Станислава-Марии Никодимовича Михайловича Булак-Балаховича (1883–1940 гг.). Но жизнь этого человека всегда была окружена загадками и легендами.

Генерал Фок
перед войной
в Испании.
Франция,
1930-е гг.

Генерал Шинкаренко
в форме испанского
Иностранного
легиона. Октябрь
1937 г.

По версии некоторых историков генерал Булак-Балахович, ставший к этому времени бригадным генералом польской армии, прибыл в Испанию в качестве представителя польской военной миссии и специалиста по партизанской войне. Однако отсутствие документального подтверждения его пребывания в Испании заставляет многих историков скептически относиться к этой версии.

Менее таинственно выглядит участие в испанской войне генерал-майора Николая Владимировича Скоблина (1893–1938 гг.). Генерал Скоблин был последним командиром знаменитой корниловской дивизии, а в эмиграции стал одним из ведущих функционеров РОВСа. Вместе с генералом Фоком он участвовал в «бунте маршалов» и требовал активных антисоветских действий. Несмотря на это, Скоблин уже с 1931 г. тесно сотрудничал с советской разведкой и вел работу по разложению РОВСа. Вместе с генералами Фоком и Туркулом в феврале 1935 г. он участвовал в «бунте маршалов» и требовал активной вооруженной борьбы против СССР.

С началом испанского восстания генерал Миллер планировал поручить связь с генералом Франко Скоблину, однако последний сумел увильнуть от этого поручения и эмиссаром РОВСа стал генерал П.Н. Шатилов (1881–1962 гг.). В сентябре 1937 г. генерал Скоблин оказался замешан в похищении генерала Миллера. Именно Скоблин выманил генерала Миллера на встречу с советскими разведчиками. Французская полиция сумела арестовать лишь супругу Скоблина, а ему самому с помощью советской разведки удалось бежать в Испанию.

На этом приключения Скоблина не закончились. Вместе со своими новыми советскими товарищами он участвовал в создании республиканских партизанских отрядов и даже принимал непосредственное участие в некоторых диверсионных операциях в Каталонии и Валенсии. Погиб генерал Скоблин в 1938 г. при бомбардировке Барселоны²⁵.

В испанские события оказался вовлечен и один из руководителей Корпуса Императорской армии и флота (КИАФ) генерал-майор Генерального штаба Павел Павлович Дьяконов (1878–1943 гг.) при Керенском был помощником русского военного атташе в Великобритании. Перебравшись в Париж в мае 1922 г., он стал начальником парижского округа этой организации и по совместительству платным агентом ОГПУ с 1922 г.²⁶ В начале 1930-х гг. генерала Дьяконова стали подозревать в связях с советской разведкой. После похищения советскими агентами генерала А.П. Кутепова (1882–1930 гг.) в адрес Дьяконова прозвучали новые обвинения. Генерал отказался от должности начальника округа КИАФ и на какое-то время канул в неизвестность.

В марте 1937 г. генерал Дьяконов объявился в Испании. Разъезжая в машине советского посла, он посещал линию фронта у Мадрида и Арагона. В республиканской Испании был аккредитован в качестве военного корреспондента, а на деле выполнял задания советских спецслужб. В Испании Дьяконов находился до самого конца гражданской войны, а вернувшись во Францию, он даже не скрывал, что был на стороне республики²⁷. После оккупации Франции Германией в 1940 г. Дьяконов был арестован немцами, но затем они передали его советским властям. Скончался генерал Дьяконов в СССР в 1943 г.

Третьим генералом-эмигрантом, служившим в республиканской армии, являлся Андрей Васильевич Есимонтовский. В годы Первой мировой войны он был офицером Императорской гвардии, а Гражданскую войну в России закончил в чине генерал-майора командира Гвардейской дивизии армии Врангеля. В эмиграции генерал Есимонтовский активно участвовал в деятельности различных монархических организаций и не был замечен в связях с советской разведкой. Поэтому для многих эмигрантов служба Есимонтовского в республиканской армии стала неожиданностью. Однако вступление генерала в армию республики было осознанным, и он, вероятно, находился в Испании до конца войны²⁸. Генерал-майор Есимонтовский благополучно пережил Вторую мировую войну и умер после 1947 г.

Участие русских эмигрантов в Испанской войне было обусловлено различными причинами. Ненависть к коммунизму и тоска по Родине, финансовые трудности и жажда приключений – все эти предпосылки привели русских генералов, да и простых эмигрантов на испанскую землю. В независимости от политических убеждений они честно исполняли свой долг. Примером этого может служить геройская смерть генерала Фока на чужой земле, но за свои идеалы...

Генерал Скоблин в форме Корниловской ударной дивизии. Россия, 1919 г.

Генерал Дьяконов перед войной в Испании

¹ Bradley K. The International brigades in Spain 1936–1939. London, 1994. P. 5.

² Между Россией и Сталиным: Российская эмиграция и Вторая мировая война. М., 2004. С. 124.

³ Наумов А.О. Фашистский интернационал. Покорение Европы. М., 2005; Окорочков А.В. Русские добровольцы. М., 2004.; Телицын В.Л. «Пиренеи» в огне. Гражданская война в Испании и советские «добровольцы». М., 2003.

⁴ ГАРФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 3. Л. 270–272.

⁵ Испанское восстание подняли русские эмигранты, чины Иностранного легиона в Марокко // Наш путь. Харбин. 1 августа 1936 г.

⁶ Яремчук А.П. Русские добровольцы в Испании 1936–1939 гг. Сан-Франциско, 1983.

⁷ Там же. С. 51.

⁸ Keene J. Fighting for Franco. International volunteers in nationalist Spain during the Spanish civil war, 1936–1939. NY, 2001. P. 210.

⁹ РГВА. Ф. 33897. Оп. 3. Д. 870. Л. 29.

¹⁰ Ветров А.А. Добровольцы Свободы // Вопросы истории. 1972. № 4. С. 111.

- ¹¹ Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М., 1986. С. 206.
- ¹² РГАСПИ. Ф. 545. Оп. 2. Д. 108. Л. 69.
- ¹³ ГАРФ. Ф. 9116. Оп. 1. Д. 6. Л. 69.
- ¹⁴ См. к примеру Tange N. Red, White and Spain. London, 1937.
- ¹⁵ Телицын В.Л. Указ. соч. С. 284.
- ¹⁶ Платошкин Н.Н. Гражданская война в Испании. 1936–1939 гг. М., 2005. С. 182.
- ¹⁷ ГАРФ. Ф. 9116. Оп. 1. Д. 6. Л. 70.
- ¹⁸ Watson K.S. Single to Spain. London, 1937. P. 104.
- ¹⁹ Яремчук А.П. Указ. соч. С. 2.
- ²⁰ ГАРФ. Ф. 9116. Оп. 1. Д. 6. Л. 74.
- ²¹ Томас Х. Гражданская война в Испании. 1931–1939 гг. М., 2003. С. 278.
- ²² Голдин В.И. Солдаты на чужбине. Русский Обще-Воинский Союз, Россия и Русское Зарубежье – в XX–XXI веках. Архангельск, 2006. С. 737.
- ²³ Волков С.В. Офицеры армейской кавалерии: опыт мартиролога. М., 2004. С. 589.
- ²⁴ Keene J. Op. cit. P. 204.
- ²⁵ Судоплатов П. Разведка и Кремль. М., 1996. С. 45.
- ²⁶ Прянишников Б.В. Незримая паутина. М., 2004. С. 243.
- ²⁷ Граф Г.К. На службе Императорскому Дому России. 1917–1941: Воспоминания. СПб., 2004.
- ²⁸ Окороков А.В. Указ. соч. С. 137.

Тверские купцы о себе и войне 1812 года

О влиянии войны 1812 г. на самосознание русских людей, революционное движение, политику и другие составляющие истории написано чрезвычайно много. В отечественной историографии исследован также вопрос о ее воздействии на развитие русской мемуаристики, выявлены основные параметры эволюции мемуаров, отражающих это событие¹. Однако среди письменных памятников по отечественной истории и по сей день есть множество неопубликованных и мало используемых источников личного происхождения, где содержатся сведения об этом важном событии нашей истории. Часто они не сообщают нам ничего нового о ходе военных действий, но при этом могут стать источником для изучения проблемы «человек и война». Для подтверждения данного тезиса рассмотрим сведения о войне, содержащиеся в дневниках² трех тверских купцов: Блиновых, Томиловых и Тюльпиных³.

В семейной летописи Томиловых военная тема освещается достаточно часто, скорее всего, в силу внимания ее основного автора, Власа Томилова, к внешней политике и симпатии к сильным героическим личностям. Отзвук войны 1812 г. впервые встречаем на первой странице памятника, в записи, датированной 1777 г. В ней сообщается о закладке монумента на Осьмиугольной площади и о том, что он был сломан при принце Ольденбургском «с тем, дабы построить великолепнее и огромнее. Но за смертью его остался не сделанным». При чтении этих строк сразу вспоминается война 1812 г., в ходе которой принц активно занимался деятельностью по созданию ополчений в губерниях Верхневолжья, а в конце 1812 г., заразившись в солдатском лазарете, умер от «злокачественной горячки»⁴.

В дневнике В. Томилова ощущается приближение войны, записи на военные темы, начиная с 1806 г., становятся все более частыми, и за счет этого у читателя нарастает ощущение опасности. Он сообщает об «объявлении войны со Францией» под 1806 г., о формировании и отправлении в поход против французов воинских частей и частей внутренней милиции, о больших сражениях против французов около Кенигсберга, о начале войны с Турцией.

Описания событий 1812 г. сделаны автором явно в конце года, скорее всего, после прощания горожан с принцем Ольденбургским (15 декабря). Автор осмысливает пережитые события с учетом знания итогов их развития. Запись о войне начинается с фразы: «С самого начала сего года войска российские и даже гвардия выступили на границу Пруссии», т.е. в конце года для автора очевидно, что правительство готовилось к войне, ожидало ее. Данная фраза опять-таки свидетельствует о внимании Власа к внешнеполитическим событиям, о хорошей памяти автора; возможно, ее следует рассматривать и как показатель наличия у него каких-то письменных или печатных источников. Далее он вкратце сообщает то, что в общих чертах известно каждому из нас: русская армия «была разделена на трое», а французская численностью 575 тыс. человек «старых и опытных солдат» форсировала реку Неман в четырех местах и т. д. Томилов приводит текст эмоционального царского манифеста с обещанием вести борьбу до полного уничтожения врага и призывом к созданию ополчения, описывает момент появления Кутузова перед войском и реакцию солдат, битву под Бородино, взятие Москвы и т. д.

При описании Бородинской битвы автор акцентирует внимание на ранении Багратиона и сразу вслед за этим начинает рассказывать о его смерти и погребении, цитирует текст эпитафии, вырезанной на надгробном камне⁵. В эпитафии его поразило сопоставление Багратиона с Ахиллесом, греческим героем, погибшим от ранения в ногу. Он явно цитирует ее по памяти, поскольку приводимый им текст местами просто не рифмуется. К слову сказать, это не единственный случай записи стихотворных текстов в дневнике. Любовь к поэзии у Власа соединялась с удачей характера и уважением смелости в других. Свидетельство о ранении и смерти полководца – наиболее эмоциональная часть всей записи о войне. Ничего подобного мы не ощущаем в записи о кончине и прощании с герцогом Ольденбургским, например, хотя автор говорит об общем сожалении по поводу этого. Записки Томилова просто констатируют основные вехи войны, включая события заграничного похода и бегство Наполеона из первой ссылки.

Записи семейной летописи крайне мало сообщают об отношении Томилова к происходящим событиям, в том числе и к войне, лишь в одном случае он определяет действия французов как варварские и выражает сожаление о взятии ими Москвы. Он ничего не пишет о жизни горожан в дни тревожного ожидания возможного появления французов в Твери, поскольку еще 1-го апреля отправился в Санкт-Петербург, где и провел все лето. Его семейство, как и многие жители Твери, спасаясь от опасности, переехало в Бежецк. В октябре туда из столицы приехал и сам Влас. «Тогда в Бежецке граждан наших было очень много, почти по каждой улице было семейства по три», – пишет он. Судя по всему, Томиловы подготовились к выезду из Твери основательно, известно, что они возвращались из Бежецка на 10 подводках.

Записи дневника Блиновых периода войны обезличены и индифферентны к описываемым событиям. И они совершенно не содержат сведений о жизни этой семьи, города и горожан в течение сентября – октября 1812 г. Обратим внимание на отбор фактов для фиксации и приемы описания событий, относящихся к 1812 г., в дневнике Блиновых. В нем описаны работы по благоустройству, начатые 1 июня, но нет записи о нападении Франции на Россию двенадцать дней спустя. Сведения о войне даны очень сжато и сводятся к следующему: «1812-го года сентября 3-го дня вошел в Москву француз и был в Москве по октябрь 11-е число и вышел из Москвы, а Москву все выжег, а Кремль подорвал и стены и прочие строения, а из Москвы доходил до Дмитрова и от Клина верст за 20 к Москве». Далее следует указание на то, что в декабре «совершенно выгнали француза из России за границу» и русская армия вышла за границы империи. Эти лаконичные записи сделаны, по-видимому, Иовом Блиновым: они вполне соответствуют стилю его письма⁶. Затем идет пространная запись о прощании с принцем Георгием.

Если в дневниках Томиловых и М. Тюльпина сведения об этом событии уместаются в полторы строки, то у Блиновых ему отведено больше места, чем описанию всей войны. Есть основания думать, что запись об этом сделана рукой Петра Блинова. В ней, как и в других записях, принадлежащих ему, много внимания уделяется внешней стороне происходящего: цвету одежды, отделке обрядовых принадлежностей. В частности, он сообщает, что «гробница вызолочена», что гроб везли «6 лошадей, покрытые черным сукном» и т.д. Некоторую сентиментальность Петра выдают и последние строчки записи: «А княгиня (Екатерина Павловна. – *Н.С.*) поехала сего же числа прежде в 7-м часу по полуночи, а маленькие князья повезены за 3 дня вперед в Петербург». Несомненно, за этими строчками стоят размышления о судьбе молодой вдовы и ее маленьких детей, о трудностях зимнего пути, который должны проделать они, чтобы окончательно проститься с мужем и отцом в Петербурге.

Едва ли не полной противоположностью запискам Томилова и Блиновых является дневник другого тверяка – Михаила Тюльпина. Большая эмоциональность, внимание к событиям частной жизни, к чувствам людей и их поведению в дни опасности отличают его сочинения от большинства других, датированных первым тридцатилетием XIX в. Среди множества военных событий 1812 г. он касается лишь главных, тех, которые создали ситуацию тревоги и опасности для него и его семьи: нападение французов, взятие Москвы, оставление Наполеоном нашей столицы. Ни Тарутинский маневр, ни отступление неприятеля, сопровождаемое битвами, ни тем более заграничный поход не привлекают его внимания, вероятно, потому, что непосредственная опасность для Твери, а значит, и его семьи, в период, когда эти события проходили, уже миновала.

Однако сообщения М. Тюльпина несут на себе печать большой эмоциональности автора. М. Тюльпин не ограничивается общей оценкой действий врагов как варварских, как это делает В. Томилов. Описывая первые дни войны, он с возмущением сообщает: «Убийства, пожары и опустошения следовали по стопам его, разграбленные храмы имущества, сожженные города и села и прочия селения, поруганные храмы и алтари Господни, и вся их драгоценная и священная утварь оным святотатцем похищена. Все неслыханные доселе неистовства и лютости со вторжением его алчности в российские пределы вскоре зверством и ненавистью и безсовством исполнены». Глубочайшее возмущение вызывает у него слух о том, что французский император, оказавшись в Москве, «повелевает... русских обоюга пола, не разбирая ни состояния ни лет употреблять вместо лошадей».

Осмысливая случившееся, Тюльпин пытался понять причины, приведшие к беде. И именно с причин он начинает описание войны. «12 июня, попущением Божиим, грех наших ради, император французов, собрав многочисленные силы разных держав... двинулся он внутрь земли нашей». Воинская мощь Франции и попущение бога, ставшее следствием грехов народа, так он видит причины, но на первом месте стоит «попущение Божие».

М. Тюльпин – сын священнослужителя – был человеком глубоко и искренне религиозным, убежденным, что все делается по воле божьей. Не считая необходимым сообщить о битвах, в том числе Бородинской, он фиксирует многочисленные церковные обряды и ритуалы, совершаемые в городе в дни опасности во имя победы. По его сведениям, в течение июня в Твери совершались крестные ходы, прошла всенощная святому благоверному князю М. Тверскому, ежедневно перед обедней совершались «молельбы с коленопреклонением и особою молитвою о победе». Кроме этого «доброхотные датели пожелали, чтобы каждый день с вечера была отправляема всенощная».

Тюльпин свидетельствует о панике, начавшейся в городе после 24 июня. Без сомнений он связывает ее с отъездом в Ярославль Екатерины Павловны с супругом. Они уезжали открыто, с колокольным звоном. Сразу после записи об этом следует фраза: «По случившимся здесь таковым причинам народ пришел в немалое смущение о быстроте неприятеля и начал мало-по-малу отсюда выезжать». В таком контексте отъезд четы Ольденбургов воспринимается как повод для паники. Тюльпин пишет, что горожане «с великою поспешностию смотря друг на друга, кто водою, другой на конях за великую цену отправлялись отсюда, забрав что получше». Отъезд царственной четы, кажется, не понравился Тюльпину, в его глазах он оказался тем более не оправданным, что опасность-то обошла город стороной. Возможно, что поспешный отъезд принца с семейством не лучшим образом повлиял на их репутацию у горожан: уж очень скупо и Тюльпин, и Томилов пишут о прощании с герцогом.

Сам Тюльпин со своей семьей уехал из города 6 сентября. Запись об отъезде следует за известием о том, что Наполеон вошел в Москву. Только падение столицы и слухи о бесчинствах, которые там творились, кажется, лишили Михаила остатка мужества, душевных сил и надежды.

Тюльпин не избегает изображений низменного в человеке, часто проявляющегося в дни большой опасности, и не скрывает отрицательного отношения к его проявлениям. Чувствуется, что поведение многих горожан не соответствовало его представлениям о патриотизме, порядочности и других добродетелях. Величайшей ценностью для этого человека была семья, и поэтому распространенные в тот период ситуации, когда «оставлял отец сына, сын отца, мать дочь» и т.п. он оценивает как «печальные». На фоне многочисленности подобных случаев он не мог не испытывать чувство удовлетворения оттого, что его семья не развалилась в эти сложные дни. Все, кроме Никифора, оставленного для охраны дома, уехали, но уехали вместе, несмотря на то, что кроме своих лошадей пришлось нанять за очень большие деньги еще двух. О том, как важна для Михаила семья, свидетельствует множество записей, отражающих этапы ее воссоединения после того, как исчезло ощущение неизбежности появления французов в Твери. Первым, 9 сентября, в город вернулся сын Дмитрий, затем сам Михаил с невесткой и двумя внуками, и когда 21 сентября в город привезли «хозяйку» – жену Михаила, он явно с чувством облегчения и удовлетворения записывает: «И так все наше семейство собралось».

Другие горожане в середине месяца также потянулись в родной город, и Тюльпин, имеющий склонность к психологическому анализу, пытается понять причины их возвращения в ситуации, когда исход событий еще не ясен. Он пишет: «И так мы проживали здесь, ни надежды, ни опасности не имели, и жители как разъезжались, так помалу и собирались, смотря один на другого, кто от издержки, другой от скуки...».

Интерес к постижению «другого», стремление проникнуть «в чужую одушевленность» проявляется и в записи, датированной третьим сентября, констатирующей въезд Наполеона в Москву. Тюльпин пишет: «Наполеон

въехал в Москву безо всякой ему оказии встречи, при чем очень огорчился, видя, что все улицы пусты. Ожесточенный до крайности, Наполеон повелевает...». И хотя в данном случае он указывает источник своей информации⁷, но сам факт, что, делая выписку, он не упустил терминов, передающих настроение, очень важен для понимания личности самого Тюльпина.

У каждого из авторов рассматриваемых памятников есть свой герой войны 1812 г., его выбор также дает основания для суждений о жизненных ценностях авторов дневниковых записей. Если в контексте записей дневника Блиновых о войне героем оказывается принц Ольденбургский, который умер, посещая раненых в лазарете, а в повествовании Томилова героем представлен Багратион, то в рассказе Тюльпина о войне таковым является Григорий Афанасьевич Аваев. Он приютил на своей ветхой отдаленной мельнице более тридцати человек и содержал их на «благотворительном иждивении» в дни опасности. «Да воздастся ему за оное от господа бога!» – надеется или просит Тюльпин⁸.

В дневниках Блиновых и Томиловых свидетельств понимания авторами взаимосвязи человеческой жизни и событий крупного исторического масштаба гораздо меньше. У Власа Томилова в качестве показателя такового может рассматриваться смерть Багратиона, у Блиновых – вскользь упомянутый факт ухода в поход Тимофея – внука Иова Блинова, отданного в рекруты в конце 1812 г. И наконец, зафиксированный всеми факт смерти принца. Констатируя его, никто из авторов не указывает ее причины, но сам факт, что все они сообщают об этом, завершая описание событий войны, говорит, что в их сознании причиной его смерти была именно война. Как видим, у Томилова и Блиновых взаимосвязь выявляется только на уровне исторически значимых личностей и их участия в исторически значимых событиях. Проблема «маленький человек и война» Томилова не занимает вовсе, дневник Блиновых несет крупницы информации на этот счет: к сообщению о прощании с принцем, в котором ощущается сочувствие семье покойного, присоединяется факт констатации ухода Тимофея, который несет в себе некую тревогу, обычную для людей всех времен и народов в ситуации проводов на войну.

Описание авторами дневников войны 1812 г. и других военных событий, связанных с ней, также позволяет сказать, что уровень исторического сознания их авторов был различным. Часто упоминая полководцев, битвы, обозначая активность властей, Влас Томилов заявляет о себе как человек, если не глубоко убежденный, то склонный считать, что история делается людьми. Не случайно он приводит текст царского манифеста, где провозглашается борьба до победного конца, т.е. воля императора, не случайно он много говорит о создании ополчений как реальной силы, способной противостоять врагу. Тюльпин же уповает на бога, отсюда многократное упоминание им церковных обрядов и церемоний с мольбой о победе. Ее просят, вымаливают у бога, и в то, что именно бог может помочь, верит не только Тюльпин, но и «доброхотные датели», благодаря деньгам которых церковные молитвы о победе шли в городе постоянно.

Ощущение Тюльпиным зависимости от воли бога является ведущим мотивом в описании им войны, и это – важный факт не только для понимания мировоззрения автора, но и для анализа уровня развития мемуаристики и исторического сознания в нашей стране в начале XIX в. Тюльпин не упоминает ни имен полководцев, ни битв, в которых большое значение имеют ум, воля, смелость, храбрость и другие человеческие качества. Это не случайно, тем самым он отказывает личности в возможности влиять на исторический процесс. Однако при этом всем своим повествованием в целом автор подводит нас к мысли, что в устройстве жизни семьи, некоего неформального объединения людей, собравшихся на мельнице купца Аваева в период, когда опасались, что Наполеон войдет в Тверь, воздействие личности на ход вещей может быть достаточно сильным. Изложение построено так, что понимаешь, именно благодаря личности самого Тюльпина его семья не распалась, а душевная щедрость Аваева помогла большому количеству людей, а отъезд принца Ольденбургского с семьей в период опасности посеял в городе панику. Тюльпин не ощущает себя «активным элементом истории», как некоторые другие мемуаристы из его современников, но мы, читая его дневник, понимаем, что он занимал активную жизненную позицию, осознавал, что, пусть и в ограниченных рамках, но человек сам строит свою жизнь, в целом неотделимую от жизни страны и зависящую от воли божьей. И если уж бог послал кару (испытание), то нужно выдержать ее с честью и в соответствии с заповедями христианства.

Интересно также проследить выбор каждым из авторов источников для своего повествования и тех мест, которые они используют, это дает материал о специфике понимания ими причинно-следственных связей. Мы сформулируем лишь некоторые суждения на этот счет, которые требуют дополнительной проверки.

В основе сообщений всех наших авторов о событиях октября лежит, по всей видимости, один и тот же источник. Тюльпин, единственный из авторов, называет его – «печатное объявление от генерал-майора Иловайского» – и цитирует. «Неприятель, теснимый и вседневно поражаемый нашими войсками, вынужден был очистить Москву 11 октября, но убегая, умышлял он поразить новою скорбию христолюбивый народ русский, взорвав подкопами Кремль и божии храмы, в коих почивают тела угодников. Дивен Бог во святых Его!...» – восклицает М. Тюльпин, с удовлетворением констатируя, что попытка взорвать святыни не удалась. Томилов, основываясь, скорее всего, на том же первоисточнике, пишет: «Октября 12 французы теснимы будучи со всех сторон войсками и жителями, а равным образом голодом и служею, оставили Москву подорвав прежде Кремлевые стены и Арсенал...». Далее речь идет о потерях французов в октябре. Текст дневника Блиновых о событиях октября близок к процитированному началу текста Власа Томилова, но только этим и ограничивается. У Блиновых, в отличие от Тюльпина, не акцентируется внимание на сохранности церквей, хотя Блиновы тоже были людьми чрезвычайно набожными. Подчеркивая, в отличие от других авторов, сохранность христианских и государственных святынь, Тюльпин явно расценивает этот факт как символ нерушимости православного государства, защищаемого покровительством божьим.

Памятники личного происхождения, возникшие в среде купечества провинциальных городов России и хронологически связанные с периодом Отечественной войны 1812 г., в условиях новой историографической ситуации, для которой характерно внимание историков к частной жизни, человеческой психологии, в том числе к

психологическим особенностям авторов источников, являются основой не столько для изучения событийной стороны войны – она уже достаточно хорошо известна – но прежде всего для исследования представлений о духовных ценностях и нормах морали самих авторов и их окружения, о философских основах их сознания, а также для изучения эволюции одного из интереснейших видов источников – мемуаристики. Сведения, позволяющие судить об этом, в той или иной степени содержатся во всех тверских памятниках, но «Летопись Михаила Тюльпина» с описанием жизни горожан в дни опасности нападения, свидетельством о пребывании беженцев на мельнице купца Аваева – особенно благодатный для интерпретации материал. Это единственный памятник в тверской купеческой мемуаристике конца XVIII – первой половины XIX вв., где при описании войны 1812 г. «историческая и частная жизнь людей так перемешаны и слиты между собою, как праздник с буднями»⁹, что является показателем высокого уровня развития мемуарного жанра и исторического сознания автора мемуаров.

¹ Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика. Опыт источниковедческого изучения. М., 1980.

² Термин «дневники» используется нами условно, в данной статье мы не имеем возможности анализировать вопрос о форме этих памятников.

³ Все они хранятся в коллекции рукописей Государственного архива Тверской области (Ф. 1409. Оп. 1. Д. 338, 1135, 1137). Тексты рукописей Блиновых и М. Тюльпина опубликованы, но ни одна из публикаций не отражает в полной мере внешних характеристик памятников, необходимых для правильной атрибуции и интерпретации текстов, а также для суждений о принадлежности их к той или иной категории источников личного происхождения. См.: Летопись о событиях в гор. Твери тверского купца Михаила Тюльпина 1762–1823 гг. Тверь, 1909; Дневники тверских купцов. Тверь, 2002.

⁴ Принц Ольденбургский, будучи женатым на сестре императора Александра I, являлся новгородским, тверским и ярославским генерал-губернатором. Тверь была местом его резиденции, и он много сделал для развития культуры и благоустройства города.

⁵ К описанию хода военных действий он возвращается лишь после этого и сведений о пожарах в Твери. Записи явно скомпонованы значительно позднее описываемых событий, возможно, даже в 1822 г., когда В. Томилов начал составлять памятник, дошедший до нас, на основе записей своих и предков.

⁶ Подробнее см.: Серeda Н.В. Дневник купцов Блиновых и его авторы // Очерки феодальной России. М., 2003. Вып. 7. С. 256–277.

⁷ Сын Отечества. 1813. № 27. Ч. 7. Л. 107.

⁸ Следует сказать, что дочь М. Тюльпина была замужем за Г.А. Аваевым.

⁹ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. М., 1953–1959. Т. 8. С. 277, 281.

Малоизвестная страница истории военной юстиции России: процесс Я.Ф. Долгорукова (1718)

Одно из важнейших направлений познания минувших времен несомненно составляют изыскания по истории государственной власти. История власти соткана из множества нитей: как из судеб органов и учреждений, образующих ее структуру, так и из судеб людей, эти органы и учреждения наполняющих. В свою очередь, история власти в человеческом измерении также многогранна. И одну из таких граней образует история отношения представителей этой самой власти к закону.

Криминальная история власти – история направленной против интересов государственной службы преступной деятельности должностных лиц – является к настоящему времени определенно малоизученной стороной отечественного прошлого. Особое место в криминальной истории российской власти бесспорно принадлежит событиям первой четверти XVIII в. С одной стороны, обстановка долголетней войны и череды административных и социальных преобразований не могла не содействовать тогда росту преступлений против интересов службы. С другой – стремясь противодействовать криминальному разложению чиновничества, тогдашнее руководство страны выработало ряд безусловно новаторских мер как законодательного, так и организационного характера.

Хрестоматийно известно, что в целом Петр I относился к госслужащим, преступившим закон, глубоко непримиримо. Первый российский император стремился всеми силами выжечь издревле разъедавшие отечественный госаппарат язвы взяточничества, казнокрадства, злоупотребления должностными полномочиями¹. По воле монарха-реформатора были созданы невиданные прежде органы надзора и уголовного преследования – фискальская служба и прокуратура, специализированные органы суда и предварительного следствия.

Были приняты и специально защищавшие интересы государственной службы небывалые по строгости законодательные акты (вроде закона от 23 декабря 1714 г., по которому резко усиливалась ответственность за получение взяток). В общем, как емко сформулировал законодатель в ст. 2 гл. 50-й Генерального регламента 1720 г., «которые против своей должности оплошкою или вымыслом погрешат, неотменно наказаны будут по важности дела...»². Как же воплощались на практике эти грозные Петровские установления, как в реальной жизни велась борьба с «похитителями казенного интереса»?

В данной статье речь пойдет об основательно подзабытом ныне, одним из наиболее резонансным (по современной терминологии) уголовном деле первой четверти XVIII в., фигурантом которого оказался знаменитый сподвижник Петра I князь Я.Ф. Долгоруков. Источниковую основу статьи образовали, в первую очередь, судебно-следственные документы, отложившиеся в Российском государственном архиве древних актов. Поскольку подлинное дело по обвинению Якова Долгорукова, по всей очевидности, погибло в кремлевском пожаре 1737 г., при подготовке статьи использовалась Выписка из него, составленная, вероятно, в 1733 г.³

Родившийся, по одним данным, в 1650 г., а по другим – и вовсе в 1639 г. князь Яков Федорович более трети века провел на высоких правительственных должностях. Не вдаваясь особенно в биографические детали, стоит вспомнить, что участник свадьбы родителей Петра I, Яков Долгоруков стал в феврале 1700 г. первым в России генерал-комиссаром, возглавив специально учрежденный для снабжения армии безымянный приказ, наименованный полтора года спустя Военным. Попав в ноябре того же 1700 г. под Нарвой в шведский плен, Яков Федорович решился при удобном случае совершить побег. 3 июня 1711 г., во время перевозки морем, группа военнопленных во главе с Я.Ф. Долгоруковым сумела разоружить конвой, захватить корабль, каковой и привела в Ревель⁵.

По возвращении Якова Долгорукова в Россию царь незамедлительно – уже 18 августа 1711 г. – определил его сенатором⁶, а также начальником перенявший функции Военного приказа Военной канцелярии, присвоив диковинный чин генерал-пленипотенциара-кригскомиссара. При всем том, что Правительствующий Сенат являлся коллегиальным органом, Я.Ф. Долгоруков сразу же занял в нем *de facto* первенствующее положение. Неслучайно, осведомленный современник называл князя Якова Федоровича «яко презусом» (председателем) Сената, отмечая, что остальные сенаторы ему «во всем уступаху, паче же угождаху...»⁷.

Между тем, очень скоро над головой авторитетного и героического сенатора Я.Ф. Долгорукова начали сгущаться тучи. Основным источником беспокойств для генерал-пленипотенциара-кригскомиссара стала фискальская служба. Учрежденная при Сенате в марте 1711 г. эта служба за короткое время добилась значительных успехов в деле разоблачения казнокрадов и лихоимцев всех уровней. Как удовлетворенно констатировал Петр I в собственноручно написанном указе от 25 января 1715 г., фискалы «непрестанно доносят не точию на подлых, но и на самыя знатныя лица, без всякой боязни...»⁸.

Высочайшее одобрение разделяли, однако, далеко не все. В первые же годы деятельности фискалов сложилась отчетливо парадоксальная ситуация, которая заключалась в том, что, являясь, по верному замечанию Р. Виттрама, «наиболее эффективным органом Сената»⁹, фискальская служба получала от своего сенатского руководства

Князь Я.Ф. Долгоруков

чем дальше, тем все меньше поддержки. Более того: отдельные сенаторы принялись и вовсе препятствовать работе службы.

Уже в апреле 1712 г. обыкновенно старавшийся не конфликтовать с сенатским начальством обер-фискал М.В. Желябужский был вынужден (совместно с провинциал-фискалами А.Я. Нестеровым и С.Н. Шепелевым) обратиться к царю с жалобой на сенаторов. Выведенный из терпения обер-фискал «с товарищи» писал, в частности, о том, что «когда приходим в Сенат з доношениями... от князь Якова Федоровича (Долгорукова) да от Григория Племянникова безо всякой нашей вины бывает к нам с непорядочым гордым гневом всякое немилосердие... В разные числа, ненавидя нашего дела, Племянников называл нас, ставя ни во что, улишными судьями, а князь Яков Федорович антихристами и плутами. Он же, устрашивая нас, говорил, что де фискалам головы секут и кнутом бьют и разоряют...»¹⁰.

Впрочем, подобный стиль обращения с фискалами со стороны Г.А. Племянникова и Я.Ф. Долгорукова объяснялся в действительности просто: имена этих сановников не раз мелькали в фискальских доношениях. И если Григорий Племянников (скончавшийся в июне 1713 г.) успел всерьез «засветиться» разве что в хищениях двух артиллерийских орудий, попавших вместо Воронежа в поместье сенатора¹¹, то князь Яков Федорович оказался, по данным фискальской службы, замешан в куда более многочисленных эпизодах «повреждения казенного интереса». И, правда, как после этого не назвать фискалов «антихристами»...

Тем временем, стремясь обеспечить судебную перспективу инициированным фискальской службой уголовным делам в отношении высокопоставленных администраторов, Петр I пошел на реформаторский шаг. Он учредил невиданные прежде органы предварительного следствия – укомплектованные почти всецело строевыми офицерами гвардии «майорские» канцелярии¹². Расчет царя на гвардейцев был вполне объясним.

Поголовно лично известное Петру I тогдашнее гвардейское офицерство являлось особым сообществом, сплоченным многолетними боевыми испытаниями в достаточно замкнутую корпорацию. Направленные на следственное поприще гвардейские офицеры оказывались заведомо вне пределов той системы взаимозависимостей и «взаимоповязанностей» столичной (и тем более региональной) бюрократии, которая была способна парализовать любое наступление на должностную преступность. Это делало гвардейцев весьма устойчивыми ко всякого рода неформальным влияниям и частным обращениям (и, соответственно, к попыткам подкупа). По всему этому, офицерам-фронтовикам и предстояло восстановить попорченную законность, довести до суда добытую фискалами информацию о преступных деяниях «господ вышних командиров».

Окончательную упорядоченность система «майорских» канцелярий обрела в декабре 1717 г. 9 декабря были основаны сразу шесть канцелярий (ведения М.Я. Волкова, П.М. Голицына, И.И. Дмитриева-Мамонова, Г.И. Коселева, С.А. Салтыкова и Г.Д. Юсупова), а 23 декабря – еще одна (ведения А.Я. Щукина). Все они получили коллегиальное устройство, весьма сходное с организацией военного суда («кригсрехта»): при руководителе – «презусе» – состояли два или три ассессора, младших участника производства расследования. При этом, в отличие от кригсрехтов, в структуре «майорских» канцелярий не предусматривались аудиторы, но организовывались стационарные канцелярии.

В том же декабре каждый из презусов новоучрежденных канцелярий получил на руки подписанный царем особый наказ и реестр подлежащих рассмотрению уголовных дел, инициированных фискальской службой¹³. В Наказе регламентировались, в первую очередь, процессуальные аспекты деятельности канцелярий, а также их формально-иерархический статус и компетенция. Из наказа явствовало, что «майорские» канцелярии представляли собой подчиненные непосредственно монарху временные органы, предназначенные исключительно для осуществления предварительного следствия, и только по делам, указанным в прилагавшихся реестрах. Если же в ходе следствия вскрывались требовавшие выделения в отдельное производство эпизоды о «великих неправдах и граблении народа», то их предписывалось разбирать в оставшееся от расследования основных дел время.

И совершенно неслучайно, что в декабрьских реестрах 1717 г. среди прочих означилось имя князя Якова Долгорукова. Достойно упоминания, что помимо фискалов, с обвинениями Я.Ф. Долгорукова выступили и его коллега – сенатор Петр Апраксин. В 1717 г. Петр Матвеевич обвинил генерал-пленипотенциара-критскомиссара в укрывательстве преступлений сибирского губернатора М.П. Гагарина, в неудовлетворительном снабжении провиантом войск в Финляндии, в покровительстве еретика Д.Е. Тверитинову, а также во взяточничестве. В частности, П.М. Апраксин заявил о получении Яковым Федоровичем от солепромышленника Г.Д. Строганова колоссальной взятки в 10 тысяч рублей «под видом займа»¹⁴.

По воле Петра I дела по обвинению Якова Долгорукова попали в производство двух следственных канцелярий – И.И. Дмитриева-Мамонова и А.Я. Щукина. Канцелярии под руководством майора Семеновского полка Ивана Дмитриева-Мамонова (ассессоры – гвардии капитан И.М. Лихарев, капитан-поручик Е.И. Пашков, поручик И.И. Бахметев) было предписано осуществить досудебное рассмотрение следующих эпизодов преступной деятельности Я.Ф. Долгорукова: о махинациях с подрядами на поставку в армию сукна, о передаче в коммерческую «прокрутку» в направлявшийся в Китай торговый караван 50 тысяч рублей из кассы Военной канцелярии, о неоднократном получении взятки, о незаконном освобождении от службы офицеров.

Следственной канцелярии под главенством обер-секретаря Сената Анисима Щукина поручалось разбирательство 17 эпизодов пособничества Я.Ф. Долгорукова криминальным деяниям как ряда должностных лиц органов центрального и местного управления, так и ряда предпринимателей. К примеру, Якову Федоровичу инкриминировалось содействие губернатору М.П. Гагарину «в похищении казны и протчем», А.Т. Савелову «в скрывании и в произведении чины изо взяток недорослей», Н.А. Демидову «в подыскательном похищении за малья денги железного заводу и в утайке пошлин». Кроме того, канцелярии А.Я. Щукина предстояло расследовать обвинения Я.Ф. Долгорукова опять-таки во взятках «с розных вышних и нижних чинов»¹⁵.

Особенно продвинулась в распутывании преступлений генерал-пленипотенциара- кригскомиссара канцелярия Ивана Дмитриева-Мамонова¹⁶. Занимавшаяся главным образом уголовными делами, инициированными

против сибирских администраторов, канцелярия уже в 1718 г. полностью изобличила Я.Ф. Долгорукова в упомянутом эпизоде о передаче в «китайский торг» 50 тысяч рублей из кассы Военной канцелярии¹⁷. Не дожидаясь завершения разбирательств по другим эпизодам, царь распорядился отдать Якова Долгорукова под суд.

В условиях 1718 г. судебное рассмотрение дела Я.Ф. Долгорукова могло быть организовано двояко. Как сенатор князь Яков Федорович подлежал суду Правительствующего Сената, как глава центрального органа военного управления – военному суду. Приняв во внимание, по всей видимости, то обстоятельство, что Яков Долгоруков отдал казенные деньги в «китайский торг», использовал должностное положение начальника Военной канцелярии, Петр I остановился на варианте с военным судом¹⁸. Поскольку Я.Ф. Долгоруков имел генеральский чин, то, согласно п. 1 и 3 ст. 4 гл. 1-й «Краткого изображения процессов или судебных тяжб» 1712 г., его дело подпадало под юрисдикцию Генерального суда (Генерального кригсрехта)¹⁹.

Поньше специально не изучавшийся Генеральный кригсрехт XVIII в. представлял собой временное судебное присутствие, состоявшее – по ст. 6 гл. 1-й «Краткого изображения процессов...» – из семи высших офицеров под председательством фельдмаршала или «знатного генерала». Строго в соответствии с законом, царь созвал генеральный суд в составе: презус – президент Военной коллегии генерал А.А. Вейде, ассессоры – генерал-лейтенанты И.И. Бутурлин и А. Шлиппенбах, генерал-майоры П.М. Голицын, М.А. Матюшкин и П.И. Ягужинский, бригадир М.Я. Волков. Казалось, справедливость вот-вот восторжествует, и криминализованный генерал-пленипотенциар-кригскомиссар понесет заслуженную кару.

Далее, однако, наступил неожиданный поворот. Как было лаконично сформулировано в уже упоминавшейся Выписке 1733 г., «то дело без решения оставлено»²⁰. Иными словами, Петр I остановил судебный процесс над Я.Ф. Долгоруковым.

Сегодня трудно с уверенностью предположить, что за соображения подвигли будущего императора на этот шаг. То ли Петр I учел былые заслуги князя Якова Федоровича, то ли его преклонный возраст, то ли не захотел излишне ослабить клан Долгоруковых в российской правящей элите... Более того: царь-реформатор оставил без внимания дальнейшее разбирательство остальных обвинений, выдвинутых против Я.Ф. Долгорукова (особенно многочисленных – во взяточничестве).

С одной стороны, названный состав преступления являлся в первой четверти XVIII в. (как, впрочем, и сейчас) труднодоказуемым, с другой – взяточников (в том числе и высокопоставленных) успешно изобличали и в Петровское время. Достаточно вспомнить, что доказанные эпизоды получения взяток вошли в качестве третьего пункта в приговор М.П. Гагарину 1721 г., в качестве первого–третьего и пятого пунктов – в приговор бывшему обер-фискалу А.Я. Нестерову 1724 г. Всецело за взятки был 23 января 1724 г. осужден Вышним судом кроншлотский таможенный бурмистр Ф.А. Болотный²¹.

Выходит, основная причина царского попустительства Якову Долгорукову заключалась отнюдь не в труднодоказуемости тех или иных выдвинутых против него обвинений, и уж совсем не в их недоказанности (на этом основании не было прекращено следствие ни по одному из эпизодов, касавшихся князя). Причина заключалась, как видится, в недостатке у Петра I политической воли в борьбе с должностной преступностью. Вот почему внимательно наблюдавший за работой «майорских» канцелярий будущий император позволил канцелярии ведения И.И. Дмитриева-Мамонова полностью сосредоточиться на делах по Сибирской губернии, а канцелярии ведения А.Я. Щукина – так и не передать в суд ни одного дела (даже из числа завершенных)²².

Нельзя не отметить также, что оказавшись подследственным и даже – кратковременно – подсудимым, князь Я.Ф. Долгоруков никак не пострадал карьерно. Петр I не вывел Якова Федоровича из числа сенаторов, сохранил за ним пост президента новоучрежденной Ревизион-коллегии (на каковой Яков Долгоруков был определен, что характерно, менее недели спустя после того, как оказался под следствием канцелярии И.И. Дмитриева-Мамонова – 15 декабря 1717 г.²³). Если при этом вспомнить, что возникшая как преемница Ближней канцелярии Ревизион-коллегии отвечала за финансовый контроль в стране, то ситуация приобретает отчетливо абсурдный оттенок. Вот уж, что называется, бросили щуку в реку...

В итоге, сенатор, тайный советник и президент князь Яков Долгоруков отошел во благодати в мир иной 20 июня 1720 г. в Санкт-Петербурге и был погребен с наивозможными почестями, в присутствии царя, в Александро-Невском монастыре²⁴. Остается лишь добавить, что пособник Я.Ф. Долгорукова в махинациях по «китайскому торгу» – по имени Матвей Гагарин – обрел иное место упокоения: на другом берегу Невы, прямо на эшафоте. Приговоренный Сенатом 14 марта 1721 г. к смертной казни бывший сибирский губернатор М.П. Гагарин (преступное содействие которого Я.Ф. Долгорукову вошло в его приговор особым, шестым пунктом²⁵) был повешен на Троицкой площади новой столицы 16 марта.

Как известно, тело Матвея Гагарина Петр I предписал – для острастки лихоимцев и казнокрадов – не снимать с виселицы. 25 ноября 1721 г. император дополнительно указал перевесить труп казненного на особо изготовленную «железную чепь»²⁶. Вот только после обрисованных зигзагов высочайшего правосудия вряд ли кто-то из многознающих столичных чиновников устрасался при виде качавшегося на ветру тела Матвея Петровича...

¹ Наиболее углубленно на сегодняшний день оказалась изучена борьба Петра I со взяточничеством. Из современных работ на эту тему см.: Астанин В.В. Борьба с коррупцией по законодательству Петра I // Криминальная ситуация на рубеже веков в России. М., 1999. С. 245–250; Куракин А.В. История предупреждения и пресечения коррупции в системе государственной службы Российской империи // История государства и права. 2003. № 3. С. 11–13; Серов Д.О. Противодействие взяточничеству в России: опыт Петра I (законодательные, правоприменительные и организационные аспекты) // Уголовное право. 2004. № 4. С. 118–120.

² Законодательные акты Петра I / Сост. Н.А. Воскресенский. М.-Л., 1945. Т. 1. С. 507.

³ РГАДА. Ф. 11. № 371. Л. 5–8 об. Отмеченная выписка была составлена, по-видимому, в Кабинете в связи с присылкой из Москвы – по негласному распоряжению Анны Иоанновны от 15 марта 1733 г. – материалов подлинного дела Я.Ф. Долгорукова (Книга записная

- именным письмам и указам Анны Иоанновны и Елисаветы Петровны Семену Андреевичу Салтыкову. 1732–1742 гг. / Публ. А. Кудрявцева // ЧОИДР. 1878. Кн. 1. С. 70–71).
- ⁴ Дворцовые разряды. СПб., 1852. Т. 3. Стб. 875.
- ⁵ Подробности этого уникального в истории Северной войны эпизода см., прежде всего, в пространном письме Я.Ф. Долгорукова Петру I от 30 июня 1711 г.: РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 13. Л. 415–416; Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1964. Т. 11. Вып. 2. С. 381–382. Остается добавить, что очень возмущенная дерзким побегом наших пленных шведская сторона не нашла ничего лучшего, как в 1714 г. с укоризной передать Петру I копии подписок Я.Ф. Долгорукова «о неупотреблении во зло предоставленной ему в плену свободы» (Описание дел Архива Морского министерства за время с половины XVII до начала XIX столетия. СПб., 1879. Т. 2. С. 71).
- ⁶ Мурзанов Н.А. Список сенаторов. 22 февраля 1711–15 января 1911 // История Правительствующего Сената за двести лет. 1711–1911 гг. СПб., 1911. Т. 5. С. 124.
- ⁷ Магницкий Л.Ф. Записка по делу Тверитинова. СПб. С. 13–14.
- ⁸ Законодательные акты Петра I. С. 363.
- ⁹ Witttram R. Peter I. Czar und Kaiser: Zur Geschichte Peters der Großen in seiner Zeit. Göttingen, 1964. Bd. 2. S. 108.
- ¹⁰ Законодательные акты Петра I. С. 331. Об иных случаях явного противодействия фискальской службе со стороны Я.Ф. Долгорукова см. также в ряде доношений как М.В. Желябужского «с товарищи», так и лично А.Я. Нестерова Петру I 1713–1714 гг.: РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 95. Л. 717, 720–720 об.
- ¹¹ Анпилов Г.Н. Фискалитет при Петре I // Вестник МГУ. Сер. Историко-филологическая. 1956. № 2. С. 71.
- ¹² История «майорских» следственных канцелярий исследована к настоящему времени едва ли не всесторонне. Из числа новейших работ на эту тему см.: Бабич М.В. К истории государственных учреждений XVIII в.: «майорские» канцелярии // Отечественные архивы. 2000. № 1. С. 21–31; Она же. Государственные учреждения XVIII века: Комиссии Петровского времени. М., 2003. С. 36–68 и др.; Серов Д.О. Гвардейцы-криминалисты Петра I: из истории организации и деятельности «майорских» следственных канцелярий (1713–1723 гг.) // Ораниенбаумские чтения: Сб. научных статей и публикаций. СПб., 2001. Вып. 1. С. 76–93.
- ¹³ Из всех (несомненно взаимодополняющих) наказов «майорским» канцеляриям, подписанных Петром I в декабре 1717 г., на сегодняшний день удалось выявить единственный – врученный 9 декабря гвардии капитану Г.И. Кошелеву: РГИА. Ф. 1329. Оп. 1, 27, Л. 68–68 об. Публикацию этого весьма примечательного (особенно в уголовно-процессуальном отношении) законодательного акта см.: «Розыскать накрепко, правдою, без всяких приказных крючков»: Указы Петра I, Екатерины I и Сената в области судостроительства и уголовной политики. 1716–1726 гг. / Публ. Д.О. Серова // Исторический архив. 2000. № 6. С. 202.
- ¹⁴ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Кн. 5959. Л. 11 об.; Описание дел Архива Морского министерства... Т. 2. С. 253–254
- ¹⁵ РГАДА. Ф. 248. Кн. 51. Л. 41–42, 48–49 об. В литературе реестр дел по обвинению Я.Ф. Долгорукова, полученный следственной канцелярией А.Я. Щукина, подробно изложил С.А. Петровский (Петровский С.А. О Сенате в царствование Петра Великого: Историко-юридическое исследование. М., 1875. С. 126–127).
- ¹⁶ О работе следственной канцелярии И.И. Дмитриева-Мамонова подробнее см.: Веретенников В.И. История Тайной канцелярии петровского времени. Харьков, 1910. С. 31–40; Бабич М.В. Государственные учреждения XVIII века... С. 237–239.
- ¹⁷ Обстоятельства изобличения Я.Ф. Долгорукова по данному эпизоду бегло осветил М.О. Акишин (Акишин М.О. Полицейское государство и сибирское общество: Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996. С. 192).
- ¹⁸ Об организации и функционировании отечественной системы военных судов в первой четверти XVIII в. см., в первую очередь: Розенгейм М.П. Очерки истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого. СПб., 1878. С. 56–200; Петухов Н.А. История военных судов России. М., 2003. С. 49–50, 73–101.
- ¹⁹ Законодательство Петра I / Под ред. А.А. Преображенского и Т.Е. Новицкой. М., 1997. С. 824.
- ²⁰ РГАДА. Ф. 11. № 371. Л. 8 об.
- ²¹ РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 17. Л. 95 об.; РГАДА. Ф. 248. Кн. 273. Л. 690; Кн. 30. Л. 184–184 об.
- ²² Работа канцелярии А.Я. Щукина остановилась в связи с последовавшей 6 сентября 1720 г. его кончиной. Некоторое время спустя – 27 сентября – обер-фискал А.Я. Нестеров направил кабинет-секретарю А.В. Макарову письмо с просьбой доложить Петру I о необходимости определить в канцелярию нового презуса. В этом письме Алексей Нестеров отметил между иными, что «по одним (делам) следование ево (Щукина) окончано, а по другим не окончано. А те дела важныя..» (РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 47. Л. 347).
- ²³ Законодательные акты Петра I. С. 220.
- ²⁴ Описание состоявшихся 23 июня 1720 г. торжественных похорон Я.Ф. Долгорукова см. в письме А.Э. Девиера А.Д. Меншикову от 30 июня 1720 г., а также в анонимных записках очевидца – сотрудника польского посольства (РГАДА. Ф. 198. № 557. Л. 45–45 об.; Беспятых Ю.Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях: Введение. Тексты. Комментарии. Л., 1991. С. 153–154).
- ²⁵ РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 17. Л. 95 об. В обвинительном заключении по делу М.П. Гагарина, подготовленном канцелярией И.И. Дмитриева-Мамонова, эпизод о пособничестве Я.Ф. Долгорукову шел девятым пунктом (Там же. Л. 48–54 об.).
- ²⁶ РГАДА. Ф. 1451. Кн. 16. Л. 97. Указы, письма и бумаги Петра Великого / Под ред. А.Ф. Бычкова // Сб. РИО. СПб., 1873. Т. 11. С. 433.

Трофейная артиллерия, взятая русскими войсками, и ее использование в крепостях Северо-Запада в годы Северной войны

Артиллерийские орудия, доставшиеся русским войскам в результате боевых действий на Северо-Западе

Боевые действия на северо-западном театре, главным образом, носили характер осадных операций которые вели русские войска¹. В ходе этих операций был взят ряд крепостей, в них захвачено большое количество артиллерийских орудий и различных боеприпасов, а также и немалые запасы ручного огнестрельного оружия. Собственно говоря, орудия, взятые в ходе осадных операций на Северо-Западе, составляют подавляющее большинство артиллерийских трофеев Северной войны.

В Нотебургской крепости, взятой в октябре 1702 г., русским досталось: 138 пушек (медных – 21, причем среди них были и две русские пушки, чугунных – 107), мортир медных – 1, мортир чугунных – 7, гаубиц чугунных – 2².

В результате осады Ниеншанца в 1703 г. русская артиллерия пополнилась 71 пушкой и 3 мортирами.

В следующем году русскими войсками было взято две крепости. В Дерпте корпус Б.П. Шереметева захватил 97 пушек (их них 7 «рваных» и 21 медную, остальные чугунные), 18 мортир и 6 гаубиц³.

Трофеи, доставшиеся русским в Нарве, состояли из 29 мортир (в том числе 4 медных), 2 гаубиц медных, 9 дробовиков, 392 пушек (среди которых 50 медных) и большого количества ручного огнестрельного и холодного оружия. Кроме того, в Ивангороде было найдено 7 мортир, 4 гаубицы, 22 дробовика, 95 пушек (в том числе 13 медных)⁴.

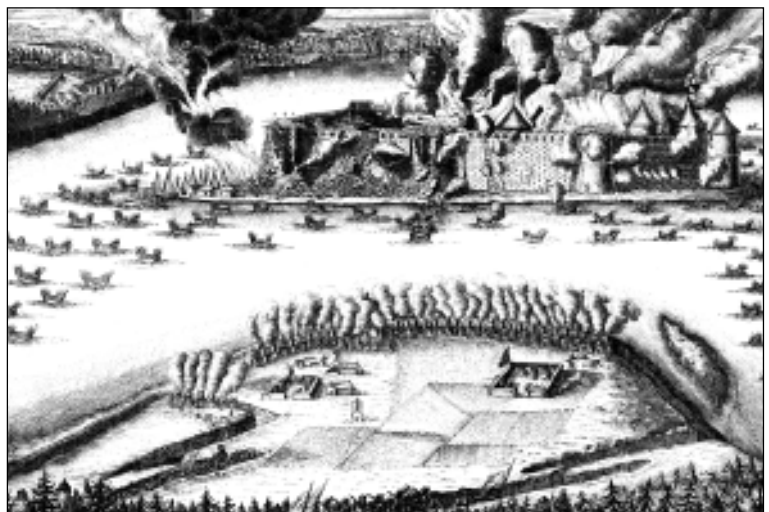
При этом следует иметь в виду, что некоторые шведские орудия оказались в ходе осады поврежденными. В частности, в результате артиллерийского обстрела обвалился фас одного из бастионов, и из 70 установленных там пушек осталась годной лишь одна⁵.

В Митавском замке, взятом русскими войсками в сентябре 1705 г., было обнаружено 395 пушек (правда, большая часть из них без станков, лежали «в городе и за городом»), а также 18 гаубиц и 18 мортир⁶. В «Истории Свейской войны» указано, что русским войскам досталось в Митаве 290 пушек, 23 ортир и 35 гаубиц⁷. В Боуском замке в том же месяце было взято 46 пушек, из них 8 шведских и 38 «курляндских»⁸.

Таким образом, в ходе кампаний 1702–1705 гг. русская артиллерия пополнилась довольно большим количеством артиллерийских орудий, хотя не все они были пригодны для дальнейшего использования, и часть этих трофеев (как и древние русские орудия, вернувшиеся к нам) просто были сохранены в качестве «достопамятных» орудий. Однако некоторые орудия практически сразу были использованы для вооружения взятых крепостей и укреплений, строившихся на этой территории (возможно, шведские орудия использовались и в других крепостях России, но это выходит за рамки данной работы). Об этом подробнее будет указано ниже.

После 1705 г. на Северо-Западе на несколько лет наступило относительное затишье, так как основные боевые действия развернулись на других фронтах (лишь в 1708 г. шведский корпус под командованием Г.Ю. Любеккера предпринял попытку атаковать Санкт-Петербург, но был вынужден отступить). И только в 1710 г. русским войскам удалось перейти к дальнейшим осадным операциям. В ходе кампании этого года было взято 6 крепостей, в которых россиянам достались богатые трофеи.

В Выборге найдено 8 мортир и 2 гаубицы чугунных, а также 141 пушка (3 медных и 138 чугунных)⁹.

Взятие Нотебурга в 1702 г.

Вид Ивангорода в начале XVII в.

Вид крепости Копорье в конце XVII в.

что артиллерия, взятая в Ревеле, состояла из двух частей. Первая часть: 40 медных пушек и 10 мортир¹⁵. В «Ревеле крепости королевской думы» было обнаружено 17 медных пушек, 174 чугунных пушки, 24 мортиры, 6 гаубиц и 6 дробовиков¹⁶. Общее количество совпадает с данными, приведенными Н.Г. Устряловым.

Артиллерия, найденная в Пернове, состояла из 183 пушек, 14 мортир и 4 гаубиц; все орудия были чугунными¹⁷. Кроме того, в Эльбинге в том же году было взято 183 чугунных пушки и 25 мортир¹⁸.

Использование трофейных орудий в крепостях Северо-Запада

Впервые трофейные орудия на Северо-Западе встречаются в январе 1704 г. в Шлиссельбургской крепости (3 медных 3-фунтовых пушки)¹⁹.

Ведомости артиллерийского вооружения крепостей, сохранившиеся в архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Фонд № 2, Приказ Артиллерии) позволяют выделить трофейные орудия в составе артиллерийского вооружения крепостей Северо-Запада²⁰.

В приведенной ниже таблице данные за 1705–1710 гг. сгруппированы по крепостям, чтобы иметь представление об изменениях количества орудий в каждой крепости.

Крепость	Год	24-ф.	18-ф.	12-ф.	8-ф.	6-ф.	3-ф.	Др.	Всего
Шлиссельбург	1705	1	1	7	2	34	40	0	85
Шлиссельбург	1706	1	1	7	2	34	50	0	95
Шлиссельбург	1707	1	1	7	2	34	42	0	87
Шлиссельбург	1709	1	1	1	1	1	0	0	5
Санкт-Петербург	1706	6	9	19	0	8	14	0	56
Санкт-Петербург	1707	12	7	28	0	6	12	8	73
Санкт-Петербург	1710	7	1	25	0	6	12	8	59
Кроншлот	1707	17	13	14	0	4	28	3	79
Кроншлот	1709	7	9	2	0	9	16	4	47
Нарва	1705	87	106	49	0	10	2	0	254
Нарва	1706	87	106	49	0	10	2	0	254
Нарва	1707	71	91	30	0	72	68	1	333

Вид Нарвы в начале XVII в.

В Кексгольме русскими войсками было взято: пушек медных – 15, чугунных – 30; мортир медных – 1, чугунных – 3; фальконетов – 9, дробовиков медных – 4, чугунных – 19¹⁰. Однако среди этих трофеев было 5 медных русских пушек, в том числе пищаль «Ястреб», отлитая в 1579 г.

В Риге обнаружено: пушек медных и чугунных – 478, мортиров медных и чугунных – 59, гаубиц медных и чугунных – 7, всего – 544 орудия¹¹. По данным Д.П. Бутурлина, артиллерия, найденная в Риге, состояла из 83 пушек медных, 226 чугунных, 7 мортир медных, 11 чугунных и 5 гаубиц медных. В рижской цитадели найдено 15 пушек медных, 239 чугунных 48 мортир и 7 гаубиц чугунных¹². В крепости Динаминд, сдавшейся спустя несколько дней после Риги, трофеи составили 198 пушек, 9 мортир и 12 гаубиц¹³.

В Ревеле, по данным Н.Г. Устрялова, было найдено 57 пушек медных и 174 чугунных, 10 мортир медных и 24 чугунных, 4 гаубицы медных и 36 чугунных¹⁴. Однако надо иметь в виду,

Как видно из представленной таблицы, наибольшее количество трофейных орудий находилось в этот период в Нарвской крепости (причем трофейные орудия, захваченные в Нарве, были увезены в Москву, но при этом в ней остались некоторые орудия, взятые русскими войсками в Дерпте и применявшиеся при обстреле нарвских укреплений).

Для более полной картины состояния артиллерии следует указать, что всего в Нарвской крепости в 1705 г. было 333 пушки, в 1706 г. – 351 пушка (т. е. увеличилось количество русских пушек), а в 1707 г. – 406 пушек. В Шлиссельбурге в 1705 г. находилось 102 пушки, в

1706 г. – 114 пушек, в 1707 г. – 112 пушек (т. е. трофейная артиллерия в тот период доминировала), а в 1709 г. общее количество пушек уменьшилось до 34 (это связано с падением укреплений Шлиссельбурга в системе обороны северо-западных рубежей). Артиллерийское вооружение Кроншлота также состояло, в основном, из шведских пушек: в 1707 г. здесь насчитывалось 109 пушек, а в 1709 г. – 50 пушек.

В Санкт-Петербургской крепости трофейная артиллерия, напротив, составляла меньшую часть: в 1706 г. на вооружении имелась 151 пушка, в 1707 г. – 322 пушки, а в 1710 г. – 291 пушка. В старых русских крепостях – Новгороде, Пскове и Ладоге – трофейные орудия не использовались, лишь в Новгороде в 1707–1709 гг. было 2 шведских 3-фунтовых пушки²¹.

Далее в таблицах представлены сведения о количестве пушек в крепостях Финляндии и Прибалтики в 1713 г.²², после завершения блистательной кампании 1710 г., в ходе которой русскими войсками было взято несколько крепостей и большое количество артиллерийских орудий в них (для удобства сравнения и ввиду разнообразия калибров здесь по каждой крепости представлена отдельная таблица).

Шлиссельбург:

Калибр	Медные русские	Чугунные русские	Чугунные шведские
24-фнт.	0	0	1
18-фнт.	0	0	1
12-фнт.	0	6	1
8-фнт.	0	0	2
7-фнт.	0	0	10
6-фнт.	6	0	34
3-фнт.	0	9	25

Санкт-Петербург:

Калибр	Медные русские	Чугунные русские	Чугунные шведские
24-фнт.	8	0	2
18-фнт.	5	0	9
12-фнт.	6	39	35
6-фнт.	6	3	5
4-фнт.	0	7	0
3-фнт.	14	110	19
2-фнт.	14	0	0

Кроншлот:

Калибр	Медные русские	Чугунные русские	Чугунные шведские
24-фнт.	0	0	22
18-фнт.	4	7	15
12-фнт.	0	14	13
10-фнт.	0	0	4
6-фнт.	0	47	2
3-фнт.	0	32	0

Кексгольм:

Калибр	Медные русские	Медные шведские	Чугунные шведские
24-фнт.	2	0	9
18-фнт.	0	0	25
16-фнт.	0	0	0
12-фнт.	0	0	12
6-фнт.	0	0	2
5-фнт.	0	0	1
4-фнт.	0	0	3
3-фнт.	0	4	2
2-фнт.	0	1	0

Нарва:

Калибр	Медные русские	Чугунные русские	Чугунные шведские
24-фнт.	2	0	52
18-фнт.	6	0	105
22-фнт.	0	0	0
20-фнт.	0	0	0
12-фнт.	19	11	36
10-фнт.	0	0	5
8-фнт.	0	0	1
6-фнт.	0	0	66
3-фнт.	4	0	66
1-фнт.	0	0	1
1/2-фнт.	0	0	3

Выборг:

Калибр	Медные русские	Чугунные русские	Чугунные шведские
24-фнт.	5	0	4
18-фнт.	10	0	12
12-фнт.	0	8	12
6-фнт.	0	0	32
4-фнт.	0	0	9
3-фнт.	0	0	24

Рига:

Калибр	Медные русские	Медные шведские	Чугунные шведские
48-фнт.	0	1	0
36-фнт.	0	1	6
24-фнт.	0	4	21
20-фнт.	0	2	0
18-фнт.	0	2	34
14-фнт.	0	2	0
12-фнт.	0	26	92
10-фнт.	0	0	0
8-фнт.	0	11	78
7-фнт.	0	1	9
6-фнт.	0	7	81
4-фнт.	0	6	26
3-фнт.	0	20	68
2 1/2-фнт.	0	8	0
2-фнт.	0	2	1
1-фнт.	0	2	0
1/2-фнт.	3	0	0

Динаминд:

Калибр	Чугунные русские	Чугунные шведские
24-фнт.	0	19
20-фнт.	0	0
18-фнт.	13	19
16-фнт.	0	0
15-фнт.	0	18
12-фнт.	10	35
10-фнт.	5	0
8-фнт.	4	17
7-фнт.	13	0
6-фнт.	0	29
5-фнт.	6	9
4-фнт.	0	24
3-фнт.	10	13

Ревель:

Калибр	Медные русские	Чугунные русские	Чугунные шведские
24-фнт.	0	0	23
32-фнт.	2	0	0
22-фнт.	1	0	0
20-фнт.	1	0	0
18-фнт.	1	0	56
14-фнт.	4	0	0
12-фнт.	1	0	75
11-фнт.	1	0	0
10-фнт.	2	1	0
9-фнт.	4	0	2
8-фнт.	10	36	0
7-фнт.	3	0	0
6-фнт.	1	0	22
5-фнт.	2	0	15
4-фнт.	1	0	10
3-фнт.	17	0	154
2-фнт.	1	0	3
1-фнт.	10	0	2

Как видно из приведенных данных, большей частью артиллерийское вооружение «новозавоеванных» крепостей состояло из шведских орудий. Что же касается укреплений Пернова, то их вооружение в 1713 г. полностью состояло из трофейных орудий: 24-фнт. – 32, 18-фнт. – 34, 12-фнт. – 47, 8-фнт. – 4, 6-фнт. – 43, 3-фнт. – 47.

¹ Следует иметь в виду, что в 1704–1705 и 1708 гг. боевые действия на Северо-Западе для русских войск носили оборонительный характер, но в этих операциях россиянам не досталось артиллерийских трофеев.

² Ласковский Ф.Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. II. Опыт исследования инженерного искусства в царствование императора Петра Великого. СПб., 1861. С. 126.

³ Палли Х.Э. Между двумя боями за Нарву. Эстония в первые годы Северной войны. 1701–1704. Таллин, 1966. С. 243.

⁴ Петров А.В. Город Нарва. Его прошлое и достопримечательности в связи с историей упрочения русского господства на балтийском побережье. СПб., 1901. С. 309.

⁵ Там же. С. 292.

⁶ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4. Л. 560–562.

⁷ Журнал или подневная записка блаженные и вечнодостоинные памяти государя императора Петра Великого с 1698 года даже до заключения Ништадского мира. Ч. I. СПб., 1770. С. 124–125.

⁸ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4. Л. 563–564.

⁹ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 10. М., 1956. С. 620.

¹⁰ Ведомости времени Петра Великого. Вып. 2. М., 1906. № 17. С. 66.

¹¹ Журнал боевых действий российских войск, главным образом флота, в царствование Петра Великого. Российская история. Житие и дела Великого государя императора Петра Великого // ОР РНБ. Ф. 359. Н.Я. Колобов. № 655. Л. 115.

¹² Бутурлин Д.П. Военная история походов россиян в XVIII столетии. Ч. 1. Т. 2. СПб., 1820. С. 422.

¹³ Там же. С. 424.

¹⁴ Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. 5. Ч. 1 // ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. № 1440. Л. 319.

¹⁵ Ведомости времени Петра Великого. Вып. 2. М., 1906. С. 69.

¹⁶ Там же. С. 71.

¹⁷ Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. 5. Ч. 1 // ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. № 1440. Л. 313.

¹⁸ Ведомости времени Петра Великого. Вып. 2. М., 1906. С. 43.

¹⁹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1. Л. 272.

²⁰ Более подробно об артиллерийском вооружении указанных крепостей, а также ссылки на документы см.: Славнитский Н.Р. Система обороны (крепости) северо-западных рубежей России в первой четверти XVIII века. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб., 2005. Приложения.

²¹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 32. Л. 181; Л. 236, 239; Д. 48. ЛЛ. 409–417

²² Там же. Д. 40. Л. 384 (все материалы за этот год представлены в одном документе. – *Н.С.*).

Новороссийск: история города в контексте истории фортификации

На берегах Цемесской бухты раскинулись кварталы южного приморского города Новороссийска. Здесь, на небольшой полоске суши, ограниченной с одной стороны гладью Черного моря, а с другой – предгорьями Большого Кавказского хребта, сосредоточено множество уникальных памятников древней и современной истории Отечества. Этому факту есть вполне логичное объяснение.

Северный Кавказ по своему географическому положению и природно-климатическим условиям во все времена являлся (и является в наши дни) узлом экономических отношений, соединяющих Запад и Восток, Черное и Каспийское моря. Вследствие этого на протяжении многих столетий Черноморское побережье Кавказа представляло собой вождельный объект для реализации захватнических планов со стороны Древних Греции и Рима, городов-государств средневековой Италии, а также своих ближайших соседей – Турции и Ирана¹. Преследовали свои интересы в этом регионе Англия, Франция и Германия, в прошлом веке к ним присоединились Соединенные Штаты Америки. Естественно, что граничащая с Кавказом Россия по объективным причинам не могла уступить этот регион своим извечным соперникам.

Дополняя сказанное, следует подчеркнуть, что на протяжении многих веков сменяющие друг друга народы-колонизаторы Северного Кавказа, действуя в рамках своих представлений, традиций и возможностей, усиленно укрепляли в этом регионе береговую линию в инженерном отношении, строя при этом форты, крепости, укрепления.

В последнее время именно проблемы истории фортификации причерноморского региона оказались в центре исследовательского интереса сотрудников Новороссийского исторического музея-заповедника. В частности, всесторонний характер обрели научные исследования по применению фортификации и оружия в разрешении военно-политических конфликтов в районе Цемесской бухты (IV в. до н.э. – XX в.).

Хотелось бы в самых общих чертах рассказать о некоторых аспектах этой работы.

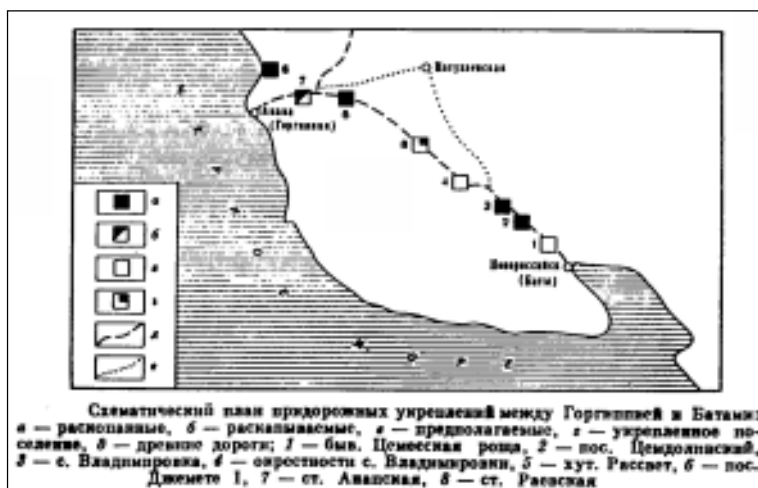
Будет справедливым начать с того, что решающий вклад в изучение древностей на побережье Цемесской

бухты вносят ежегодные археологические экспедиции Института археологии Российской академии наук и музейного отдела археологии².

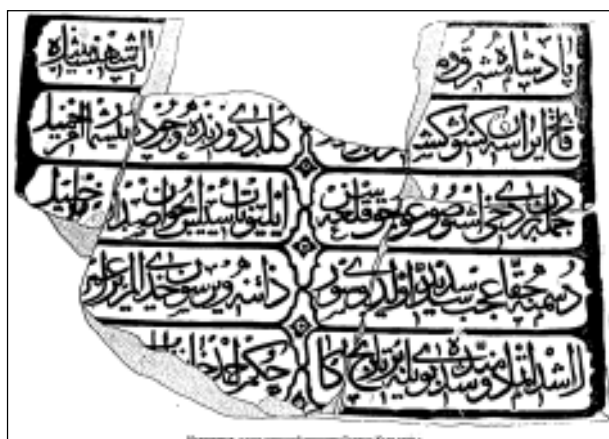
Предметом исследования периода античности уже многие годы являются укрепления береговой линии Цемесской бухты, игравшие особую роль в оборонительной системе полуострова Абрау. Мы вправе гордиться тем, что в районе Новороссийска и его окрестностях имеются памятники древнегреческого военно-инженерного искусства периода Боспорского царства (IV в. до н.э. – IV в. н.э.). Так, в результате археологических исследований на территории, простиравшейся от населенного пункта Баты (Новороссийск) до Горгипии (Анапа), обнаружено около 3-х десятков инженерных сооружений этого времени.

Оценивая состояние развития военно-инженерного искусства в античное время, следует рассмотреть систему фортификационных сооружений Боспорского царства, образованных европейской и азиатской укрепленными береговыми линиями. В свою очередь, каждая из этих двух линий является частью общей системы обороны государства, состоящей из целого ряда отдельных сооружений, входящих в единый комплекс.

Можно с уверенностью охарактеризовать всю сеть инженерных и других сооружений полуострова Абрау как важный стратегический объект своего времени, заключенный в пространство между Батой, морем и Горгипией, а также как уникальный укрепленный район в современном военном понимании, находившемся в составе азиатской береговой линии Боспорского царства. Подлинными свидетелями и участниками событий тех времен являются более двух тысяч единиц холодного оружия, сотни монет Боспорского царства и целый ряд других предметов, хранящихся в фондах Новороссийского музея-заповедника³.

Схематический план придорожных укреплений между Горгипией и Батами

Надвратная плита крепости Суджук-Кале, 1-я половина XVIII в.

В исследованиях, посвященных проблемам средневековья, наиболее актуальной для нас представляется проблема локализации и всестороннего изучения оборонительных укреплений эпохи итальянской колонизации Черноморского побережья Кавказа (XIII–XV вв.). В настоящее время мы располагаем объективной информацией о четырех объектах, принадлежавших генуэзским факториям⁴.

Не менее интересным предметом исследования является зарождение военно-инженерного дела у народов Северного Кавказа. В частности, нами сделан акцент на инженерной практике черкесов, связанной с обеспечением безопасности местных племен в ходе войн и военных конфликтов, устройством дорог, организацией переправ через водные преграды, строительством жилищ, полевых укреплений, обороной селений⁵.

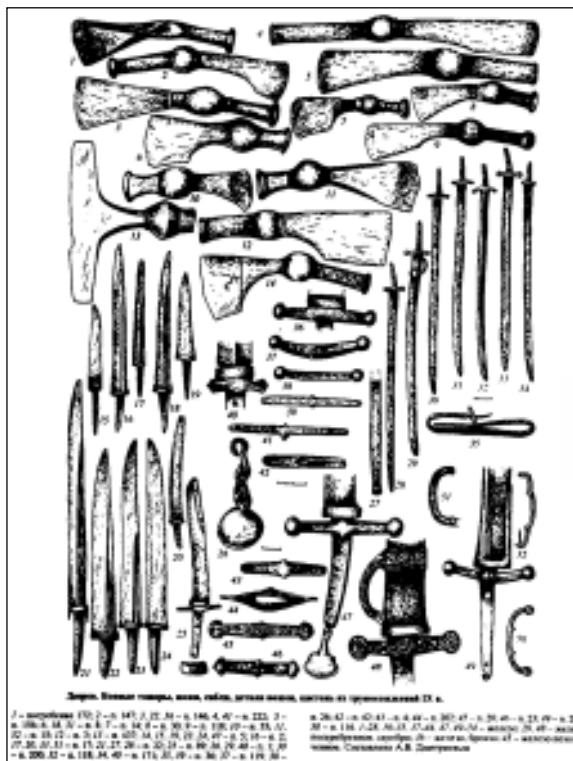
Столь же значимыми для нас представляются документы нового времени, когда в геополитическом ареале Черноморья развернулась территориальная борьба между Турцией, Россией и горскими народами Северного Кавказа. В 1720 г. Османской империей на берегу Цемесской бухты строится крепость Суджук-Кале⁶ как военный, политический и экономический форпост Турции в кавказском Причерноморье. В течение столетия (до заключения Адрианопольского мирного договора) крепость Суджук-кале была не только военно-морской базой турецкого флота и перевалочным центром для переброски войск на Кавказ, но и ареной политических интриг против России. В 1773 г. вблизи Суджукского берега произошли первые сражения русского и турецкого флотов. Русские моряки, ведомые капитаном 1-го ранга Я.Ф. Сухотиным и капитаном 2-го ранга И.Г. Кинсбергенем, одержали верх над превосходящими силами противника.

XIX столетие отмечено кровопролитным противостоянием русских войск и горских народов в ходе Кавказской войны. Командующий войсками на Кавказе генерал Ермолов говорил: «Чтобы покорить горцев прочным образом, нахожу необходимым занять важнейшие в топографическом отношении места в землях их укреплений. Средства для сего нужны значительные»⁷. Помимо этого он предлагал вести экономическую блокаду побережья Кавказа с целью предотвращения снабжения воинственно настроенных горцев, прежде всего, оружием и боеприпасами. По мнению Ермолова, следовало также воспрепятствовать традиционной работоторговле на Кавказском побережье, обеспечивавшей «живым товаром» Турцию и рынки Востока. Исходя из этого и других важных факторов, русское командование приступило в 1830 г. к строительству Черноморской береговой укреплённой линии⁸. В результате тщательно спланированной и успешно проведенной адмиралом М.П. Лазаревым морской десантно-штурмовой операции, 12 сентября 1838 г. в Суджукской бухте высадился десант русских войск (около 6 тысяч человек). Несколькими днями позже началось строительство укрепления, получившего вскоре свое гордое имя – Новороссийск. Огромный вклад в строительство укрепления, а затем и города на берегу Новороссийской бухты внесли генерал Н.Н. Раевский-младший и адмирал Л.М. Серебряков.

Век XX в Новороссийске связан с драматическими событиями русских революций, Первой мировой войны, затоплением в бухте черноморской эскадры в июне 1918 г., гражданской войной, когда через Новороссийск прокатилась одна из самых мощных волн «Великого исхода».

Не менее печальные события происходили в Цемесской бухте в годы Великой Отечественной войны⁹. Не касаясь масштаба боевых действий, нашедших серьезное и глубокое отражение в исторической литературе, хотелось бы напомнить, что в обороне и освобождении Новороссийска принимали участие практически все рода и виды войск.

Трудно переоценить роль и значение военно-инженерного искусства в ходе боевых действий у стен Новороссийска. В период противостояния воюющих сторон на предельно ограниченной территории были сосредоточены значительные войсковые группировки и сконцентрировано огромное количество техники и оружия. Только благодаря мужеству и героизму воинов, а также должному обеспечению войск в инженерном отношении, неприступная «Голубая линия» нацистов дрогнула, враг был повержен¹⁰.

Дюро. Боевые топоры, ножи, сабли, детали ножен, кистень из трупосожжений IX в.

Проект плана строительства укрепления при устье реки Цемесс

«Голубая линия» – система оборонительных рубежей немецко-фашистских войск на Таманском полуострове к 9 сентября 1943 г.

роли военных в его становлении и развитии. Продолжателями лучших боевых традиций они являются и сегодня. В настоящее время здесь дислоцируется значительный гарнизон войск. Его пребывание в Новороссийске обусловлено событиями последних лет на Кавказе. Уже в третий раз на территории, прилегающей к Цемесской бухте, строится Новороссийская военно-морская база, которая призвана обеспечить надежную защиту южных морских рубежей Отечества.

Мы считаем, что, исходя из понимания единства и взаимосвязи историко-культурного и природного наследия, следует поставить перспективную задачу формирования системы охраняемых историко-культурных и природных территорий. В частности, акватория Цемесской бухты и место расположения города Новороссийска могут быть определены как целостные заповедные пространственные объекты природы, историко-культурных, в том числе военно-исторических, памятников большой ценности и значимости¹². Этот комплекс памятников и заповедных территорий объективно связан с экономическими, историческими и военными событиями в жизни народов Греции, Италии, Ирана, Турции, России, Германии и целого ряда народов Северного Кавказа. В совокупности своих признаков и характеристик он представляет исключительную ценность с точки зрения отечественного и мирового культурного наследия.

Великая Победа создала для нашей страны комфортный геополитический климат в Черноморском регионе. Однако события начала 90-х гг. прошлого века свели на нет результаты титанических усилий советской державы и ее героического народа. Россия потеряла Очаков и Измаил. Севастополь и Черноморский флот, вопреки жизненным интересам братских народов России и Украины, стали полигоном для выяснения отношений амбициозных, но недалеконевидных политиков.

В жизни общества каждое явление имеет свои исторические предпосылки – вопросы, казалось, давно решенные, неожиданно всплывают из исторического небытия и превращаются в обжигающую реальность. Здесь, в Причерноморье, сегодня вновь обнажились глобальные вопросы европейской и мировой политики. Судьбы народов, издавна живущих на этой земле, в очередной раз превратились в разменную монету в большой геополитической игре творцов нового мирового порядка¹¹.

Пытаясь дать объективную оценку истории города Новороссийска, мы не можем не оценить

¹ Записки музея природы и истории Черноморского побережья Кавказа. Вып. I. Новороссийск, 1916. С. 7–9.

² Онайко Н.А. О работе новороссийской экспедиции. АО 1971. М., 1972. С. 134; Она же. Результаты новороссийской экспедиции 1971–1972 гг. КСИА. Вып. 143. 1975. С. 82; Онайко Н.А., Дмитриев А.В. Укрепленное здание на античном поселении у с. Владимировка близ Новороссийска. КСИА. Вып. 168. 1981. С. 93.

³ Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII вв. / Под ред. Б.А. Рыбакова. М., 1981. С. 218–219.

⁴ РГА ВМФ. Ф. 19. Оп. 2. Д. 209. Л. 93–95.

⁵ Анучин Д. О началах инженерного искусства, проявляющихся у кавказских горских народов. Инженерный журнал. СПб., 1858. № 1. С. 87–115.

⁶ Пейсонель М. Исследование торговли на черкеско-абхазском берегу Черного моря в 1750–1762 годах. Краснодар, 1927. С. 22.

⁷ Романовский. Кавказ и кавказская война. Публичная лекция в зале пассажа в 1860 г. СПб., 1860. С. 13–27.

⁸ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6368. Л. 7, 8.

⁹ Гречко А.А. Битва за Кавказ. М., 1967.

¹⁰ Баданин Б.В. На боевых рубежах Кавказа. М., 1962.

¹¹ Горбачев С. Год 1856-й, 30 марта. Красная звезда. 2006. 30 марта.

¹² Куликово поле и ратные поля Европы. Прошлое и настоящее. Материалы международного конгресса «Куликово поле среди ратных полей Европы». Москва – Куликово поле. 31марта – 2 июня 2000. Тула, 2002. С. 176.

Великий князь Михаил Николаевич — последний генерал-фельдцейхмейстер российской артиллерии

В 2007 г. исполняется 175 лет со дня рождения последнего, двенадцатого генерал-фельдцейхмейстера императорской России, генерал-фельдмаршала, Великого князя Михаила Николаевича Романова.

Долгий, более чем полувековой период начальствования Великого князя Михаила Николаевича над отечественной артиллерией составляет целую эпоху в ее истории, эпоху, изменившую облик и сущность артиллерии, мощь и точность ее огня, роль и место артиллерии в бою и сражении, эпоху – без преувеличения – революции в военном деле.

Великий князь Михаил Николаевич Романов, четвертый, младший сын императора Николая I, родился 13 октября 1832 г. в Петербурге.

Основные вехи его биографии и служебной деятельности характеризуются следующими событиями (все даты – по старому стилю):

14 октября 1832 – назначен шефом лейб-гвардии Конно-гренадерского полка, назначен состоять в лейб-гвардии Преображенском полку и лейб-гвардии Конной артиллерии;

1840 – зачислен в 1-й кадетский корпус;

2 июля 1846 – произведен в первый офицерский чин подпоручика;

29 октября 1846 – избран почетным членом Императорского Русского Географического общества;

13 октября 1847 – произведен в поручики;

30 августа 1848 – произведен в капитаны;

13 октября 1850 – произведен в полковники;

14 августа 1852 – избран почетным членом Одесского общества истории и древностей;

26 ноября 1852 – произведен в генерал-майоры, назначен в свиту Его Императорского Величества и назначен генерал-фельдцейхмейстером и бригадным командиром гвардейской конной артиллерии;

1 ноября 1852 – назначен членом Государственного Совета (без права голоса);

23 октября 1854 – 3 декабря 1854 и 15 января 1855 – 21 февраля 1855 – находился при войсках, защищавших Севастополь. При этом 24 октября 1854 участвовал в сражении под Инкерманом, за что 7 ноября 1854 был награжден орденом св. Георгия 4-й ст. за храбрость. 24 ноября 1854 участвовал в артиллерийском сражении на Константиновском форте. С 30 января по 22 февраля заведовал всей артиллерией на фортах и укреплениях Северной стороны по правому берегу р. Черной.

27 марта 1855 – назначен полноправным членом Государственного совета;

29 декабря 1855 – утвержден почетным членом Императорской Академии наук.

25 января 1856 – официально вступил в должность генерал-фельдцейхмейстера и назначен генерал-адъютантом к Его Величеству;

21 апреля 1856 – назначен вице-председателем Комиссии для улучшений по военной части;

26 августа 1856 – пожалован генерал-лейтенантом и назначен почетным президентом Михайловской артиллерийской академии;

19 февраля 1860 – назначен главным начальником военно-учебных заведений;

30 августа 1860 – пожалован в генералы от артиллерии;

12 октября 1862 – январь 1863 председательствовал в Особом комитете по преобразованию военно-учебных заведений;

6 декабря 1862 – назначен наместником Кавказским и командующим Кавказской армией;

С 1863 по 1881 – исполнял должность наместника Кавказского. За это время был награжден:

19 марта 1863 – золотой драгоцненной саблей с надписью «За храбрость» за отличия против горцев;

2 июля 1864 – орденом св. Георгия 2-й ст. и саблей с алмазами с надписью «За окончание Кавказской войны»;

В кампанию 1877 против турок 25 мая – 28 ноября находился в действующей армии;

9 октября 1877 – награжден орденом св. Георгия 1-й степени за победу над турками в сражении на Аладжинских высотах и взятие Карса;

16 апреля 1878 – пожалован в генерал-фельдмаршалы «В ознаменование важных заслуг, оказанных Отечеству в ныне оконченной войне с Турцией»;

11 июня 1881 – по высочайшему повелению вновь вступил в исполнение обязанностей генерал-фельдцейхмейстера;

14 июля 1881 – назначен председателем Государственного совета;

21 июля 1881 – освобожден от занимаемых должностей наместника Кавказского и Главнокомандующего Кавказской армией;

26 ноября 1882 – назначен почетным членом Николаевской академии Генерального штаба;

26 ноября 1883 – назначен членом Кабинета министров;

12 февраля 1892 – назначен председателем Александровского комитета о раненых.

16 августа 1903 – вследствие тяжелой болезни, по рекомендации врачей, выехал за границу, в Канны;

5 декабря 1909 – умер в Каннах, во Франции. Похоронен в Петропавловском соборе в Петербурге.

Сослуживцы и соратники Великого князя Михаила Николаевича смерть его считали серьезной утратой как для царской семьи, так и для армии.

Генерал-лейтенант А.А. Мосолов, начальник канцелярии Министерства императорского двора в своих воспоминаниях «При дворе последнего царя (1900–1916)» называет Михаила Николаевича «патриархом дома Романовых», человеком хотя и не особо одаренным и не игравшим в эти годы особой роли в политике в силу преклонного возраста, но, безусловно, благородным и уравновешенным, обладавшим учтивостью – редким в ту пору качеством. Как патриарха семьи (Николай II приходился Великому князю внучатым племянником), его чтит все родственники, и никто не подвергал сомнению его авторитет. «Его тактичное вмешательство подавляло в самом зародыше мелкие дразги между Романовыми. Смерть Михаила Николаевича стала невосполнимой утратой, поскольку ничего, кроме имени уже не объединяло династию, и с 1910 года эта пропасть становилась все шире»².

В.Ф. Джунковский, принимавший участие в похоронах Великого князя как Свиты генерал, в своих «Воспоминаниях» (1920) отмечает: «Время его наместничества на Кавказе было одним из лучших годов управления русскими властями этой окраиной... русская армия потеряла в его лице одного из лучших и почтеннейших своих представителей, выдающегося боевого генерала и редкой души человека... Честь была его девизом на всех поприщах его служения, начиная с многострадальных дней севастопольских и кончая Карсом в Русско-турецкую войну. Он пользовался огромной популярностью на Кавказе, и, будучи генерал-фельдцейхмейстером, также среди артиллерии, где о нем иначе не говорили, как «наш великий князь»... Его высокая фигура старого рыцаря производила обаятельное впечатление на всех, кто с ним имел соприкосновение. Он умел соединить величие с удивительной простотой. Он был очень добрый человек»³. Особого внимания заслуживает деятельность Михаила Николаевича на посту генерал-фельдцейхмейстера.

Наиболее полно и обширно с этой стороной деятельности Великого князя был знаком его многолетний помощник генерал-адъютант А.А. Баранцов.

Александр Алексеевич в 1856 г., одновременно со вступлением Михаила Николаевича в должность генерал-фельдцейхмейстера, принял пост начальника его штаба и 25 января 1856 г. скрепил своей подписью приказ по артиллерии о вступлении Великого князя в должность. 19 января 1863 г. было объявлено высочайшее повеление об учреждении Главных управлений, Артиллерийского и Инженерного с упразднением штабов генерал-фельдцейхмейстера и генерал-интенданта инженеров путем слияния их с Артиллерийским и Инженерным департаментами Военного министерства соответственно. 26 января были объявлены новые назначения во исполнение приказа от 19 января. Генерал-адъютант А.А. Баранцов получил звание товарища (заместителя) генерал-фельдцейхмейстера. 6 февраля 1863 г. Великий князь Михаил Николаевич, назначенный наместником Кавказским, убыл из Петербурга к новому месту службы, а 8 февраля генерал-адъютант Баранцов в приказе по артиллерии объявил о своем вступлении в должность генерал-фельдцейхмейстера, которую он и исполнял до возвращения Великого князя в 1881 г.⁴ К сожалению, ни воспоминаний, ни хотя бы дневников А.А. Баранцова, умершего в 1882 г., не найдено.

Весьма подробно и обстоятельно жизнь и деятельность великого князя Михаила Николаевича отражена в работах Д.П. Струкова.

В книге «Августейший генерал-фельдцейхмейстер»⁵, написанной к 50-летию деятельности Михаила Николаевича на этом посту, генерал-майор Д.П. Струков разделяет полувековое управление великим князем отечественной артиллерией на три периода: «...период *первый*, с 1856 по 1863 гг., и период *третий*, с 1881 г. – периоды непосредственного управления делами артиллерии, а период *второй*, с 1863 по 1881 гг. – период времени пребывания на Кавказе, когда Его Высочество, занятый выполнением многосложных обязанностей Наместника и Главнокомандующего, предоставил себе лишь высшее руководство управлением артиллерией».

В течение первого периода, характеризующегося активным процессом перехода артиллерии от гладкоствольной к нарезной и связанных с ним фундаментальных и прикладных исследований и испытаний, деятельность генерал-фельдцейхмейстера была посвящена совершенствованию артиллерийского образования в русской армии, повышению научного уровня исследований и разработок в области материальной части артиллерии, расширению учебной и испытательной полигонной базы, активизации средств научно-технической информации («Артиллерийский журнал», «Оружейный сборник» и др.). На выбор направления деятельности повлияло, вероятно, и то, что с 1860 по 1863 г. Великий князь был Главным Начальником военно-учебных заведений.

Д.П. Струков отмечает также: «Артиллерия и ее нужды не оставались забытыми Великим Князем и в бытность Его Высочества на Кавказе. Доверив дела артиллерийского управления ближайшему и непосредственному ведению своего Товарища, генерал-адъютанта графа Баранцова, генерал-фельдцейхмейстер не переставал по представляемым «мемориям» следить за ходом всех преобразований, а нередко давать по ним и свои указания»⁶. С этим мнением совпадает и оценка военного министра, генерал-фельдмаршала графа Д.А. Милютина: «Великий князь Михаил Николаевич, несмотря на многосложные обязанности и заботы по новой должности, не переставал и заочно следить с участием и любовью за всеми переменами, происходившими в артиллерийских ведомствах. А.А. Баранцов поддерживал постоянную с ним переписку и давал ему подробный отчет во всех своих действиях. Между великим князем и Баранцовым всегда отношения были самые лучшие, почти дружеские»⁷.

По указу императора Александра III 11 июня 1881 г. Великий князь Михаил Николаевич вновь приступил к исполнению обязанностей генерал-фельдцейхмейстера. «В лице Августейшего генерал-фельдцейхмейстера артиллерия в этот третий период управления Его Императорским Высочеством делами ее встретила опытного и деятельного руководителя, воодушевлявшего примером самоотверженной работы всех ближайших помощников и подчиненных»⁸. Этот период характеризуется кипучей деятельностью по реорганизации артиллерии в ее организационной и технической, учебной и научной частях. Отечественная артиллерия быстро развивалась, впитывая достижения научно-технического прогресса. Переоснащение русской армии современными видами вооружения сдерживалось экономической, прежде всего, промышленной отсталостью страны, лишь недавно совершившей шаг от феодализма к индустриальному капитализму.

И в этот период роль генерал-фельдцейхмейстера, ставшего к тому же Председателем Государственного Совета (1881), в развитии русской артиллерии оценивалась, как правило, положительно. Неизменно высокая оценка деятельности Великого князя Михаила Николаевича на поприще артиллерийском, монаршьи благодарности и поощрения содержались в высочайших рескриптах и Александра II, и Александра III, и Николая II⁹.

Однако случались ситуации, когда высокий сан Августейшего генерал-фельдцейхмейстера мешал принятию правильных, оптимальных решений. Д.А. Милютин в своих «Воспоминаниях» сетовал: «Как трудны служебные отношения, когда должностное лицо есть, вместе с тем, и член Царской семьи»¹⁰. Такие трудности имели место, например, в процессе преобразования системы артиллерийского управления (1862–1863), когда на основе Штаба Генерал-фельдцейхмейстера и Артиллерийского департамента военного министерства было создано Главное артиллерийское управление, подчиненное военному министру. «Великим князьям (Николаю и Михаилу Николаевичам. – *И.Т.*), конечно, не совсем было приятно отказаться от прежнего своего самостоятельного, независимого от министра положения и стать во главе Управлений, вошедших всецело в состав Министерства; ... Учреждением должности «товарищей» как непосредственных начальников Главных управлений устранялось всякое опасение личных щекотливых для Великих князей отношений прямого подчинения министру». Далее в автографе «Воспоминаний» было зачеркнуто красноречивое высказывание, содержащее оценку этой ситуации военным министром: «В теории Великие князья сохраняли вполне прежнюю самостоятельность по званиям, в действительности же они участвуют не иначе, как через своих товарищей, то есть лиц, в руках которых сосредоточено все делопроизводство и вполне подчиненных министру».

В целом, деятельность генерал-фельдцейхмейстера Великого князя Михаила Николаевича по управлению отечественной артиллерией в течение более, чем полувека, безусловно, заслуживает нашей положительной оценки. Недостатки в его работе, которые отмечают современные исследователи, обусловлены тем, что в эпоху коренных, революционных преобразований в артиллерии те, в основном, представительские и общеуправленческие функции, исполняемые Августейшим генерал-фельдцейхмейстером, оказались недостаточными. Но в силу полученного им образования, загруженности другими государственными обязанностями и великокняжеского менталитета вряд ли мог иметь место другой результат.

¹ Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи 1802–1917. Библиографический справочник. СПб., 2002.

² Мосолов А.А. При дворе последнего царя. Воспоминания начальника дворцовой канцелярии 1900–1916. М., 2006. С. 77–78.

³ Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 1. М., 2003. С. 427–427.

⁴ Милютин Д.А. Воспоминания 1863–1864. М., 2003. С. 36.

⁵ Струков Д.П. Августейший генерал-фельдцейхмейстер Великий князь Михаил Николаевич. Некролог. СПб., 1910. С. 4.

⁶ Там же. С. 5.

⁷ Милютин Д.А. Указ. соч. С. 35.

⁸ Струков Д.П. Указ. соч. С. 6.

⁹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 52. Оп. 110. Д. 1. Л. 64–65.

¹⁰ Милютин Д.А. Указ. соч. С. 35.

Обучение военному делу Наследника Цесаревича Алексея Николаевича Романова

Система обучения Цесаревича Алексея Николаевича включала в себя восьмилетний общеобразовательный курс и пятилетний курс, соответствовавший высшему образованию. Преподавателями Наследника были В.Н. Воейков – командир лейб-гвардии гусарского полка, генерал-майор свиты, с 24.12.1913 г. комендант дворца, Чарльз Сидней Гиббс – директор международного института иностранных языков (преподавал английский и немецкий язык), Пьер Жильяр – воспитатель (французский язык), П.В. Петров – директор одного из петербургских военных училищ (русский язык, русская литература, история, математика), Эрнст Платонович Зетов – педагог (математика), отец Александр (Александр Петрович Васильев) – придворный священник («Закон Божий»).

Учителя, обучавшие Цесаревича, понимали степень ответственности, лежавшей на них. Для всестороннего развития и воспитания будущего руководителя государства были созданы все необходимые условия. До начала Первой мировой войны Цесаревич Алексей жил в Петергофе в Нижнем дворце. «...Дневная детская служила и для игр, и для занятий... Здесь находились ...целые армии оловянных солдатиков, ...подводной лодки, скорострельной пушки, ... ящик с саблей, пиками и деревянным ружьем, игрушечная крепость, дирижабль, ...стереоскоп, альбомы для фотографий и раскрашивания картинок, теннисные ракетки, мячи и многое другое... Но самым ценным подарком был для Алексея пони, которого он умел чистить и кормить. Цесаревич любил игры на воздухе и физический труд, когда хорошо себя чувствовал. Вместе с дядькой Деревенько мальчик выполнял несложные воинские упражнения...»¹.

Настоящее знакомство с флотом для Цесаревича началось во время плаваний на императорских яхтах. «...Вся семья Николая II очень любила «Штандарт», на котором в 1906 году был впервые поднят брейд-вымпел Цесаревича. На немногих любительских фотографиях, сделанных самим Николаем II и членами его семьи, запечатлены игры в кости и домино, просмотр кинофильмов и слушание балалаечников на открытой палубе, купание, пикники на островах, катание на лодках. Николай II обучал сына плаванию, искусству гребли и управления шлюпкой (одна из шлюпок с императорской яхты «Штандарт» находится на хранении в ЦВММ. – О.Ф.), рассказывал об устройстве яхты и принципе работы машин...». В царской семье уделялось большое внимание музыкальному развитию детей. Музыка звучала и на парадах. «...Особое удовольствие Алексею, показавшему себя настоящим любителем музыки, доставляет игра, главным образом по праздникам, военного оркестра...».

К 100-летию юбилею Московского лейб-гвардии полка престолонаследник получил в подарок от штаб-капитана этой воинской части, барона фон Штапельберга две кантаты: одна была посвящена полку, а другая написана по случаю назначения царевича его шефом. Поэтические строки первого гимна напоминали об участии этого полка в защите России от армии Наполеона. В финале звучала надежда на столь же славное будущее².

Жизнь царской семьи была тесно связана с понятием протокола. Уже в юные годы престолонаследник хорошо был знаком с придворным этикетом, предоставлявшим ему блестящие возможности компенсировать многочисленные ограничения в спорте, задевавшие его чувство собственного достоинства. Церемониальные действия доставляли царевичу огромное удовольствие. «...Царская семья, как это бывало каждый год, и на этот раз в начале лета выезжает в Ревель для приема официальных визитов глав государств. Как обычно, она отправляется из Петергофа, куда переселилась летом, на борту «Штандарта». ...На встречу с королем Эдуардом VII в Ревеле царская семья прибывает на императорском поезде; «Штандарт» ждет ее в порту. Стоит безоблачный летний день, 9 июня 1908 г. ... Всю церемонию приема, которая кажется ему бесконечной, маленькой Алексей согласно протоколу стоит навтыжку позади царя и, в соответствии со своим положением, приветствует гостей после него. ...Британский король подносит Алексею подарок: большой таинственный сундук. В нем двенадцать различных образцов карабинов с полным комплектом боеприпасов ...некоторые из подарков доставляют Алексею истинное удовольствие, например, маленький «мерседес», который Наследник может сам водить в парке – это подарок от царицы-матери Марии Федоровны»³.

Большую роль в деле воспитания Наследника играли государственные визиты. Летом 1909 г. царская семья отправилась на яхте в Данию и Стокгольм; для Алексея это стало первой поездкой за границу. Год спустя «Алексею позволяют сопровождать царя во время ответных визитов во Францию и Англию. На борту великолепной яхты «Штандарт» с соответствующим эскортом они отправляются к президенту Файеру в Шербур, где Алексей имеет воз-

Император Николай II с семьей на перроне вокзала во время прибытия в Ставку. 1916 г.

можность насладиться парадом военно-морского флота. Однако самое большое впечатление на Алексея производит прием в Англии. Когда царская яхта под эскортом величественно входит в британские территориальные воды, приближаясь к якорной стоянке Спидхед..., ей навстречу выходит Северная эскадра Британского флота: двести судов, сопровождаемых крейсерами «Indomitable» – «Неукротимый», «Непримиримый» – «Irreconcilable» и «Непобедимый» – «Invincible». ...В честь российских гостей английский король начинает парадом военно-морских сил ежегодную Каусскую регату. Зрелище в высшей степени впечатляющее. ...Парады французской пехоты и кавалерии тоже были интересными. Помимо того, в Шал-сюр-Марне, где находится учебный плац... парад получился впечатляющим, так как в нем принимали участие 50 тысяч человек... Алексей уже однажды видел в Красном Селе полмиллиона проходящих строем военнoслужаших... Именно после этих государственных мероприятий и ответных визитов русской стороны Царевич еще больше, чем прежде, стал гордиться своим отцом и своей страной... 1910 г. Той же осенью Алексей сопровождает отца во время официального визита к германскому императору Вильгельму II⁴. Так с детских лет приобретался дипломатический опыт, необходимый будущему императору. В поездках по Германии, Великобритании, Франции, Дании, Швеции, Румынии Наследник знакомился с армиями этих стран.

Алексей Николаевич Романов являлся шефом многих полков. Еще в день своего крещения Цесаревич получил целый ряд званий – командир Финляндского гвардейского полка, 51-го Литовского и 89-го Беломорского пехотных полков, 12-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, был зачислен в списки всех гвардейских полков и войсковых частей, состоявших под командованием Императора, а также полков конногвардейцев, гвардии кирасир Марии Федоровны, уланских гвардейских полков Александры Федоровны и назначен Атаманом всех казачьих войск⁵. За жизнь Наследника ответственность несла охрана и приставленные к нему дядьки, которые попеременно наблюдали за ним. Это были боцман А.Е. Деревенько и матрос К.Г. Нагорный. Цесаревичу было «разрешено посещать казармы своего полка и обедать вместе с офицерами в офицерской столовой...

Императрица Александра Федоровна и Цесаревич Алексей во время парада на Марсовом поле. 1916 г.

Матросы Алексея приставлены к нему не только ради безопасности, но и с целью расширения его знаний в области военно-морского дела. С ними Алексей обращается скорее как с друзьями, чем как с подчиненными... Он любит общество матросов, с которыми занимается строевой подготовкой в своей белой матросской форме с бескозыркой⁶.

Поездки играли большую роль в укреплении здоровья Цесаревича. В 1913 г. «пребывание Алексея на горноморском воздухе и лечение грязями значительно улучшило его физическое состояние, тяжелые приступы прекратились, он приобрел здоровый вид и стал бывать в Ялте и ее окрестностях. Так, вместе с тем же дядькой Деревенько, под охраной нескольких казаков, Цесаревич три раза в неделю ездил на автомобиле в удельное имение Массандру. Там он под наблюдением своих опекунов, вместе с «потешными» – подростками, сыновьями нижних чинов, одетый, как и они, в морскую холщовую форменку, занимался гимнастикой, маршировал, изучал воинскую дисциплину, отрабатывал ружейные приемы, пел их песни, а также в солдатском котелке варил на костре картофельный суп или гречневую кашу⁷.

Начиная с 1914 г., обучение Наследника Цесаревича проходило в военных условиях, что накладывало особый отпечаток на этот процесс. Помимо основных предметов, которые преподавали Наследнику, он мог воочию наблюдать уже осенью и зимой 1915 г., каким образом строится военная служба в действующей армии в условиях войны.

На примере дневниковых записей императора Николая II можно получить представление об объеме и сложности тех знаний, которыми Наследник должен был овладеть. Одним из источников, в котором изложены данные о местах пребывания Цесаревича Алексея, является книга П. Жильяра «Император Николай II и его семья» и «Дневники Императора Николая II»⁸. Для иллюстрации материала обратимся к воспоминаниям П. Жильяра.

Осень–зима 1915 г. «...Государь вернулся на несколько дней в Царское Село и было решено, что Алексей Николаевич вновь поедет с ним в Ставку... Мы уехали 14 октября в Могилев... На следующий день мы остановились в Режице, где Государь хотел сделать смотр войскам... После смотра Государь подошел к солдатам... Алексей шаг за шагом следовал за отцом, слушая со страстным интересом рассказы этих людей, которые столько раз видели близко смерть...». Далее П. Жильяр пишет: «...Мы приехали 16 октября в Могилев... Государь пожелал осмотреть войска в сопровождении Наследника, и мы отправились 24 октября в армию...» (по железной дороге по направлению от г. Бреста через Ковель, Режица, Луцк, Ровно). «...На следующий день мы прибыли в Бердичев, где в наш поезд сел Главнокомандующий юго-западным фронтом генерал Иванов. Несколько часов спустя мы были в Ровно. В этом городе помещался генерал Брусиллов со своим штабом... Мы тотчас сели в автомобили, ибо приходилось проехать более двадцати верст... Государь с Цесаревичем прошел пешком по всему фронту (прошел пешком перед выстроившимися войсками. – О.Ф.). Затем части прошли одна за другой перед ним... Когда окончилась эта церемония, уже наступила ночь... Мы вернулись в наш поезд, который тотчас проследовал на юг. На следующее утро мы проснулись в Галиции⁹ ночью мы проехали бывшую границу Австрии... Мы покинули

ж/д ст. в Богдановке и постепенно поднялись на плоскогорье, где были собраны части от всех полков армии генерала Шербачева... Государь посетил Печерский полк, расположенный на расстоянии пяти километров от передовых окопов... После этого мы вернулись к автомобилям, которые были оставлены в лесу, и отправились к армии Лечицкого, находившейся в 50 км оттуда... Мы вернулись в Могилев 27 октября вечером...».

Тот факт, что Верховный главнокомандующий с Цесаревичем Алексеем, не взирая на протесты сопровождавших его лиц, подвергали свою жизнь опасности для того, чтобы продемонстрировать признание заслуженным полкам, вызывало всеобщее уважение. За посещение передовой и лазарета Наследник награждается Георгиевской медалью четвертой степени. Это первое военное отличие, которое Цесаревич Алексей получил не в силу своего происхождения. В телеграмме по этому поводу говорится: «Вашему Величеству от главнокомандующего армией Юго-Западного фронта, 25 октября 1915 года. Смирненно и покорно докладываю о награждении Его Им-

**Николай II с сыном Цесаревичем Алексеем.
1913 г.**

ператорского Высочества Наследника Цесаревича и великого князя Алексея Николаевича серебряной медалью IV степени на Георгиевской ленте в память о посещении вечером 12 октября сего (1915) года раненых в районе станции Клеван в зоне обстрела вражеской артиллерии. А также о пребывании 13 октября в районе размещения резервных корпусов 11-й и 19-й армий. При этом позволю себе покорнейше надеяться, что Ваше Императорское Высочество с этой наградой вновь соблаговолит почтить своим посещением армии Юго-Западного фронта, сердца всех воинов которых исполнены радостного чувства безграничной преданности по отношению к своим верховным военачальникам и готовности положить свои жизни к ногам царя и Отечества, как это Вы могли чувствовать при Вашем посещении армии. Подписал: генерал-адъютант Иванов»¹⁰.

Вот как П. Жильяр описывает поездки в другие города. «...Мы покинули Царское Село 9 ноября; 10 мы были в Ревеле, где Царь посетил отряд подводных лодок... Тут же находились две английские подводные лодки... На следующий день... мы провели несколько часов среди удивительных сибирских полков... Несколько дней спустя мы были в Тирасполе, маленький городок в 100 км на северо-западе от Одессы, где Государь сделал смотр частям войск генерала Шербачева... На следующий день 22 ноября мы прибыли в Рени, маленький городок на Дунае у границы Румынии. В нем находились большие склады... На другой день, недалеко от Балты в Подолии Государь сделал смотр знаменитой кавказской кавалерии... Мы вернулись в ставку лишь 26 декабря, объехав почти весь огромный русский фронт от Балтийского до Черного моря».

Итак, Наследник Цесаревич прибывает 14 октября в Ставку. Далее, в период с 24 октября по 27 октября и с 9 ноября по 26 декабря 1915 г. он с императором объехал почти весь огромный русский

фронт. За это время, передвигаясь по железной дороге, Цесаревич посетил следующие поселки и города: Могилев, Брест, Ковель, Режицу, Луцк, Ровно, Быхов, Казатин, Киев, Винницу, Бендеры, Тирасполь, Бердичев, Одессу, Попово, ст. Альма, Севастополь, Евпаторию, Сарабуз, Двинск, Екатеринослав, Салтановку, Оршу, ст. Хвойня, Курск, Конотоп, Бахмач, Ревель, Ригу, Рени, п. Балты, железнодорожную станцию Богдановка в Галиции и др. Эти поездки играли большую воспитательную роль в становлении Цесаревича как личности, расширяли его кругозор, закладывали основы военных знаний на конкретных примерах жизни армии и флота, давали Наследнику возможность формировать собственную самостоятельную оценку положения дел на фронтах.

События весны, лета и осени 1916 г. можно проследить на примере «Дневников Императора Николая II»¹¹. Записи императора охватывают период с 7 мая по 26 ноября 1916 г., когда Наследник вместе с императором находился в ставке и на фронте.

«...7-го мая. Суббота. Пил чай с детьми и в 10 1/4 поехал с Алексеем прямо в штаб... В 2 часа вернулись в поезд... Простились со всеми в 4 1/2 и отправились на юг. В Быхове обошли другой эшелон того же полка... (Фатяжский полк. – О.Ф.).

8-го мая. Воскресенье. Приехали в Киев до 9 час. утра и к нашей радости были встречены дорогой Мама и Ольгой. Поговорили минут 20, простились и продолжали путь... В Казатине во время закуски вышел к двум ротам, следующим с фронта для формирования новых полков в Москве (для посылки в Салоники). В 2 часа прибыли в Винницу, где сперва обошли поезд передового санитарного отряда Аликс (Мекк)... обошли огромный лазарет Земского союза... В 9 час. поехали дальше юг...

9-го мая... В 10 час. вышли на ст. Бендеры и приняли Брусилова, Эбелова (губернатора) и других. В поезде доехали до места смотра в 2 вер. от города. Участвовали части вновь сформирован. 45-го арм. корпуса, бригада 113 пех. див., 451-й пех. Пирытинский и 452-й Кролевецкий и бригада 126-й пех. див., 501-й Сарапульский и 502-й Чистопольский полки и 1-й дивизион 126-й арт. бригады. Все представились молодцами и я остался очень доволен... В 2 часа поехали дальше. Солнце чудно пригревало. В 5.45 прибыли в Одессу. Обычная встреча и великолепный поч. караул от 465-го Уржумского полка. Поехали в собор по знакомым улицам и оттуда в склад, где получают работу жены запасных. В поезд вернулись перед самым обедом...

10-го мая... В 10 1/4 отправились на смотр за лагерь на т. н. стрелковое поле. Участвовали: бригада 117 пех. дивизии – 465-й Уржумский и 466-й Малмыжский полки, три пех. полка 1-й Сербской добров. дивизии, 113-я

арт. бригада и Черноморский конный п. Войска представились отлично, люди молодцами и лошади тоже хороши. С сербами здоровался и благодарил их и они отвечали по-сербски!... В 9 час. уехали из радушной Одессы...

11-го мая. Среда. ... Не доезжая Екатеринослава, остановились и сделали хорошую прогулку вдоль пути около 2 1/2 верст... Около 10 ч. остановились на ст. Попово...».

Таким образом, в период с 7 мая по 11 мая император знакомил Наследника с госпиталями, с подразделениями, отправляющимися в Грецию, и с пехотными соединениями, располагавшимися в районе Одессы.

«12-го мая... В 10 час. прикатили в Севастополь. Морское и военное начальство, дамы, почетный караул от Черном[орского] фл[отского] эк[ипажа]. В 11 час. посетили Романовский институт. После завтрака принял доклад Григоровича. В 2 1/2 отправились на нефтяном катере на рейд. Так вышло удачно, что весь флот был именно теперь в сборе. Посетили вместе линейные корабли: «Имп[ератрица] Екатерина Великая» и «Имп[ератрица] Мария». Корабли в большом порядке и производят могучее впечатление...»

13-го мая. Пятница. Чудный день во всех отношениях. Я с Алексеем побывал на 25 судах. В 9 1/2 час. начал объезд посетив: лин[ейные] корабли – «Евстафий», «Иоанн Златоуст», «Пантелеймон» и «Ростислав»; и крейсера – «Кагул», «Память Меркурия», «Алмаз» и «Прут». На каждом обходил офицеров и команды и благодарил их за боевую службу. Вернулся к завтраку. В 2 1/2 продолжал объезд со всеми детьми. Посетил всю минную бригаду. Миноносцы 1-го дивизиона: «Пронзительный», «Счастливый», «Беспокойный», «Гневный» и «Дерзкий»; 2-го дивизиона – «Громкий», «Пылкий», «Быстрый» и «Поспешный»; 3-го див. «Лейтенант Шестаков», «Кап[итан] лейтенант Баранов», «Кап[итан] Сакен» и «Лей-т[енант] Зацаренный»; 5-го див. «Заветный», «Звонкий», «Жаркий» и «Жуткий». Кончил ровно в 5 час...»

14-го мая. Суббота. Дивный жаркий день. В 10 1/4 отправились на лин. кор. «Имп. Мария» к обедне... я заехал к Эбергарду на «Георгий Победоносец» и выслушал его доклад... В 2.45 отправился со всеми детьми на Северную сторону, где осмотрел весь участок, на кот. воздвуга постройки здешнего корпуса. Посетил авиацию Черном. флота и оттуда проехал чрез город на другую гидроавиационную станцию у Круглой бухты – все вновь устроено. Вернулся в поезд в 6 час...»

15-го мая. Воскресенье. Такой же дивный день с легким южным ветром. В 10 1/4 поехали к обедне во Владимирский собор; откуда повез Алексея в панораму – штурм Севастополя..., церковь креп[остной] артиллерии во имя св. муч. Иоанна-Воина. Затем доехали почти до самого Херсонесского монастыря, где я осмотрел строящуюся батарею и далее влево еще другую. Заехали в Георгиевский монастырь, в кот[ором] были вдвоем в 1898 г. Вернулись в поезд в 5 1/4. Читал. Вечером долго разговаривали с гостями и простились со старшими начальниками».

Таким образом, в период с 12 мая по 15 мая в Севастополе император знакомил Наследника с Черноморским флотом. Цесаревич посетил боевые корабли разных типов и классов – линкоры, крейсера, так и миноносцы. Кроме того, он знакомится с артиллерийскими батареями и гидроавиацией флота. Император не забывает и о военной истории, он показывает Цесаревичу панораму «Оборона Севастополя 1854–1855 гг.».

Далее государь описывает в своих дневниках пребывание в Ставке и поездки в его окрестностях с Цесаревичем Алексеем. Этот период охватывает с 18 мая по 16 октября 1916 г. С 16 октября по 26 ноября император знакомит сына с подразделениями, отправляющимися на Кавказский фронт, посещает военные училища Киева и присутствует в Санкт-Петербурге в Народном доме на торжествах, посвященных Георгиевским кавалерам, кроме того, Наследник имел возможность общаться с государственными чиновниками различных рангов¹².

Война оказывала на Цесаревича определенное влияние. 1 октября 1916 г. в парижском еженедельнике «L'illustration» появилось сообщение о буднях российского Генерального штаба, Ставки и об особом впечатлении, произведенном русским престолонаследником на корреспондента Сержа де Шассена. В иллюстрированной статье на всю страницу, в частности, говорится: «Часами он [Алексей Николаевич] сосредоточенно погружен в изучение военных карт, утыканных маленькими флажками. Оловянных солдатиков, которыми он так любил прежде играть, и тех солдат, которые гибнут на войне, получают ранения или возвращаются украшенные крестами, уже разделяет непреодолимая пропасть. Великий князь ни о чем более не думает и ни о чем другом не говорит, как о войне. Генерал Брусилов теперь для него великий герой и великий пример; когда этот генерал после крупного успеха своего наступления в Галиции вернулся знаменитостью в Ставку, юный Царевич на глазах у всех выбежал ему навстречу, чтобы его поздравить... Царевич владеет специальной военной лексикой как кадровый военный. Но наибольшее удовольствие доставляет ему муштровать своих кадетов или объяснять им положение на фронте...». 3 ноября 1916 г. Алексею присвоено звание капрала. «...Вскоре престолонаследник начинает посещать раненых. Доктор Боткин впервые берет его с собой в больничную палату лазарета, который царица оборудовала в большом дворце. Сначала царевич застенчив и сдержан. В соответствии с протоколом при его появлении звучит царский гимн – разумеется, из граммофона. Те, кто может встать, пытаются стоять до конца музыки»¹³.

Весной, летом и осенью 1916 г. Цесаревич знакомится с пехотными соединениями и артиллерийскими бригадами. Присутствует во время доклада морского министра И.К. Григоровича. В Севастополе он побывал на 25

Цесаревич Алексей в морской форме. Около 1912 г.

военных кораблях: линкорах, крейсерах, в минной бригаде, посетил панораму «Оборона Севастополя», строящиеся артбатареи, в Киеве осмотрел военные училища, госпиталя, побывал в действующей армии на Западном фронте.

Таким образом, Цесаревич, находясь вместе с императором в действующей армии, жил ее жизнью. Изучал военное дело непосредственно в боевой обстановке. Присутствовал на совещаниях в штабе, занимался строевой подготовкой, изучал оружие, знакомился с уставами, посещал армейские части, корабли, госпиталя и т.д. Он познакомился с подводным флотом (посещение базы подводных лодок в Ревеле). Кроме того, у него была возможность изучать географию этих мест, устройство железной дороги. Он знакомился с видами и родами войск, их бытом на передовой. Изучал фортификационные сооружения, в частности, во время посещения крепости Перемышль. Тут же происходило знакомство с командующими фронтами, с личным составом. Кроме того, он общался с представителями военных миссий, которые находились в ставке в Могилеве. Это были глава французской военной миссии генерал Жорж Жанен, глава итальянской миссии полковник Б. Марсенго, глава бельгийской военной миссии генерал барон Рикель, британский военный представитель генерал сэр Джон Хенбери-Вильямс.

Наследник Цесаревич Алексей Николаевич Романов имел возможность изучать военную науку, то есть систему знаний о характере, законах войны, подготовке вооруженных сил и страны к войне и способах ее ведения. По результатам своих поездок на фронты он мог сам наблюдать, как реализуются на практике знания, полученные офицерами во время их обучения, и во что это выливается во время военных действий. По мере того, как Алексей Николаевич знакомился с армией и флотом, действующими в условиях войны, он пополнял свои знания в военной области. Они включали в себя: теорию военного искусства, теорию военного строительства, теорию воинского обучения и воспитания; теорию военной экономики и тыла вооруженных сил.

Находясь в ставке Верховного Главнокомандующего, он наблюдал, как осуществляются планирование, подготовка, ведение и всестороннее обеспечение военных действий. Изучал организационные структуры и техническое оснащение вооруженных сил, системы их отмотивирования, комплектования и развертывания, подготовки резервов, организации военной службы и др. вопросы. Он воочию наблюдал, какие результаты дает воинское обучение и воспитание, каковы методы и формы оперативной, боевой подготовки, формирования у воинов морально-боевых качеств, слаживания действий подразделений, частей, кораблей, соединений с целью обеспечения высокой боеспособности и боеготовности вооруженных сил. Таким образом, он изучал, как осуществляется руководство вооруженными силами, управление войсками в стратегическом, оперативном и тактическом масштабах.

Посещая с императором заводы и другие учреждения, Наследник получал необходимую информацию о военной экономике, о тыле, который обеспечивает деятельность вооруженных сил и ведение войны, о путях повышения устойчивости народного хозяйства в военное время. Приобретал умение ориентироваться в специальных отраслях научных знаний, органически связанных с военной наукой и непосредственно направленных на обеспечение потребностей военного дела (конструирование оружия и военной техники, военная география, военная педагогика, военная психология, военно-инженерное дело и т. д.). Большую роль в становлении личности Наследника Цесаревича играла военная история, которая изучает и обобщает опыт минувших войн, закономерности развития военного искусства.

¹ Солнечный лучик: К столетию со дня рождения Цесаревича Алексея. 1904–2004. СПб., 2004. С. 32, 33.

² Там же.

³ Хереш Э. Цесаревич Алексей. Ростов-на-Дону, 1998. С. 210.

⁴ Там же. С. 87, 116, 117, 122, 123, 152.

⁵ Там же. С. 124, 125, 126, 127, 149, 150.

⁶ Там же. С. 124, 125, 126, 127, 149, 150.

⁷ Нечаев Г. Судьба императорской яхты «Штандарт». М., 2000. С. 48, 51.

⁸ Жильяр П. Император Николай II и его семья. Петергоф, сент. 1905 – Екатеринбург, май 1918 г. / Предисловие С.Д. Сазонова. М., 1991; Романов Н.А. Дневники Императора Николая II. М., 1991.

⁹ Прохоров А.М. Энциклопедический словарь. М., 1980. С. 273: «Галиция – историческое название зап. – укр. и польск. земель современ. Ивано-Франковской, Львовской, Тернопольской обл. УССР; Жешувского и б.ч. Краковского воеводства ПНР.. В 1772–1918 г. пров. Габсбургской Империи, то есть Австрии, офиц. назв. – Кор-во Галиции и Лодомерии с Вел. Герцогством Краковским. С 1918 г. в Польше. Вост. Галиция в 1939 г. в составе Зап. Украины воссоединилась с УССР».

¹⁰ Хереш Э. Указ. соч. С. 279.

¹¹ Романов Н.А. Дневники Императора Николая II. М., 1991. С. 585–613.

¹² Там же.

¹³ Хереш Э. Указ. соч. С. 259, 307, 308.

Военное производство ГУЛАГа в годы Великой Отечественной войны на примере Молотовской (Пермской) области

В предвоенные годы промышленность ГУЛАГа охватывала 17 отраслей народного хозяйства (лес, уголь, нефть, цветные металлы, строительство и др.¹). Количество заключенных к началу войны (по официальным данным) достигало 2,3 миллиона человек², т. е. ГУЛАГ в 1940-е гг. представлял собой не только карательную, но и значительную хозяйственную организацию.

В Молотовской области в предвоенные годы активно строились и модернизировались военные заводы. Почти на всех объектах оборонного значения трудились заключенные ГУЛАГа. УИТЛК (Управление исправительно-трудовых лагерей и колоний) по Молотовской области на 1 апреля 1941 г. имело контрагентские договора с трестами, ведущими работы на строительстве завода № 98 Наркомата боеприпасов (взрывчатые вещества), авиамоторных заводов № 19 и 33-БИС (карбюраторный), Березниковских химических заводов (содовый и азотно-туковый), Краснокамского бумкомбината, заводе № 172 им. Молотова (пушечный)³. Кроме того, в области имелись 2 лагеря, подчиненные непосредственно ГУЛАГу (Усольский ИТЛ и Соликамский ИТЛ). Заключенные этих лагерей были заняты на лесозаготовках и строительстве сульфит-целлюлозного комбината (целлюлоза служила основой для производства пороха).

Удельный вес количества заключенных⁴ ко всем рабочим, занятым в промышленности Пермской области в 1940 г.⁵, составлял более 30%, что говорит о роли и значимости принудительного труда в экономике того времени.

Военное время внесло свои особенности в состав трудовых ресурсов Молотовской области. В результате мобилизации на фронт ушли тысячи рабочих и служащих, на их место пришли дети, женщины, пенсионеры, инвалиды и немалое количество заключенных и спецссыльных. Количество заключенных в области в годы войны резко увеличилось. В первую очередь за счет эвакуированных лагерей и колоний из прифронтовых областей. По всей стране в годы войны была проведена эвакуация 27 лагерей и 210 колоний из местностей, находившихся в непосредственной близости от зоны военных действий⁶. Было эвакуировано около 1 млн заключенных⁷. В числе первых эвакуировались заключенные, осужденные по 58 статье (политические). Так за первые 4 месяца войны в Соликамбумстрой было эвакуировано 14 000 заключенных⁸. На 20 апреля 1942 г. в Усольлаг эвакуировано 2354 только следственных заключенных (58 статья) из Прибалтийских республик, западных областей УССР, Орловской области⁹. В УИТЛК Молотовской области эвакуированы ИТК из Одесской, Сталинской, Полтавской областей УССР, Ленинградской, Курской, Карело-финской областей¹⁰. Уже в октябре 1941 г. в колониях УИТЛК содержалось 21862 заключенных¹¹. Также источником пополнения числа заключенных были приказы и директивы НКВД СССР (№ 221 от 22.06.1941 г.) о прекращении освобождения из лагерей и колоний контрреволюционеров, бандитов, рецидивистов и других опасных преступников¹². Эти категории осужденных оставались в лагерях и колониях до конца войны.

Военно-хозяйственным планом на IV квартал 1941 г. и на 1942 г. по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии, утвержденным СНК СССР и ЦК ВКПб 16 августа 1941 г., предусматривалось резкое увеличение выпуска на Урале вооружения, военной техники, боеприпасов и снаряжения, добычи топлива, производства электроэнергии, черных и цветных металлов, станков, котлов, турбин, металлургического, горного и другого оборудования¹³. На территории Молотовской области строились новые и расширялись старые производства – Березниковские калийный и магниевый, Соликамский магниевый и целлюлозно-бумажный, сульфит-спиртовой¹⁴, Пермский пушечный № 172, пороховой № 98, авиамоторный № 19, карбюраторный № 33 бис и многие другие. На территорию области были эвакуированы 124 предприятия. На площадях Чусовского завода установили оборудование Енакиевского, Константиновского, Нижне-Днепровского, Косогорского металлургических заводов. Из 22 химических предприятий, прибывших в область, большая часть разместилась в Соликамске и Березниках (Донской, Славяновский содовые). Целлюлозно-бумажные предприятия были приняты в Красновишерске, Краснокамске, Соликамске¹⁵. Большинство эвакуированных предприятий прибывали с значительным недостатком рабочих рук. Кроме того, рабочие требовались для разгрузки и установки оборудования, строительства новых цехов и заводов.

Ряд указов увеличил рабочее время и привлек к работе новые группы населения. Но дефицит рабочей силы был значительным. Так, по всей стране дополнительно надо было 12–13 млн. рабочих¹⁶.

Возрастающему количеству заключенных соответствовала возрастающая востребованность их труда. Строительный трест «Уралхимстрой», ведущий работы на важных оборонных заводах, во 2 полугодии 1941 г., имея значительный недостаток рабочей силы (Молотовский завод № 90: необходимо рабочих – 1135 чел., имеется – 474 чел. или 41,3%, Березниковский азотно-туковый завод: необходимо – 723 чел., имеется – 205 чел. или 28,4%, Березниковский содовый завод: необходимо – 1728 чел., имеется – 54 чел. или 3,1%), заключил договор с ИТК № 6 и 9 на 2000 и 500 человек соответственно¹⁷. Эвакуированные в Березники анилинокрасочный завод № 620 (Сталиногорск) и Рубежский химзавод в декабре 1941 г. восстанавливались с помощью инвалидной колонии № 7 (по восстановлению Рубежский химзавод должен был производить медикаменты)¹⁸. При доставке на место эвакуированного оборудования и необходимых строительных материалов Управление ИТЛК по Молотовской области из-за «необеспеченности транспортом было вынуждено для организации перевозок использовать человеческую силу»¹⁹. Созданное Постановлением ЦК ВКПб и СНК СССР от 16.08.1941 г. Управление строительства

Губахинского азотно-тукового завода к 24.09.1941 г. имело всего 120 рабочих и обращалось в Молотовский обком с просьбой: «Просим вас в организации на площадке лагерной рабочей силы численностью – в октябре 1000 человек и последующим доведением к 1.01.1942 г. до 5000 человек»²⁰ и т. д.

К сентябрю 1941 г. заключенные работали по контрагентским договорам на 13 предприятиях выполняющих военные заказы: в г. Молотове – завод № 19, 339, 172, 10, в г. Березники – Химкомбинат и др.²¹ Во 2 полугодии 1942 г. заключенные в Молотовской области работали на контрагентских основаниях на предприятиях наркомата боеприпасов (завод № 260, эвакуированный из г. Владимира бывший патефонный завод, в годы войны выпускал взрыватели к минам и снарядам²²), авиамоторном и карбюраторном, пушечном, на угольных шахтах Кизела, строительстве Березниковских химических комбинатов, на металлургических заводах (Чусовской, Майкорский, Юго-Камский, Очерский – производили минометы и детали к ним)²³ и др.

Для обеспечения рабочей силой предприятий оборонной промышленности в Молотовскую область в сентябре 1942 г. были переведены заключенные из Азербайджанской и Грузинской ССР (по 1000 человек), из Саратовского и Нижневолжского ИТЛ²⁴.

Собственное производство УИТЛК с началом войны также было ориентировано на нужды фронта. Постановление правительства от 6 августа 1941 г. предписывало НКВД организовать производство боеприпасов на 14 предприятиях – чугунные корпуса для 50 мм осколочных мин, противотанковых мин ПМД-6, ручных гранат РГД-33²⁵. Сводки ГУЛАГа дают данные об изменении количества ОИТК, занятых производством оборонной продукции: июнь 1941 г. – 8 ОИТК, июль – 20, август – 32, сентябрь – 33, октябрь – 37²⁶.

Среди этих ОИТК были и ИТК Молотовской области. Промколония г. Молотова уже в январе 1942 г. получила план выпуска 50 мм мин, а ИТК г. Кунгура план выпуска гранат РГД-33²⁷. ПромИТК № 1 г. Молотова на базе имевшегося оборудования для производства гвоздей освоила к февралю 1942 г. выпуск 50 мм мин до 350 штук в сутки²⁸. С 3 квартала 1942 г. по постановлению ГОКО от 4.07.1942 г. № 1960 с/с²⁹ ИТК г. Молотова и Кунгура начали выпускать 82 мм мины³⁰. Кроме мин, колонии УИТЛК Молотовской области производили в годы войны чехлы для артсистем завода № 172 (пушечный завод), выюки людские к батальонному миномету, лотки к минометам, спецукупорку (ящики для снарядов), кожетехизделия³¹ (Распоряжением СНК СССР от 3.08.1941 г. за № 5922-рс в городе Кунгуре на базе ИТК № 5 организовано предприятие-дублер Московской Сокольнической ИТК № 1 по производству кожетехизделий³² (в том числе и для танков)³³.

Лесной Усольский лагерь в годы войны значительно расширил сортимент и заготавливал – авиасосну, палубник, понтонник, авиафанеру, баланс (баланс – основной компонент целлюлозы, а из целлюлозы изготавливали порох³⁴); производил – лыжболванку, ружболванку, спецукупорку³⁵. В IV квартале 1941 г. Усольлагом было изготовлено для Красной армии 366 саней, 22 219 пар лыж, 16 500 лыжных палок³⁶. В 1944 г. Усольлаг и Нырблаг изготовили 75,2 тыс. лыжболванки, 252,6 тыс. ружболванки, 99,6 тыс. комплектов спецукупорки³⁷.

В следующие военные годы значение труда заключенных увеличивалось. Постановлением ГКО в 1942 г. было создано Лаготделение № 4 в г. Губахе для строительства азотно-тукового комбината³⁸. Постановлением ГОКО № 2305/с от 13 сентября 1942 г. на шахте № 40 треста Коспашуголь «был организован лагерь № 16 ГУЛАГа НКВД для содержания заключенных из числа бывших рабочих шахт Кизеловского угольного бассейна»³⁹. Завод № 577 НКБ (наркомат боеприпасов, производство нитроглицериновых порохов) строился с помощью рабсилы Соликамского ИТЛ⁴⁰. Для увеличения производства деталей мин на заводы № 10, 333, «Коммунар» выделялись заключенные УИТЛК⁴¹. В январе 1943 г. нескольким заводам в г. Молотове («Старый бурлак», Крюковский и № 2) катастрофически не хватало стального литья для производства авиабомбы ФАБ-100. В короткие сроки силами заключенных ближайшей ИТК был построен цех фасонного стального литья⁴². Для обеспечения резко увеличившихся производственных мощностей электроэнергией 5 ноября 1942 г. ГКО обязал НКВД построить на реках Молотовской области 3 гидроэлектростанции – Поньшскую на реке Чусовой, Широковскую на реке Косья и Вилухинскую на реке Усьва. Сроки окончания работ на всех ГЭС были определены июлем 1944 г.⁴³. В конце 1942 г. организуется 2 лагеря для строительства этих ГЭС – Поньшлаг и Широлаг (Широкилухстрой). Поньшлаг был организован на базе Ягринлага⁴⁴ (г. Молотовск, ныне Северодвинск Архангельской области), стройки № 203, Тагилстрой и Соликамстрой⁴⁵. Широлаг – на базе освобождаемых ресурсов с железнодорожного строительства (Свияжск – Ульяновск, Сталинград – Саратов)⁴⁶.

В сводках с мест заключения за 1943 г. появляются спецтюрьмы при заводах № 172 (пушечный) и 98 (взрывчатые вещества) с контингентом 150 и 20 человек⁴⁷ соответственно. Это эвакуированные из Ленинграда «шарашки» – лагерные научно-исследовательские бюро⁴⁸. Война значительно расширила сферу применения подневольного труда в Молотовской области – от преобладающих в довоенное время строительства и лесоповала до производства военной продукции и конструкторских бюро. Так, в Молотове лагерным КБ под руководством М.Ю. Цирульникова разрабатывалась противотанковая пушка М-42.

По официальным данным производительность труда заключенных в 1943 г. по сравнению с 1941 г. поднялась на 80%⁴⁹. Себестоимость военной продукции по отдельным предприятиям была снижена от 20 до 50%⁵⁰. В то же время калорийность питания по подсчетам исследователей снижена на 30%⁵¹, т. е. данный экономический результат был достигнут путем жесточайшей эксплуатации «контингента».

Общую атмосферу отношения к заключенным в 1941–1942 гг. выразил на партийном собрании сотрудник ОИТК УНКВД по Молотовской области: «Я не согласен с выступлением Михайлова, который предлагает накормить, напоить и одеть з/к и тогда они будут работать хорошо. Мы должны заставить з/к работать и отдать все, что они могут отдать»⁵².

И з/к отдавали действительно все, что могли отдать. Так, за 1942 г. умерло во всех лагерях и колониях по статистике ГУЛАГа 352 560 человек, 1943 – 267 807 человек⁵³. Самая большая смертность наблюдалась среди эвакуированных заключенных, которые попадали в самые неприспособленные для жизни вновь образуемые лагеря и колонии.

Документы проверок лагерей и колоний могут дать представление о быте и труде заключенных в военное время. Так, в лаготделение № 3, расположенное на ст. Баская, первая партия людей прибыла 15 июня 1942 г. Спустя 3 месяца была проведена проверка лаготделения. На 1 человека приходилось 0,98 кв. м жилой площади, не было ни матрацев, ни соломенных мат, заключенные спали, не раздеваясь, на голых двухъярусных нарах. В лаготделении не было ни одной сушилки, и одежда и обувь высыхала на людях. В лагере отсутствовала вода. Не было бани. Для утоления жажды люди пользовались водой из грязных луж и канав. Член проверочной комиссии – врач – стала свидетелем того, как группа заключенных бежала за подводой, на которой была бочка с водой и подставляла руки. Основным продуктом питания была мука. Все остальные продукты заменялись мукой. За 3 месяца умерло 273 з/к, многие умирали на работе⁵⁴ (заключенные прокладывали железнодорожную трассу). В октябре 1942 г. в этом лаготделении погибало ежедневно 5–6 человек⁵⁵. Количество умерших заключенных Усольского лагеря в 1943 г. было настолько велико, что в отчетах перед партией вместо цифр и точных названий появились эвфемизмы: «...убыль людей равна численности, которая сейчас имеется в Нырбском отделении, Кушмангортском и Симском ОЛП»⁵⁶.

Часто главными виновниками высокой заболеваемости и смертности были не погодные условия, а действия лагерной администрации разного уровня. Так, в Усольском лагере в 1943 г. на командировке Чепец «голое администрирование» довело до того, что 60% заключенных были больны⁵⁷. В том же году в Усольском лагере больных заключенных, которые уже не могли работать, посылали в штрафной лагпункт, в результате чего штрафной лагпункт, по словам его начальника, «превратился в стационар»⁵⁸. В том же году в Широкаге больных было 34,3% от списочного состава⁵⁹. В 1942 г. в ЛО № 4 г., расположенном в Губахе, начальники участков выводили на работу как можно больше людей, при этом «в каком состоянии их отправляют на работу никого не интересует. После развода можно видеть каждый раз через 2 часа несут с работы мертвого или едва живого»⁶⁰ и т. д.

Заключенные за время войны изготовили 35 млн осколочно-фугасных мин, 47 млн ручных гранат, 15 млн бронебойных и противотанковых гранат, 10 млн прочих видов боеприпасов (в том числе авиабомб)⁶¹. По июнь 1945 г. ИТК г. Молотова и Кунгура (Молотовская область) произвели: 55,8 тыс. 50 мм мин; 2145 тыс. 82 мм мин; 852,8 тыс. 120 мм мин⁶². За годы войны Усольлаг дал стране 4,5 млн фетметров древесины. Произвел 171 000 комплектов спецукупорки⁶³. О других изделиях заключенных Усольлага образно сказал зам. начальника управления Усольлага по производству: «...каждая ружейная болванка – это те винтовочные приклады, которые сломали голову не одному фашисту, наш баланс, дающий порох, взорвал не один вражеский поезд, склад, огневые точки»⁶⁴. Руками заключенных были построены многие важные оборонные заводы и расширены уже имеющиеся производства. Труд заключенных также приближал Победу, как труд и военные подвиги свободных людей. Но, если о свободных людях на войне написаны сотни исследований, то о заключенных до последнего времени писались только секретные доклады.

¹ ГУЛАГ 1918–1960. Документы. М., 2000. С. 733–734.

² ГУЛАГ в годы Великой отечественной войны // Военно-исторический журнал. 1991. № 1. С. 17–19.

³ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1162. Л. 30.

⁴ Примерно 40 000 человек. Усольский ИТЛ на 1 января 1941 г. имел 26 406 заключенных (ГАРФ. Ф. 999414. Оп.1. Д. 853. С. 215); Соликамский ИТЛ – 6815 человек (ГАРФ. Там же. С. 185); Молотовское УИТЛК на 1 апреля 1941 г. – 8510 человек (ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 1162. Л. 30).

⁵ 124 677 человек. Прикамье. Век XX. Пермь, 1999. С. 140.

⁶ Вклад заключенных ГУЛАГа в победу в Великой Отечественной войне // Исторический архив. 1994. № 3. С. 135.

⁷ ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 328. Л. 2.

⁸ Там же. Д. 41. Л. 14.

⁹ ГАПО. Ф. Р-1366. Оп. 1. Д. 707. Л. 56, 57.

¹⁰ ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 1988. Л. 66.

¹¹ Суслов А. Спецконтингент в Пермской области (1929–1953) // Годы террора. Пермь, 1998. С. 176.

¹² ГАПО. Ф. Р-1366. Оп. 1. Д. 53. Л. 166.

¹³ Урал – фронту. М., 1985. С. 43.

¹⁴ ГАПО. Ф. Р-783. Оп. 1. Д. 8. Л. 1, 2.

¹⁵ Урал – фронту. М., 1985. С. 45.

¹⁶ Харрисон М. Советское производство 1941–1945 г. К переоценке // Россия в XX веке. Историки спорят. М., 1994. С. 495.

¹⁷ ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 7. Д. 91. Л. 58. Л. 116 об.

¹⁸ Там же. Ф. 105. Оп. 7. Д. 387. Л. 11.

¹⁹ Там же. Ф. 105. Оп. 8. Д. 97. Л. 131.

²⁰ Там же. Ф. 105. Оп. 7. Д. 94. Л. 21, 22.

²¹ ГОПАПО. Ф. 3387. Оп. 1. Д. 1. Л. 138.

²² Сирина Т.И. Свердловский район. Время, события, люди. Пермь, 2001. С. 30.

²³ ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 1182. Л. 1, 3, 6, 6а, 9, 10, 12, 13, 16, 18, 19, 30, 40, 50.

²⁴ Там же. Ф. Р-9401. Оп. 1а. Д. 114. Л. 155, 156, 156 об. Приказ № 001868 от 2-09-1942 г.

²⁵ Там же. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 2060. Л. 7.

²⁶ Там же. Д. 41. Л. 4.

²⁷ Там же. Д. 1996. Л. 5, 10.

²⁸ ГОПАПО. Ф. 3387. Оп. 1. Д. 3. Л. 12 об.

²⁹ ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 1996. Л. 93.

³⁰ Там же. Л. 71, 71 об.

³¹ ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп.1. Д. 1996. Л. 95.

³² Там же. Д. 45. Л. 94.

³³ ГОПАПО. Ф. 2464. Оп. 1. Д. 47. Л. 46.

³⁴ Там же. Ф. 4460. Оп. 1. Д. 41. Л. 95.

³⁵ Там же. Д. 62. Л. 2.

- ³⁶ Там же. Ф. 105. Оп. 7. Д. 80. Л. 61.
- ³⁷ ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 331. Л. 30 об.
- ³⁸ ГОПАПО. Ф. 2464. Оп. 1. Д. 6. Л. 30.
- ³⁹ ГАПО. Ф. Р-1366. Оп. 1. Д. 654. Л. 8.
- ⁴⁰ ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 8. Д. 141. Л. 92.
- ⁴¹ Там же. Ф. 3387. Оп. 1. Д. 3. Л. 96.
- ⁴² Там же. Ф. 105. Оп. 9. Д. 153. Л. 17, 31.
- ⁴³ Там же. Д. 108. Л. 9.
- ⁴⁴ Там же. Ф. 1915. Оп. 1. Д. 4. Л. 14.
- ⁴⁵ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1а. Д. 115. Л. 152 об.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ ГАПО. Ф. Р-1366. Оп. 1. Д. 651. Л. 23.
- ⁴⁸ Крук Н.С. Орудия победы // Вестник Мемориала № 6. СПб., 2001. С. 46–54.
- ⁴⁹ Вклад заключенных ГУЛАГа в победу в Великой Отечественной войне // Исторический архив. 1994. № 3. С. 149.
- ⁵⁰ Там же. С. 145.
- ⁵¹ Смыкалин А.С. Колонии и тюрьмы Советской России. Екатеринбург, 1997. С. 139.
- ⁵² ГОПАПО. Ф. 3387. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.
- ⁵³ ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 328. Л. 82.
- ⁵⁴ ГОПАПО. Ф. 2464. Оп.1. Д. 6. Л. 6.
- ⁵⁵ Там же. Д. 2. Л. 7.
- ⁵⁶ Там же. Ф. 4460. Оп. 1. Д. 41. Л. 44.
- ⁵⁷ Там же. Д. 37. Л. 45.
- ⁵⁸ Там же. Д. 38. Л. 3.
- ⁵⁹ ГАПО. Ф. Р-438. Оп. 1. Д. 1. Л. 46.
- ⁶⁰ ГОПАПО. Ф. 3478. Оп. 1. Д. 1. Л. 8 об.
- ⁶¹ ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 77. Л. 195.
- ⁶² Там же. Л. 12–19.
- ⁶³ ГОПАПО. Ф. 4460. Оп. 1. Д. 60. Л. 4, 4 об.
- ⁶⁴ Там же. Д. 41. Л. 95.

Комплектование нижними чинами артиллерии Гатчинских войск Великого князя Павла Петровича

(По страницам неизвестных документов)

Комплектование нижними чинами артиллерийской команды Гатчинских войск Наследника Цесаревича и Великого князя Павла Петровича остается до сего дня одной из наиболее малоизученных страниц истории артиллерии Гатчинских войск. Между тем, документы, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации и архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, позволяют пролить свет на этот аспект истории гатчинской артиллерии.

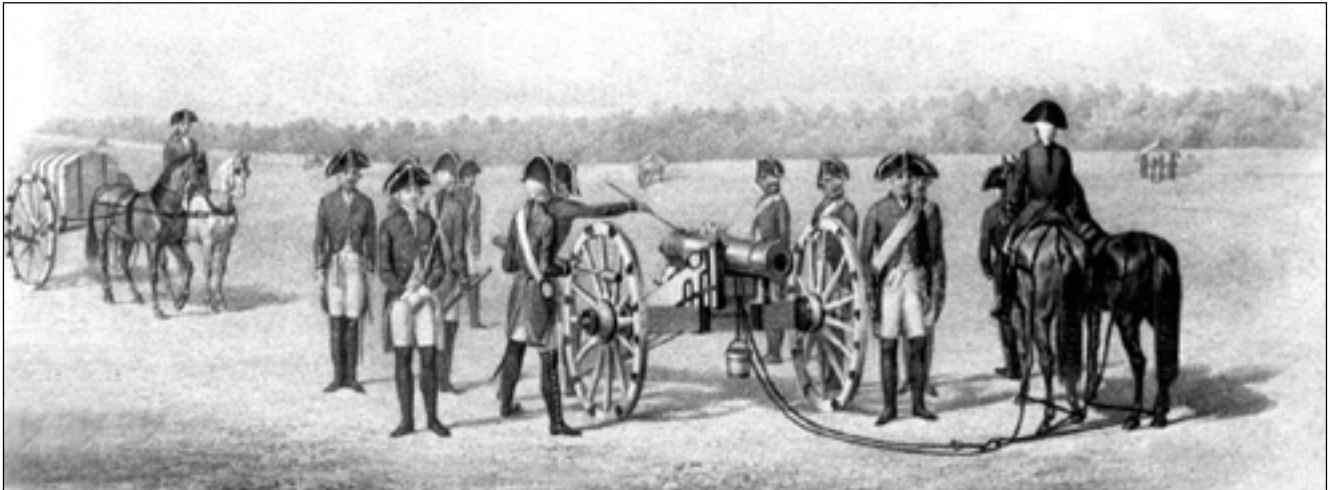
Согласно записке «Основание и формирование Артиллерийской команды Его Императорского Высочества Великого князя и Наследника Всероссийского Престола, и проч., и проч., о должности, упражнении и перемене обмундирования оной, как и о учреждении конной артиллерии при Кирасирском полку», хранящейся ныне в фондах Государственного архива Российской Федерации, штатная артиллерийская команда в отряде Наследника Цесаревича и Великого Князя Павла Петровича была сформирована в августе 1786 г.¹ Однако документы архива Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (АВИМАИВиВС) показывают, что уже в 1783–1785 гг. для Цесаревича в С.-Петербургском арсенале и С.-Петербургской артиллерийской лаборатории было сделано 14 лафетов с принадлежностью, 1 зарядный ящик, 3 зарядных сумы, сотни картузов с холостыми зарядами, скорострельных трубок и палительных свеч². Таким образом, можно утверждать, что артиллерийская команда и орудия для салютационной и сигнальной стрельбы имелись у Павла Петровича уже в 1783 г. В.Ф. Ратч также пишет о том, что первоначально (до 1786 г.) артиллерийская команда назначалась из чинов пехотной роты барона Штейнвера, правда, не указывая точно, с какого именно времени³. Исходя из этого, датой создания артиллерии в Гатчинских войсках следует считать, на наш взгляд, именно 1783 г., а 1786 г. является датой появления постоянной артиллерийской команды из специально набранных чинов. В том году из морской артиллерии в команду Наследника были взяты унтер-офицер и 8 рядовых. Приводим здесь именной список первых штатных артиллеристов Гатчинских войск:

Унтер-офицер	Петр Волосков.
Бомбардиры:	Григорий Иванов, Петр Макеевский, Михайло Дуванов, Григорий Пospelов, Иван Куликов, Ларион Терентьев, Иван Любимов, Петр Налимов ⁴ .

8 марта 1787 г. в гатчинскую артиллерийскую команду поступили 4 бомбардира из морской артиллерии, а также сержант и 2 канонира из сухопутной артиллерии, причем последние «...пришли конвоем при шести новых 3-х-фунтовых пушках...»⁵. Все артиллеристы были определены в Гатчинские войска по «их желанию»⁶. Осенью 1787 г. в состав гатчинской команды поступили из кирасирского полка наследника люди для формирования прислуги на 2 орудия конной артиллерии во главе с унтер-офицером Кубыниным⁷. В том же году умер бомбардир Иван Любимов, вместо которого определен бомбардир Денис Петров из морской артиллерии⁸.

В марте 1788 г. в гатчинскую артиллерию поступил унтер-офицер Василий Мозин, в мае произведенный в сержанты⁹. После смерти в марте 1791 г. бомбардира Ивана Куликова в мае на его место поступил капрал Куприян Новенков¹⁰.

Более активно гатчинская артиллерия начинает пополняться с 1792 г., на что, вероятно, повлияло окончание русско-шведской войны. 14 июля 1792 г. в гатчинскую команду вместе с 6 новыми медными пушками приняты 6 фурлейтов, прибывших из Московского гренадерского полка¹¹. 16 июля из сухопутной артиллерии прибыли унтер-офицер и 6 бомбардиров¹². 4 августа в артиллерию определены бомбардиром унтер-офицер пехотного батальона Его Высочества Петр Осмаков и барабанщиком – кают-юнга Захар Головин, 9 августа прислан из КГАиФ один бомбардир, а 30 числа в артиллерийскую роту поступило из морской артиллерии сразу 28 человек¹³. Между 30 августа и 2 сентября в роту поступили 6 человек из Московского гренадерского полка и 4 фурлейта из сухопутной артиллерии¹⁴. Еще 5 человек прибыло из сухопутной артиллерии 25 сентября, еще пятеро – 30-го¹⁵. 19 октября из морской артиллерии прибыли 2 капрала, 22-го – сержант и 1 бомбардир¹⁶. В ноябре для «смотрения» за конюшней и командования над всеми фурлейтами поступил в Гатчину из сухопутной артиллерии унтер-офицер Пономарев, но «по худому его поведению» в январе следующего года он был отослан к прежнему месту службы, а на его место прибыл унтер-офицер Семенов¹⁷. В ноябре же поступили в гатчинскую артиллерию 2 сержанта, 2 капрала и 1 бомбардир из морской артиллерии и 28 мастеровых из Артиллерийского и инженерного шляхетного кадетского корпуса (АИШКК)¹⁸. В декабре поступили еще 47 человек – артиллеристов, музыкантов, мастеровых; артиллеристы – из морской артиллерии, музыкант Андрей Новиков – из АИШКК, мастеровые – из С.-Петербургского арсенала¹⁹. В январе 1793 г. вместо произведенного в поручики фельдфебеля Александра Попова, которого перевели в морскую артиллерию, назначен в артиллерию Цесаревича произведенный в фельдфебели сержант Федор Шульгин²⁰. Вскоре поступили в гатчинскую артиллерию 2 сержанта и 33

Пешая артиллерия Гатчинских войск

канонира из морской артиллерии, 2 сержанта и 3 бомбардира из гребного флота, унтер-фурмейстер Дуденков – с С.-Петербургского порохового завода²¹. В то же время капрал Плешков и 12 бомбардиров были переведены из гатчинской команды обратно в морскую артиллерию «по примеченной в них к службе неспособности»²². В октябре 1793 г. из гатчинской артиллерии отосланы во флот 2 унтер-офицера и 48 рядовых, в декабре отставлены от службы 2 унтер-офицера и 9 рядовых²³.

Обширные сведения о комплектовании артиллерии Гатчинских войск нижними чинами содержатся в архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи.

«...Людей же мы берем из флота выключенных бомбардиров наших, но сверх строевых людей изволил (Павел Петрович. – *Е.Ю.*) приказать иметь и мастеровых...», – писал командир артиллерийской команды Гатчинских войск А.А. Аракчеев возглавлявшему Канцелярию главной артиллерии и фортификации (КГАИФ) генерал-поручику П.И. Мелиссино из Гатчины в конце октября – начале ноября 1792 г.²⁴ Поступления же людей началось еще летом этого года.

15 июля 1792 г. П.И. Мелиссино получил из Военной коллегии ордер от 14 июля, в котором один из офицеров коллегии, майор И. Яковлев, от имени президента коллегии генерал-аншефа графа Н.И. Салтыкова просил П.И. Мелиссино об отправке в распоряжение цесаревича шестерых «хороших и исправных» артиллеристов²⁵.

«ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ... угодно иметь для своих пушек шесть человек исправных и хороших артиллеристов, посему Ваше Превосходительство имеете с получением сего из состоящих в ведении вашем полевых бомбардиров или канониров выбрать самых лутчих, видных, опрятных и артиллерийскую практику знающих шесть человек, севодни же оных приказать на смотр представить ко мне, а для препровождения оных до Царского Села нарядить исправнова унтер-офицера, и для отвозу их провианта пару лошадей с повозкой», – гласил ордер, данный П.И. Мелиссино генерал-майору М. Мерлину в тот же день²⁶.

В письме от 13 ноября 1792 г. майор И. Яковлев передает просьбу Н.И. Салтыкова об отправке в распоряжение Павла Петровича пятерых мастеровых из артиллерии – столяра, плотника, токаря, слесаря и кузнеца²⁷. Об этих мастеровых А.А. Аракчеев писал П.И. Мелиссино еще в вышеупомянутом письме от конца октября – начала ноября 1792 г., сообщая, что Павел «...как об оных людях, так и о единорогах изволил приказать Александру Львовичу Нарышкину (так в документе. – *Е.Ю.*) переговорить с графом Николаем Ивановичем (Салтыковым. – *Е.Ю.*), ибо я доложил, что Вы без него онаго сделать не можете»²⁸.

В письме майору Яковлеву от 15 ноября 1792 г. П.И. Мелиссино писал о немедленной готовности исполнить приказание Н.И. Салтыкова. «Токаря и столяра даю из лутчих выученных корпусных (Из АИШКК. – *Е.Ю.*) художников, а слесаря, кузнеца и плотника из арсенала», – писал он²⁹. 16 ноября соответствующий ордер был дан генерал-майору М. Мерлину³⁰. Орденом, данным ему 14 декабря 1792 г., предписывалось вследствие повеления графа Н.И. Салтыкова выключить из команды 2-го бомбардирского батальона «...с надлежащими формуляром и атестатами» сержанта Карла Танга в связи с переводом последнего по собственной просьбе в Гатчинские войска³¹. О выключке из артиллерии унтер-офицеров Танга и Фульского в связи с просьбами их о переводе в Гатчинские войска просил П.И. Мелиссино и Аракчеев в записке, полученной Мелиссино 16 декабря³². (Впрочем, документов, подтверждающих перевод Фульского в Гатчинские войска, обнаружить не удалось). В той же записке А.А. Аракчеев просит П.И. Мелиссино направить в распоряжение великого князя «...шорника, паяльщика, унтер-фурмейстера Афанасья Дуденкова, барабанщика одного, флейтчиков двух»³³.

Наиболее активно пополнялась гатчинская артиллерия в 1793 г.

11 января 1793 г. графом Н.И. Салтыковым был дан П.И. Мелиссино следующий ордер:

«Угодно ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ ГОСУДАРЮ ЦЕСАРЕВИЧУ, чтоб в морскую Артиллерийскую роту определить одного фурмейстера, и хороших фурлейт осмнадцать человек; да из фуриштатской команды капрала Афанасья Дуденкова в морской же баталион; в следствие чего предписываю Вашему Превосходительству из прежних команд их выключив, отправить немедленно к новым и отпрапортовать о том Государственной Военной Коллегии»³⁴. 12 января соответствующий ордер был дан генерал-майору М. Мерлину³⁵. В тот же день П.И. Мелиссино рапортовал о выключке «в морскую артиллерийскую роту» вышеназванных чинов³⁶.

Конная артиллерия Гатчинских войск

22 февраля 1793 г. П.И. Мелиссино получил указ императрицы из КГАиФ об отправке в Гатчинские войска еще 10 человек из полевой артиллерии – 9 бомбардиров и одного столяра³⁷. Соответствующий ордер был дан генерал-майору М. Мерлину 25 февраля³⁸. Правда, в Гатчинские войска попали только семеро – согласно рапорту генерал-майора Мерлина П.И. Мелиссино от 2 марта 1793 г. «...прописанных... следующих к определению по воле ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА... в морские батальоны служителей по выправке (проверке. – Е.Ю.) при двуротной 2-го бомбардирского батальона команде не оказалось...»³⁹.

В марте 1793 г. в гатчинскую артиллерию переведен «по соизволению» Павла из 2-го бомбардирского батальона бомбардир Иван Равков⁴⁰.

Большое пополнение получила гатчинская артиллерия в июне 1793 г. По ордеру, данному П.И. Мелиссино графом Н.И. Салтыковым 10 июня, предписывалось, исключив из прежних команд и подготовив «надлежащие о службе и о протчем аттестаты» перевести в артиллерию Цесаревича из 2-го бомбардирского батальона 11 бомбардиров и 2 барабанщиков, из 2-го канонирского полка – 1 капрала и 10 канониров, из понтонной роты – 2 капралов, 15 понтонеров и 1 мастерового, из фушштатской команды – 2 фурмейстеров и 10 фурлейтов и 3 лабораторных служителей из С.-Петербургской артиллерийской лаборатории⁴¹. Соответствующий ордер был дан генерал-майору Мерлину 15 июня⁴². 15 июля 1793 г. М. Мерлин рапортовал П.И. Мелиссино о выключке требуемых нижних чинов (с добавлением одного колесника из С.-Петербургского арсенала) из их прежних команд, о выдаче им необходимых документов и отправке их к новому месту службы⁴³. К рапорту прилагался именной список нижних чинов⁴⁴.

26 июля 1792 г. П.И. Мелиссино получил письмо от А.А. Аракчеева, написанное в тот же день в Павловске:
«Ваше Высокопревосходительство!

Милостивый Государь Петр Иванович!

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО изволил посылать меня к графу Николаю Ивановичу (Салтыкову. – Е.Ю.) с запиской, в которой написаны имена музыкантов из канонирского полку, которая доставлена ЕГО ВЫСОЧЕСТВУ Александром Львовичем (Нарышкиным. – Е.Ю.) для выключения оных к ЕГО ВЫСОЧЕСТВУ; на что Его Сиятельство (Н.И. Салтыков. – Е.Ю.) и приказал мне отписать Вашему Превосходительству об оных музыкантах, чтоб Вы изволили их отправить к ЕГО ВЫСОЧЕСТВУ, а к нему прислали бы рапорт, по которому и выключены оные будут. И приказал все оное Николай Иванович донести мне ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ, что я, приехав от графа, и исполнил; то ЕГО ВЫСОЧЕСТВО изволил мне приказать как можно скорее к Вам об оном отписать и просить о незамедлении присылкой оных.

А какие имена оных музыкантов отданы к графу, то и к Вашему Превосходительству такую же записку ЕГО ВЫСОЧЕСТВО изволил приказать отослать, которую я при сем и прилагаю⁴⁵. В прилагаемой записке представлены имена 8 музыкантов – 1 сержанта, 1 каптенармуса, 3 фурьеров, 3 капралов и 1 канонира⁴⁶. Ордер, данный генерал-майору Мерлину 26 июля, предписывал «...оных отправить в повеленное место завтрашняго числа поутру, дабы оные к вечеру туда прибыть могли, да под своз их экипажа пару лошадей с повозкою»⁴⁷. 27 июля П.И. Мелиссино рапортовал графу Н.И. Салтыкову об отправке музыкантов в Павловск⁴⁸.

Факт наличия в артиллерийском полку Гатчинских войск оркестра из 8 музыкантов фиксирует и В.Ф. Ратч, правда, не указывая точное время его прибытия⁴⁹.

Но в Павловск прибыло не 8, а 7 музыкантов. Канонир 2-го канонирского полка Дмитрий Безумов, один из восьми музыкантов, упомянутых в записке А.А.Аракчеева, согласно рапорту генерал-майора М. Мерлина от 4 августа 1793 г., 26 июля бежал, но 6 августа «...сам собою к команде явился»⁵⁰. «А как минувшего Июля 26-го дня за № 866-м ордером от Вашего Высокопревосходительства (П.И. Мелиссино. – Е.Ю.) предписано мне было реченного Безумова с прочими отправить в Павловское в артиллерийскую ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА роту, то повелено ль будет ево туда отправить или при команде здесь оставить, прошу наслатъ свое повеление»⁵¹. Согласно прилагаемому к этому рапорту копии протокола допроса, Дмитрий Безумов за время службы (с 1778 г.) в штрафах и наказаниях ни разу не был, а побег совершил «...прошедшего Июля 26 числа ни от чего иного и никаким намерением, а единственно с пьянства...»⁵². 6 августа Безумов сам явился к своей команде.

За время побега, по его словам, «...в воровствах, разбоях не бывал, беглых людей и их пристанищ» не знает. Во время побега в пьяном виде потерял «полковую музыкантскую фуфайку»⁵³.

Орденом от 13 августа 1793 г. П.И. Мелиссино распорядился «...канонира Дмитрия Безумова... отправить с учиненным ему допросом в Павловское»⁵⁴. 21 августа 1793 г. генерал-майор Мерлин подал на имя П.И. Мелиссино следующий рапорт:

«В сходность ордера Вашего Высокопревосходительства, насланного ко мне сего месяца 13 числа за № 950-м... канонир Дмитрий Безумов, с учиненным ему допросом, в артиллерийскую ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА роту отправлен был в Павловское; о коем артиллерии господин майор Ливен рапортом ко мне донес, что оной канонир Безумов по приказанию ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА артиллерии господином майором Аракчеевым по ненадобности при рапорте прислан и с допросом обратно к команде 2-го канонирского полка, то что с ним повелено будет за отлучку учинить, Вашему Высокопревосходительству на рассмотрение с ожиданием резолюции честь имею представить»⁵⁵. Резолюция последовала 24 августа: «Прописанного в рапорте Вашего Превосходительства за № 422-м явившегося из бегов второго канонирского полка канонира Дмитрия Безумова за сию отлучку и утрату казенной фуфайки предписываю приказать написать во оной же полк погонщиком и Канцелярии Главной Артиллерии и Фортификации отрапортовать»⁵⁶. Трудно судить, по какой причине действительно бежал Дмитрий Безумов, к моменту побега имевший 31 год от роду, прослуживший 15 лет и ни разу не имевший взысканий⁵⁷, но ясно одно – Павел Петрович не желал иметь в своем отряде бывшего беглого, даже и добровольно вернувшегося.

После прибытия в конце июля в Павловск 7 музыкантов до конца 1793 г. в гатчинскую артиллерию был переведен только один человек – капрал Сергей Кузнецов из 2-го канонирского полка. 27 сентября генерал-майор М. Мерлин рапортовал П.И. Мелиссино о выключке Кузнецова из полка⁵⁸.

13 декабря генерал-поручик фон Бригман рапортовал Мелиссино о просьбе Аракчеева выделить по 3 денщика ему и капитану И.Я. Каннабиху и 1 подпоручику Л. Бреверну, но генерал-фельдцейхмейстер граф П.А. Зубов в ордере, данном Мелиссино 21 декабря, в этой просьбе отказал, мотивируя отказ тем, что «...по состоянию их (Аракчеева и Каннабиха. – Е.Ю.) в артиллерийском корпусе сверх комплекта (они числились по морской артиллерии. – Е.Ю.) денщиков определить не можно, по причине, что для таковых сверхкомплектных на денщиков жалованья, провианта и в натуре людей в артиллерийский корпус не определяется», о чем на следующий день и было сообщено генерал-поручику фон Бригману⁵⁹. Интересно, что о подпоручике Бреверне в ордере нет ни слова.

Пополнения продолжали поступать и в 1794–1795 гг. Так, в августе 1794 г. по личному распоряжению Павла Петровича в артиллерию Гатчинских войск был определен матрос 2-й понтонной роты Тимофей Перочинников⁶⁰. 1 сентября 1794 г. граф Зубов приказал Мелиссино выключить из бомбардирского полка в связи с переводом в артиллерию цесаревича бомбардира Ивана Афанасьева⁶¹. В ордере от 14 декабря 1794 г. Зубов просил Мелиссино представить ему послужные списки «...со объяснением, сколько каждой получал в год жалованья и по какому окладу» 2 фурьеров, 10 бомбардиров, 2 канониров, 4 матросов понтонной роты и 1 кузнеца из артиллерийских и понтонных частей Петербургского гарнизона в связи с переводом их в артиллерию Гатчинских войск⁶².

9 января 1795 г. генерал-поручик фон Бригман представил требуемые послужные списки вместе с рапортом П.И. Мелиссино, а 10 января Мелиссино отправил их с рапортом к Зубову⁶³.

После специального осмотра, проходившего в 1794 г., точное время которого не указано, в гатчинскую пешую артиллерию поступило 6 унтер-офицеров, 3 музыканта и 4 канонира, в конную – 3 унтер-офицера и 10 канониров⁶⁴.

В январе 1795 г. в гатчинскую артиллерию переведены еще 4 бомбардира и 3 матроса-понтонера⁶⁵. 20 января об их выключке было рапортовано Зубову, а послужные списки представлены в Адмиралтейств-коллегию⁶⁶. Орденом от 24 января 1795 г. Зубов потребовал от Мелиссино представить в Адмиралтейств-коллегию послужной список переведенного в гатчинскую артиллерию бомбардира Василия Шестакова. Генерал-поручик фон Бригман получил соответствующее распоряжение 25 января, а список был отослан в Адмиралтейств-коллегию 30 января, и в тот же день об этом был подан рапорт Зубову⁶⁷. «Музыкантов для Софийского полка, желающих определиться в артиллерийскую команду, имеете вы принять обыкновенным порядком» – писал Павел Аракчееву 17 марта 1795 г.⁶⁸ «Желающего же служить во вверенной вам части здешних гарнизонных батальонов рядового Устинина имеете вы принять и определить» – писал Павел в своем рескрипте Аракчееву от 12 декабря 1795 г.⁶⁹

На 31 мая 1795 г. в пешей артиллерии Гатчинских войск по спискам состояло: унтер-офицеров – 23, музыкантов – 14, рядовых – 54, понтонеров – 12, мастеровых – 11, фурлейтов – 23. В конной артиллерии по спискам состояло: унтер-офицеров – 4, рядовых – 20, фурлейтов – 10⁷⁰.

Нужно отметить, что роль Аракчеева в подборе нижних чинов для гатчинской артиллерии чрезвычайно велика. «В архиве Артиллерийского департамента находим много подтверждений, что Аракчеев старался переводить в Гатчину из полевой артиллерии расторопных людей, в особенности из числа мастеровых, портных и шорников, в том числе и из временно прикомандированных к корпусу (АИШКК. – Е.Ю.), которых, наведением справок, ему удалось узнавать», – писал В.Ф. Ратч⁷¹. Он же отмечал, что после Указа Военной коллегии от 29 октября 1796 г. «О непринимании служителей артиллерийского корпуса в полки без согласия генерал-фельдцейхмейстера» перевод нижних чинов в гатчинскую артиллерию вызвал бы больше трудностей⁷². Но, во-первых, из вышеизложенного видно, что граф Зубов вполне спокойно относился к подобным переводам, а во-вторых, данный Указ был дан всего лишь за полторы недели до восшествия на престол самого Павла...

Случалось, что «артиллерийских служителей» переводили не только в гатчинскую артиллерию, но и в пехоту. Например, орденом от 6 сентября 1795 г. Зубов предписывал Мелиссино «Дерптского арсенала меховщика Григорья Васильева... из того арсенала выключить для определения в гранодерской баталион при ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМ ВЫСОЧЕСТВЕ... находящейся, отослав во оной и послужной сего меховщика список»⁷³.

Впрочем, иногда нижних чинов откомандировывали в гатчинскую артиллерию временно, как правило, для производства каких-либо работ. Так, в рапорте от 5 мая 1793 г. Аракчеев просил Мелиссино о присылке в гатчинскую артиллерию двух маляров «...для выкрашения вновь четырех пушек лафетов и передков»⁷⁴. В рапорте от 9 мая 1793 г. Аракчеев просил Мелиссино «...прислать в артиллерийскую ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА РОТУ на некоторое время исправных понтонеров шесть человек»⁷⁵.

Павел мог переводить нижних чинов и из Гатчинских войск снова в армейские или флотские части. В марте 1788 г. ветеран гатчинской артиллерийской команды сержант Петр Волосков был отставлен от службы «и сделан по воле его императорского высочества во флот комиссаром»⁷⁶. Согласно Указу императрицы из КГАиФ от 19 января 1793 г. «...ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО сего года Генваря в 1-й день изволил произвести состоящего при артиллерийской ЕГО роте второго канонирского полку сержанта Александра Попова констапелем в морскую артиллерию... о сем Ваше Превосходительство благоволите ведать и приказать его из помянутого полку выключить»⁷⁷.

Разумеется, Великий князь жаловал отличившихся и чинами. 12 марта 1793 г. Аракчеев рапортовал Мелиссино о производстве Павлом рядового Ефима Таланова и барабанщика Максима Лазарева в капралы⁷⁸. Орденом, данным генерал-майору М. Мерлину, Мелиссино предписывал «...из прежних званьев выключая, новым сверх комплекта со оставлением на прежнем жалованье причислить»⁷⁹. Аналогичный ордер относительно Максима Лазарева был дан в тот же день и в 1-й бомбардирский батальон⁸⁰.

Рапортом от 15 августа 1793 г. Аракчеев уведомил Мелиссино о производстве каптенармуса Василия Васильева в сержанты, а фурьеров Ивана Климова, Федора Богданова, капралов Павла Михаленкова, Екима Безумова и Федора Потанина в каптенармусы⁸¹. Они также в соответствии с орденом Мелиссино генерал-майору Мерлину от 20 августа 1793 г. были «причислены» на местах своей бывшей службы новыми чинами с оставлением на прежних окладах⁸².

Таким образом, повышения по службе нижних чинов гатчинской артиллерии (видимо, аналогичная ситуация складывалась в Гатчинских войсках в целом) давали им лишь моральное удовлетворение, ибо оклады жалованья у новоиспеченных унтер-офицеров продолжали оставаться в соответствии с теми чинами, с которыми они попали в Гатчинские войска.

Положение изменилось с 1794 г., чему свидетельством – рапорт генерал-поручика фон Бригмана Мелиссино от 19 января 1794 г., представленный графу Зубову 20 января:

«Артиллерии господин полковник и кавалер Гербель рапортом ко мне представляет. В присланном к нему артиллерии господин майор Аракчеев таковом же (рапорте. – Е.Ю.) прописывает, что находящиеся в артиллерийской ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА... команде второго канонирского полка сержанты Кирилла Семенов, Павел Сиянов, Василей Васильев, каптенармусы Иван Климов, Федор Богданов, Еким Безумов, Павел Михаленко и Федор Потанин по соизволению ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА в показанной артиллерийской команде довольствуются как амуничными, так и мундирными вещами, а равно с сего 1794-го года и жалованьем. Почему он, Аракчеев, и просит о выключке оных из полку...»⁸³.

Таким образом, с 1794 г. выплату жалованья нижним чинам взял на себя Великий Князь, и унтер-офицеры получали полагающееся им по чину жалованье. Видимо, не последнюю роль в этом сыграло и учреждение в Гатчине в том же году Военного департамента.

Несколько слов нужно сказать об обнаруженных в архиве ВИМАИВиВС послужных списках нижних чинов гатчинской артиллерии⁸⁴. Это послужные списки 28 человек, поступивших в гатчинскую артиллерию в период с января 1794 по январь 1795 г., в основном – с декабря 1794 по январь 1795 г. Анализ списков позволяет представить следующие данные:

Большинство из нижних чинов происходили из помещичьих крестьян (20 чел.), а всего крестьянами (помещичьими, государственными, экономическими, дворцовыми) были 24 чел. Трое происходили из солдатских детей, один – из дворян (это В.К. Черимов, впоследствии он стал офицером). 9 человек имели боевой опыт, являясь участниками Русско-шведской войны 1788–1790 гг. Под судом за кражи находилось ранее 2 человека. Грамотных было четверо – В.К. Черимов и трое, происходящих из солдатских детей. Возраст колеблется в пределах от 18 до 56 лет, но в среднем составляет 23–35 лет, причем все чины имеют срок службы не менее трех лет. Таким образом, нижние чины, послужные списки которых удалось обнаружить, в большинстве своем были из крестьян, неграмотными, отслужили не менее трех лет каждый и, как правило, не имели взысканий, а треть из них имела и боевой опыт.

Анализируя вышеприведенные факты, можно с уверенностью говорить о том, что артиллерия Гатчинских войск комплектовалась лучшими нижними чинами как морской, так и сухопутной артиллерии, причем артиллеристы артиллерийских и понтонных частей Санкт-Петербургского гарнизона составляли среди набранных большинство.

¹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 728. Оп. 1. Д. 280. Л. 64.

² Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (далее – АВИМАИВиВС). Ф. 2. Оп. Штаба Генерал-Фельдцейхмейстера (далее – ШГФ). Д. 2399. Л. 1–8, 11, 14, 16–17.

³ Ратч В.Ф. Сведения о графе Алексее Андреевиче Аракчееве по 1798 год. СПб., 1864. С. 76.

⁴ ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 304. Л. 1.

⁵ Там же. Л. 3–3 об.

⁶ Там же. Л. 3 об.

⁷ Там же. Л. 4–4 об; Ратч В.Ф. Сведения об артиллерии Гатчинских войск. СПб., 1851. С. 19.

⁸ ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 304. Л. 4.

- ⁹ Там же. Л. 5.
¹⁰ Там же. Л. 7 об.
¹¹ Там же. Л. 8.
¹² Там же. Л. 8 об.
¹³ Там же. Л. 8 об.–9.
¹⁴ Там же. Л. 9–9 об.
¹⁵ ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 280. Л. 57 об.–58.
¹⁶ Там же. Л. 59–59 об.
¹⁷ Там же. Л. 60–60 об.
¹⁸ Там же. Л. 61.
¹⁹ Там же. Л. 61 об.–62.
²⁰ Там же. Л. 62.
²¹ Там же. Л. 63.
²² Там же. Л. 63 об.
²³ Там же. Л. 65 об.
²⁴ АВИМАИВнВС. Ф. ДКМ. Оп. 4. Д. 883. Л. 3.
²⁵ Там же. Д. 881. Л. 196.
²⁶ Там же. Д. 884. Л. 402 об.
²⁷ Там же. Д. 883. Л. 82–83.
²⁸ Там же. Л. 3–3 об.
²⁹ АВИМАИВнВС. Ф. ДКМ. Оп. 4. Д. 884. Л. 574 об.
³⁰ Там же. Л. 576–576 об.
³¹ Там же. Л. 608.
³² АВИМАИВнВС. Ф. ДКМ. Оп. 4. Д. 883. Л. 273.
³³ Там же. Д. 883. Л. 273.
³⁴ Там же. Д. 893. Л. 100.
³⁵ Там же. Д. 899. Л. 102 об.
³⁶ Там же. Л. 103.
³⁷ АВИМАИВнВС. Ф. ДКМ. Оп. 4. Д. 893. Л. 538.
³⁸ Там же. Л. 538.
³⁹ АВИМАИВнВС. Ф. ДКМ. Оп. 4. Д. 894. Л. 28.
⁴⁰ Там же. Л. 60.
⁴¹ АВИМАИВнВС. Ф. ДКМ. Оп. 4. Д. 895. Л. 470.
⁴² Там же. Л. 470.
⁴³ АВИМАИВнВС. Ф. ДКМ. Оп. 4. Д. 896. Л. 172.
⁴⁴ Там же. Л. 172 об., 181.
⁴⁵ Там же. Л. 262–262 об., 265.
⁴⁶ Там же. Л. 263 об.
⁴⁷ АВИМАИВнВС. Ф. ДКМ. Оп. 4. Д. 899. Л. 471.
⁴⁸ Там же. Л. 471–471 об.
⁴⁹ Ратч В.Ф. Сведения об артиллерии Гатчинских войск. С. 40.
⁵⁰ АВИМАИВнВС. Ф. ДКМ. Оп. 4. Д. 896. Л. 440.
⁵¹ Там же. Л. 440.
⁵² Там же. Л. 441.
⁵³ Там же. Л. 441–441 об.
⁵⁴ АВИМАИВнВС. Ф. ДКМ. Оп. 4. Д. 899. Л. 520 об.
⁵⁵ Там же. Д. 896. Л. 545.
⁵⁶ Там же. Д. 899. Л. 539 об.
⁵⁷ Там же. Д. 896. Л. 441.
⁵⁸ Там же. Д. 897. Л. 551.
⁵⁹ Там же. Д. 898. Л. 451.
⁶⁰ Там же. Д. 910. Л. 473.
⁶¹ Там же. Д. 911. Л. 36.
⁶² Там же. Д. 912. Л. 385.
⁶³ Там же. Д. 922. Л. 122–130.
⁶⁴ ОР РНБ. Ф. Эрм. № 151. Л. 8 об.–10.
⁶⁵ АВИМАИВнВС. Ф. ДКМ. Оп. 4. Д. 922. Л. 157.
⁶⁶ Там же. Л. 228–230.
⁶⁷ Там же. Л. 267, 301–303.
⁶⁸ Ратч В.Ф. Сведения о графе Алексее Андреевиче Аракчееве. С. 103.
⁶⁹ Там же. С. 101.
⁷⁰ ОР РНБ. Ф. Эрм. № 151. Л. 8 об.–9 об.
⁷¹ Ратч В.Ф. Сведения о графе Алексее Андреевиче Аракчееве. С. 102–103.
⁷² Там же. С. 103.
⁷³ АВИМАИВнВС. Ф. ДКМ. Оп. 4. Д. 926. Л. 89.
⁷⁴ Там же. Д. 895. Л. 120.
⁷⁵ Там же. Л. 164.
⁷⁶ ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 304. Л. 4 об.
⁷⁷ АВИМАИВнВС. Ф. ДКМ. Оп. 4. Д. 893. Л. 183.
⁷⁸ Там же. Д. 894. Л. 79.
⁷⁹ Там же. Д. 899. Л. 202.
⁸⁰ Там же. Л. 202.
⁸¹ АВИМАИВнВС. Ф. ДКМ. Оп. 4. Д. 896. Л. 537.
⁸² Там же. Д. 899. Л. 533 об.
⁸³ Там же. Д. 907. Л. 172.
⁸⁴ Там же. Л. 134–134 об.; Д. 922. Л. 123–129, 131–134, 229–232, 302–303.

А.А. Виниус и русская артиллерия между «первой и второй Нарвой»

19 мая 1700 г. объявлен указ «всякие дела, которые были в Пушкарском приказе, ведать генералу артиллерии царевичю Александру Арчиловичю»¹. Ровно через шесть месяцев, 19 ноября, в сражении под Нарвой имеретинский царевич попал в плен.

В ночь после сражения к шведам был послан генерал-майор Бутурлин, просивший, чтобы оружие на другой день «было удержано» и российские войска могли свободно отступить. Карл XII обещал просьбу исполнить: по рассказу «Поденной записки», «генералы швецкие по повелению королевскому в присутствии самого короля дали слово, что российскому оставшему войску свободно наутре отступить со всем ружьем и з знаменами, толко без артиллерии». Некоторое время спустя русские генералы были призваны к королю, который собственным словом подтвердил решение. «И притом от нашего генералитета требовано было всей артиллерии, которую шведы взяли в шанцах, и король сам сказал: что де артиллерия ваша у нас уже за спиною, и отдать не надлежит. Против которого его королевскаго ответу просили паки, хотя б одни полковья пушки велел отдать. Против чего сказал последнее и обещал отдать ис полковых пушек только 6, однако ж после и тех не отдали»².

При русском войске под Нарвой находилось пушек: больших – 63, в том числе картаунов и 30-фунтовых – 4; 24- и 18-фунтовых – 26; 12-и, 10-и и 6-фунтовых – 33; мортир 3-х и 2-пудовых – 25, гаубиц пудовых – 7, полковых пушек 3-фунтовых – 50³. Повидимому, все это было в сражении утрачено.

Так российская армия лишилась большей части артиллерии, которой тогда располагала.

Как была восполнена утрата, в общем, известно. По словам той же «Гистории», «по прибытии ево государевом на Москве выдан указ, чтоб собрать часть колоколов со всего государства з знатных городов от церквей и монастырей для делания пушек и мартиров. Что чрез ту зиму и исправлено, и зделано пушек брешштыкен 100, полевых 6- и 3-фунтовых 143, итого 243; мартир 9-ти пудовых – 6, 3-пудовых 6, итого 12; гоубиц болших 13 (и по весне та артиллерия отпущена в Новгород)»⁴. Потери не были компенсированы полностью, но результаты сделанного в целом впечатляют.

При помещенных в «Гистории Свейской войны» сведениях не упомянут к тому времени отошедший от дел гражданский человек, которому российская армия в определяющей степени обязана восстановлением потерянной артиллерии. Речь идет об Андрее Андреевиче Виниусе, назначенном исполнять обязанности генерал-фельдцейхмейстера, захваченного под Нарвой вместе с пушками. Поскольку должность за пленным была сохранена, для Виниуса изобрели особую. В письме от января 1703 г. Петр I обращается к нему, называя «господином *надзирателем а(р)тиллерии*»⁵. Это словосочетание закрепилось в литературе и нередко используется для обозначения его должности по артиллерийскому ведомству.

На страницах «Гистории» имя Виниуса вообще не упоминается. Конечно, можно говорить, что ко времени окончания Северной войны его почти уже пять лет как не было в живых, а с больших постов, в большей или меньшей степени связанных с работой «на победу», он был отстранен еще в 1703 г. – его имя и деятельность современниками забывались. Но Поденная записка заложила стандарт оценки его деятельности (в контексте истории начального этапа войны) и для нынешних историков. У военных историков наиболее распространены два варианта «обращения» с его фигурой. Согласно первому, его деятельность оценивается невысоко⁶, причем противопоставляется деятельности пришедшего ему на смену Я.В. Брюса. Так, В.А. Чернухин прямо пишет, что «А.А. Виниус не в полной мере устраивал Петра I» и перечисляет объективные причины, требовавшие «более авторитетного, с высокой профессиональной подготовкой начальника артиллерийского ведомства». Таковым, по его мнению, являлся «один из образованнейших и опытнейших артиллеристов» Брюс⁷. Не менее распространен подход, в рамках которого при описании и характеристике ситуации обильно используются документальные материалы, непосредственно связанные с Виниусом (в первую очередь его переписка с Петром), но оценка его (Виниуса) деятельности не дается. В качестве примера укажем на работу Н.Н. Петрухинцева, опубликованную в том же сборнике, где и предыдущая статья⁸. Мы, разумеется, далеки от мысли требовать от историка в каждом его сочинении оценочных суждений в адрес всех персонажей, в нем упомянутых. Наличие или отсутствие таковых определяется в первую очередь авторским замыслом, но также и множеством других причин, в том числе независимых. Хочется, однако, обратить внимание на несбалансированность общей ситуации: Виниус в истории артиллерии вроде бы и есть (представлен в историографии цитатами тех же писем и делами в них отраженными), и в то же время его в ней нет (оценка эффективности и значения его труда в общее дело отсутствует).

А.А. Виниус

Настоящая статья преследует цель дать общую оценку трудам Винуса на посту «надзирателя артиллерии» и, в частности, напомнить о его персональном вкладе в восстановление русской артиллерии после «первой Нарвы». Мы сознательно почти не привлекаем новых источников. На наш взгляд, уже введенных в научный оборот вполне достаточно, чтобы придти к вполне определенным выводам.

Предварительно отметим, что, «надзирая» артиллерию, А.А. Винус параллельно выполнял еще несколько ответственных поручений: руководил почтами (до середины марта 1701 г.⁹), возглавлял Сибирский приказ, отвечал за работу приказа Аптекарского. Каждое из этих поручений было, пользуясь выражением Петра, «тысячи его головы дороже». Но почтами и Сибирским приказом он занимался уж не первый год и с ними сжился, давно себя с этими службами (особенно с сибирской) отождествляя. В Аптеке еще дьяком он трудился больше десятилетия (в 1677–1689 гг.) – и это поприще было ему хорошо знакомо. Поручение Винусу руководства артиллерией предполагало преодоление множества еще неизвестных проблем. Между тем, в 1701 г. ему исполнилось 60 лет.

Напряжение, в котором создавалась новая артиллерия, рисует переписка Винуса и Петра I. Одна из проблем, требовавшая немедленного решения – найти в необходимом количестве красную медь, без добавки которой невозможно использовать медь колокольную. Ее поставка была возложена на должностных лиц системы городского управления – бурмистров (бургомистров). Приказывать им надзиратель артиллерии права не имел – лишь посылал памяти и жаловался при задержках Петру (28 марта 1701 г.: «прилежно молю об указе бургомистрам, чтоб радетьнее исполняли по памятям Пушкарского приказа: от них остановка многая»¹⁰).

29 апреля Винус сообщал ему новости по поводу артиллерии, жаловался на «неискусство» мастеров, извещал о поставках металла («и колокол в приеме по се, государь, число с 34 000 пуд»), обращая внимание на связанные с этим проблемы («красной меди бургомистры не присылают, а колокольная медь в пушки без той не годна»¹¹).

Наконец, можно было рапортовать и об успехах. Такой рапорт находим в письме от 26 мая 1701 г.: «Об артиллерии тебе, государю, буди известно: ныне в готовности пушек число немалое, болши 30 болших на поле стоят прострелены и новыми пушкарями обрелись зело целны; а полковых 3 фунтовых готово болши 50». Несмотря на трудности («К тому, государь, люди приставленные плохи, и пьянства и глупости ради многое являют несовершенство во всем. Мартьян своего ради пьянства от своего дела отлучился и скрылся, Крейдер не может уже 4 недели сердечник вынять, а протчие, хотя как ни бью, пьяни, опричь одного Семена Леонтьева»), пополнение артиллерийского парка продолжалось («...нынешние остальные фурмы чаю вылить; а вылито, государь, всех болши 110 пушек, толко в них упаль, за неискусством майстеров будет»¹²).

Остается неясной роль Винуса в реализации указа о сборе колокольной меди, которой по сведениям из того же письма было собрано около 40 тысяч пудов. Вполне, однако, очевидно, что именно на нем лежала ответственность за то, чтобы колокола и их обломки превратились в пушки. Н.Н. Петрухинцев недавно разыскал и опубликовал ценный документ, с помощью которого, во-первых, показал, сколько конкретно колокольной меди было использовано для пушечного литья после «первой Нарвы» (7497 пудов 18 фунтов), во-вторых, установил, что в дело этой меди пошло значительно меньше, чем было собрано (всего 18,7% – меньше одной пятой)¹³. Заметим, что предполагать похожую картину можно было уже из писем Винуса, который жалуется на недостаток исключительно *красной* меди. Отыскать ее в России оказалось неизмеримо труднее, чем лишиться колоколов ее храмы.

Брешь, пробитая под Нарвой в обеспеченности российской армии артиллерией, была залатана. Винус, получая сообщения о первых победах русских войск, не без основания видел и свой в них вклад. Побеждала его попечениями возрожденная артиллерия, стрелявшая его же порохом. Собственные заслуги казались настолько очевидными, что он не стеснялся напомнить о них даже царю. Мы еще приведем его высказывания на этот счет, относящиеся к 1706–1707 г. Ограничимся пока ссылкой на письмо Петру от 8 декабря 1702 г. из Верхотурья, в котором он писал о «победительной силе», которую Господь «даровал нашей новой, *слезами окропленной*, артиллерии и порохом»¹⁴.

Обратим внимание, что в связке с артиллерией Винус упоминает и порох. Без него последняя бесполезна. Не случайно в «Сокращенном объявлении прибыточным полезным делам...» (записке о своих достижениях на служебном поприще, которую Винус подготовил в 1703 г.) сразу же за сведениями об успехах в отливке орудий отмечено, что «порохи учали ныне делать за крепким смотрением лутче»¹⁵.

Лихорадочное напряжение, в котором работало ведомство Винуса, можно было, казалось, теперь ослабить. Но война продолжалась, требуя новых пушек и множества других вещей, необходимых, чтобы они стреляли. Утомленная долгой работой в форсированном режиме машина стала давать сбои.

К началу 1703 г. относятся несколько царских писем Винусу, твердящих об одном – железе, артиллерии, боеприпасах. 30 января Петр требовал посылки артиллерии, 10 и 19 февраля из Воронежа приказывал прислать большую часть имевшегося в Москве уральского железа и изделий из него (в том числе ружей). Тогда же (19-го) царь требует незамедлительного приезда Винуса в Воронеж.

Постепенно нарастало недовольство результатами деятельности Винуса-надзирателя артиллерии. В уже цитированном письме от 19 марта 1703 г. Петр первым делом требует от Ромодановского разобраться с «великой недовозкой артиллерии». «Изволь его допросить, – требует царь, – для чего так делается такое главное дело с таким небрежением, которое *тысячи его головы дороже*»¹⁶.

Допросы Винуса и упомянутых в его объяснениях лиц (полковника Ягана Гошки и «алтилерского дьяка» Лариона Протасова) состоялись 6 апреля 1703 г.¹⁷. Винус сообщил, что не обо всех распоряжениях царя был своевременно уведомлен. Но пока он находился на Урале¹⁸, наряд, подготовленный Брюсом и Гошкой, уже исполнялся: что было налицо – отпускал под роспись голова Иван Башмаков. Меньше чем требовали, отправлено было боеприпасов – но виноваты в этом заводчики, выполнившие обязательства не в полном объеме¹⁹. Мало прислано трубок²⁰, но их подражался делать сам Яган Гошка, который «с Москвы ныне не едет». Упрек по поводу трубок открыл шлюз потоку взаимных обвинений Винуса и Гошки, составляющих большую часть протокола допроса. В вину Винусу при этом была дополнительно поставлено неисполнение поставки в Шлиссельбург припасов еще

по одной росписи, «что по ней все статьи в недозове». За Виниуса вступился дьяк Протасов: «такой де росписи, кроме вышеписанной Яковлевой росписи Брюса, в Приказе артиллерии нет; для де того, того всего было и не готовлено». А раз «ее нет – и сказывать про такую роспись нечево». По поводу еще одного обвинения царя (что «мастер, которой зашрублевает запалы у пушек, по сей час не прислан») Виниус отвечал, что об этом мастере (Филимоне Шпекле) в январе была послана грамота к Б.П. Шереметеву: «велено ево изо Пскова немедленно послать в Шлюселбурх». Шереметев сообщил в Приказ артиллерии, что тот 23 января послан. «И по той ево отписке, – объясняет Виниус, – чаяли что он, Шпекла, давно в Шлюсельбурх доехал, и дело свое исправил»²¹.

В целом Виниус вполне удовлетворительно оправдался перед князь-кесарем – его ответы на вопросы выглядят и основательнее и убедительнее, чем разъяснения валившего на него все упущения Гошки. Было вполне очевидно, что некоторые претензии предъявлены по недоразумению (в вину ему вменили неисполнение работ по росписи, которой, как оказалось, не существовало). Что касается других – трудно судить, имел ли место оговор со стороны полковника, но учитывая дурные между ними отношения, исключить этого полностью нельзя. Но и очиститься в полной мере Виниус не сумел – сам факт конфликта с Гошкой можно было ставить ему в вину: от него ждали не склок и разборок, а пушек по списку и лекарей с набитыми лекарствами сундуками.

Репутация была подпорчена. Впрочем, ситуация не казалась еще критической. Расследования по подозрению в злоупотреблениях в отношении окружавших Петра его «птенцов» проводились часто, став характерной чертой той эпохи. И далеко не каждое из них заканчивалось отстранением провинившегося, еще реже – более крутыми мерами. Не ожидал серьезных последствий и Виниус. Во всяком случае, уходил из Преображенского приказа он, полагаем, в уверенности, что дал ответы, его реабилитирующие. По-видимому, что и перед Ромодановским недоброжелателям скомпрометировать его не удалось – не исключаем даже, что тексты допросов при их редактировании были по возможности сориентированы на обеление Виниуса.

Но силы, заинтересованные в отстранении Виниуса от власти, использовали физическую удаленность его от царя (тот воевал и строил корабли, Виниус обеспечивал эти занятия – железом, порохом, пушками, лекарствами, деньгами) и продолжали настраивать против него монарха. Добиться успеха скоро удастся А.Д. Меншикову.

Подведем итоги. Подобно ситуации с Аптекарским приказом, на спасение артиллерии Виниус был брошен в первую очередь благодаря установившейся за ним репутации умелого управленца. Успеху содействовало наличие у него опыта и некоторых знаний в области металлургии, в частности, литейного дела, – они помогали ему быстро находить наиболее эффективные решения, избегать ошибочных. Из опиравшегося на эти знания тяжелого труда, а вовсе не из горестных причитаний и колокольного звона была возрождена потерянная под Нарвой русская артиллерия. Немного было в России того времени людей, от которых можно было бы ждать столь же значительных результатов на этом поприще, как достигнутые Виниусом. Несомненно, большими знаниями в области артиллерии и не меньшими, чем Виниус, способностями и навыками управленца обладал Я.В. Брюс. И выбор Петром его кандидатуры в качестве руководителя артиллерийского ведомства после «второй Нарвы» не случаен. Но, полагаем, далеко не факт, что это назначение состоялось, если бы не опустело место, которое занимал Виниус.

Приведем в заключение дополнительные данные, характеризующие собственную оценку Виниусом его трудов по артиллерийской части – она интересна не только сама по себе, но и аргументами, обосновывающими ее справедливость. Обратимся к уже цитированному нами «Сокращенному объявлению прибыточным полезным делам, которые учинены при сиденье думного дьяка Андрея Андреевича Виниуса в Сибирском с 203-го года, всего в 8 лет, а в Приказе Артиллерии с 1701-го, всего в 2 года» – реестру достижений, приложенному к челобитию на предмет награждения «за сия свои службы» дворами в Козельском и Переславском уездах. Заслуги разнесены в нем по приказам раздельно. Пушки и мортиры фигурируют в обоих списках, но в каждом разделе выделен свой аспект. В разделе Сибирском основной акцент сделан на железе и железных заводах. В артиллерийском говорится об орудиях: «в те прошлые 2 года всяких пушек, и мортиров, и гоубиц со многими трудами вылито 400 мест и больше»²². Заметим, что позднее (в письме от 16 ноября 1706 г.) Виниус эту цифру значительно увеличит: заявит, что «у артиллерии будучи, в 2 лета болши 600 пушек, мортиров и гаубиц со всем уготавил»²³. «Собранною мною вашею казною артиллерию такую устроиш, – напишет он в другом письме в 1707 г., – я же воистинно слезами моими бе облита, обаче по самому свидетельству вашего величества свыше от Господа Бога тако благословися, яко своими предивными промыслы величество ваше достали теми моих трудов пушками, порохами и протчими

Сражение под Нарвой 19 ноября 1700 г. Гравюра XVIII в.

орудиями от неприятелей своих грады Нарву, Иван-город, Дерпт, Яму, Копорье и Шлюсенбурх, еще же и Шлотбурх»²⁴.

Виниус не считал, что его заслуги ограничиваются *восстановлением* артиллерии. В «Сокращенном объявлении» он заявлял: «В полноту преизобилную артиллерия неслыханая сибирская начинает выходить, которая такую своей естественной природы имеет доброту и мягкость, каких пушек и протчих оружей лучше во всей вселенной быть не мочно»²⁵. Отбросив красоты стиля, получаем весьма внушительный остаток. Виниус действительно и восстановил потерянную артиллерию (что признавал царь), и заложил базу для будущего ее устойчивого воспроизводства. Не согласиться с этим было невозможно даже в условиях тотальной информационной блокады (а вокруг Петра тотальной она все-таки не была).

Даже постепенно терявший веру в своего сотрудника Петр, кажется, понимал, что уж в чем другом, но в сфере артиллерии заслуг у Виниуса не отнять. Сознательная значимость участия Виниуса в судьбе русской артиллерии и пользу от дальнейшей его в этой сфере службы, Петр, по-видимому, на некоторое время оставляет его в артиллерии (хотя не на руководящем посту) и после удаления из прочих ведомств. Во всяком случае в царском распоряжении о переподчинении руководства Сибирским и Аптекарским приказами (Ф.Ю. Ромодановскому, в письме к нему от 9 октября 1703 г.²⁶), артиллерийское ведомство не названо.

Организационные неувязки, в своем большинстве обусловленные не зависевшими от Виниуса причинами, были раздуты до вселенских размеров, скрыв от современников и потомков несомненные заслуги человека, место которого в истории отечественной артиллерии не должно быть забыто.

¹ Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II-м отделением Собственной его императорского величества канцелярии. Т. 4 (с 1676 по 1701 г.). СПб., 1855. Стлб. 1133; Чернухин В.А. Артиллерийское ведомство и реформы в области артиллерии в петровское время // «Мы были!» Генерал-фельдцейхмейстер Я.В. Брюс и его эпоха. Мат-лы Всеросс. научн. конф-ции (12–14 мая 2004 г.). Ч. 2. СПб., 2004. С. 86.

² История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / Сост. Т.С. Майкова. Вып. 2. М., 2004. С. 207.

³ Там же. С. 209. Сведения приведены сразу после списков убитых и плененных офицеров, в связи с чем логично и их отнести к потерям. Кроме того, в одной из редакций вместо этих данных оставлено чистое место с пометой А.В. Макарова: «Написать число пушек, сколько было и пропало» (Там же. Вып. 2. С. 28).

⁴ Там же. Вып. 1. С. 210. Приведенные данные, возможно, не вполне точны – во всяком случае, этого не исключали авторы «Истории». В одной из редакций против приведенного абзаца сохранилась карандашная помета А.В. Макарова: «Трехпудовых написано мало и для того оставить место». Помета в другой рукописи разъясняет, о каких именно орудиях идет речь: «Справитца о мортирах трехпудовых» (Там же. Вып. 2. С. 30).

⁵ Письма и бумаги императора Петра Великого (далее ПиБ). Т. 2. СПб. 1887. № 487.

⁶ При этом подразумевается или открыто указывается на претензии к нему Петра, а также, иногда, на свидетельство личной, якобы, нечистоплотности – попытку подкупить А.Д. Меншикова, историю, по нашему мнению, во многих деталях сомнительную.

⁷ Чернухин В.А. Указ. соч. С. 87.

⁸ Петрухинцев Н.Н. Пушки и колокола: письмо Я.В. Брюса об итогах операции по переливке в 1701 г. колоколов на пушки после «первой Нарвы» // «Мы были!» Генерал-фельдцейхмейстер Я.В. Брюс и его эпоха. Мат-лы Всеросс. научн. конф-ции (12–14 мая 2004 г.). Ч. 2. СПб., 2004. С. 49–51.

⁹ Вигилев А.Н. История отечественной почты. 2-е изд. М., 1990. С. 133.

¹⁰ ПиБ I. СПб., 1887. С. 851.

¹¹ Там же. С. 852–853.

¹² ПиБ I. С. 855–856.

¹³ Петрухинцев Н.Н. Указ. соч. С. 49, 51.

¹⁴ ПиБ II. С. 413. Выделения в цитатах здесь и далее наши.

¹⁵ ПиБ V. СПб., 1907. С. 721. Одним из поставщиков пороха в казну выступал Е. Избрант Идес, о подряде которого в «несколько тысяч пуд» Виниус писал Петру 29 апреля 1701 г., прося переадресовать поставку с Воронежа на Новгород (ПиБ I. С. 853). С 1703 г. Избрант Идес арендовал пороховую мельницу на р. Яузе, основанную некогда Бахерахтом (Amburger E.N. Die Familie Marselis, Studien zur russischen Wirtschaftsgeschichte. IV. Giessen, 1957. S. 203). Ему она досталась на время, пока шло разбирательство жалобы А.А. Виниуса на прежнего ее арендатора – Р. Мейера (Ковригина В.А. Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII – первой четверти XVIII века. М., 1998. С. 194).

¹⁶ ПиБ II. № 500.

¹⁷ Там же. С. 495–505.

¹⁸ А.А. Виниус с конца июля до конца декабря 1702 г. находился в инспекционной поездке по Уралу, где посетил Тобольск, Верхотурье, Невьянский и Каменский заводы (Кафенгауз Б.Б. История хозяйства Демидовых в XVIII-XIX вв.: Опыт исследования по истории уральской металлургии. Т. 1. М.-Л., 1949. С. 110–129).

¹⁹ «И для тех запасов недостаточных, – сообщил Виниус, – как на Воронеже государь мне быть указал, и я на заводы заезжал, и с прикащиком боярина Лва Кириловича виделся, и спрашивал у него, для чего припасов мало, и медленно присылают; и он сказал: зимы де ничего ни дороги на Украине нет, и руды девяности верст возить за бездорожицею немочно, а запасной де руды готовой нет, и затем литье остоновилось» (ПиБ II. С. 501).

²⁰ Видимо, о них в конце февраля 1703 г. писал Петру Б.П. Шереметев: «ныне же вновь делают медные трупки, в чем гранодиры фитили носят» (ПиБ II. С. 475).

²¹ ПиБ II. С. 495, 496, 502, 504, 505.

²² ПиБ V. С. 721.

²³ Там же.

²⁴ Российская национальная библиотека. Эрмитажное собр. Ед. хр. 22. Л. 196.

²⁵ ПиБ V. С. 722.

²⁶ ПиБ II. № 594.

Сведения об авторах

Григоров Иван Иванович – врач, Ржевский артиллерийский полигон, в/ч 33491

Лебедева Светлана Соломоновна – доктор педагогических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы

Лобин Алексей Николаевич – кандидат исторических наук, Санкт-Петербургский государственный университет

Логаткин Станислав Михайлович – кандидат медицинских наук, Ржевский артиллерийский полигон, в/ч 33491

Мальшев Виктор Николаевич – младший научный сотрудник, Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи

Новикова Ольга Валерьевна – старший научный сотрудник, Государственный Русский музей

Озерецковский Лев Борисович – доктор медицинских наук, профессор, старший научный сотрудник, Военно-медицинская академия им. С.М. Кирова

Ошарин Алексей Викторович – кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный институт точной механики и оптики (технический университет)

Петрухинцев Николай Николаевич – доктор исторических наук, профессор, Липецкий филиал Орловской академии государственной службы

Постнов Олег Георгиевич – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт филологии Сибирского отделения Российской Академии наук

Пуденкова Елена Петровна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Библиотека-Фонд «Русское Зарубежье»

Семенов Константин Константинович – научный сотрудник, Библиотека-Фонд «Русское Зарубежье»

Середа Надежда Владимировна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой Тверского государственного университета

Серов Дмитрий Олегович – кандидат исторических наук, доцент, Новосибирский государственный университет

Славнитский Николай Равильевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Государственный музей истории Санкт-Петербурга

Степко Лев Александрович – заместитель директора по науке Новороссийского государственного исторического музея-заповедника

Таубин Игорь Александрович – кандидат технических наук, доцент, Военная академия связи

Терентьев Леонид Прокопьевич – кандидат медицинских наук, доцент, Военно-медицинская академия им. С.М. Кирова

Филатов Олег Васильевич – старший научный сотрудник, заведующий сектором Центрального военно-морского музея

Шевырин Сергей Владимирович – научный сотрудник, Мемориальный музей истории политических репрессий «Пермь-36»

Юркевич Евгений Иванович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи

Юркин Игорь Николаевич – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт истории, естествознания и техники им. С.И. Вавилова

Юрченко Яков Яковлевич – доктор педагогических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы

Содержание

<i>С.С. Лебедева.</i> Социальная направленность деятельности Военного и Морского министерств в середине XIX века (К 150-летию завершения Крымской кампании)	3
<i>С.С. Лебедева, Я.Я. Юрченко.</i> Служение отечеству на военном и гражданском поприще (Из истории жизни и деятельности генералов-артиллеристов XIX века А.П. Безака и Н.А. Крыжановского)	6
<i>А.Н. Лобин.</i> «Большой голландский наряд» во второй половине XVII века: опыт организации артиллерии по иностранному образцу	10
<i>С.М. Логаткин, Л.Б. Озерецковский, Л.П. Терентьев, И.И. Григоров.</i> Из истории создания шумозащитного шлема для орудийных расчетов	15
<i>В.Н. Мальшев.</i> Реформы Петра III в армейской одежде	18
<i>О.В. Новикова.</i> Известный и неизвестный генерал-фельдцейхмейстер князь Г.Г. Орлов	24
<i>А.В. Ошарин.</i> Русская оборона в руках иностранцев. 1861–1917 годы (Проблемы заграничных заказов и технического содействия в политике вооружений Военного и Морского министерств)	28
<i>Н.Н. Петрухинцев.</i> Основные этапы «ландмилицкой» реформы 1710–1730-х годов	32
<i>О.Г. Постнов.</i> Русская военная эпитафия XVIII – начала XIX веков	38
<i>Е.П. Пуденкова.</i> Неизвестные источники по истории русских военных формирований на территории Польши (1920)	43
<i>К.К. Семенов.</i> Чужая война? Новый взгляд на участие русской эмиграции в испанской гражданской войне (1936–1939)	48
<i>Н.В. Середа.</i> Тверские купцы о себе и войне 1812 года	53
<i>Д.О. Серов.</i> Малоизвестная страница истории военной юстиции России: процесс Я.Ф. Долгорукова (1718)	57
<i>Н.Р. Славитский.</i> Трофейная артиллерия, взятая русскими войсками, и ее использование в крепостях Северо-Запада в годы Северной войны	61
<i>Л.А. Степко.</i> Новороссийск: история города в контексте истории фортификации	66
<i>И.А. Таубин.</i> Великий князь Михаил Николаевич – последний генерал-фельдцейхмейстер российской артиллерии	69
<i>О.В. Филатов.</i> Обучение военному делу Наследника Цесаревича Алексея Николаевича Романова	72
<i>С.В. Шевырин.</i> Военное производство ГУЛАГа в годы Великой Отечественной войны на примере Молотовской (Пермской) области	77
<i>Е.И. Юркевич.</i> Комплектование нижними чинами артиллерии Гатчинских войск Великого князя Павла Петровича (По страницам неизвестных документов)	81
<i>И.Н. Юркин.</i> А.А. Виниус и русская артиллерия между «первой и второй Нарвой»	87
Сведения об авторах	91